

Михаил Михайлович ШТРАНГЕ

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789-1794 гг.

Москва: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1956

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР П.К.АЛЕФИРЕНКО

Веб-публикация: Martine Gabrielle и редакторы библиотеки [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2009

Введение

Глава 1. Общественно-политическая жизнь России в последней трети XVIII в.

Глава 2. Начало революции во Франции и первые отклики на нее в России

Глава 3. Отражение в России революционных событий 1791 г. во Франции

Глава 4. Свержение монархии во Франции в оценке русских современников

Глава 5. Отношение русского общества к якобинской диктатуре

Заключение

Источники и литература

Тематические материалы в нашей библиотеке

- Н.Лукин. Царизм и Французская буржуазная революция 1789 года: по донесениям И.М.Симолина http://vive-liberta.narod.ru/biblio/luk_simolin.pdf
- Р.Авербух. Политика европейских держав в 1787-1791 гг. http://vive-liberta.narod.ru/journal/aver_dipl.pdf
- И.Симолин. Деша вице-канцлеру графу Остерману - подробное изложение событий 11-17 июля 1789 года в Париже <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/dep66.pdf>
- Французская дипломатия во время Революции: материалы Министерства иностранных дел Франции <http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm>
- Международная политика в документах О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция (1830-е гг.) <http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm#mid>
<http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm#orlic>
- Н.Гудзий. Великая французская революция и русская литература http://vive-liberta.narod.ru/biblio/gudz_lit.pdf
- М.Разумовская. "Читать любит?" О проблеме книги во Франции 18 в. и в романе Гончарова "Обрыв" http://enlightment2005.narod.ru/papers/rasumv_lect.pdf
- Карамзин и Великая французская революция <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/HS/aristo.htm#karamzin>
http://enlightment2005.narod.ru/arc/bolotov_ershov.pdf
- И.Щеблыгина. Нравственная позиция А.Т.Болотова в системе его ценностных ориентации (К вопросу о системе ценностей русского образованного дворянства второй половины XVIII в.) <http://enlightment2005.narod.ru/arc/bern-sp.pdf>
- А.Строев. Бернарден де Сен-Пьер и Екатерина II <http://enlightment2005.narod.ru/arc/bern-sp.pdf>
Сборник «Французская революция русская литература»
- Г.Фридлендер. Русская культура и Великая французская революция XVIII века (вместо введения) <http://narod.ru/disk/8193483000/rus-lit1.pdf.html>
- Ю.Лотман. Политическое мышление Радищева и Карамзина и опыт французской революции <http://narod.ru/disk/8193505000/rus-lit2.pdf.html>
- Ю.Стенник. Тема Великой французской революции в консервативной литературе и публицистике 1790-х годов
- П.Заборов. Русская тема во французской драматургии революционных лет («Петр Великий» Ж.-Н.Буйи) <http://narod.ru/disk/8193532000/rus-lit3.pdf.html>
- А.Янушкевич. В.А.Жуковский и Великая французская революция

- В.Туниманов. Лестница девяностых годов (Идеи и люди ВФР в публицистике и художественном творчестве А.И.Герцена) <http://narod.ru/disk/8193563000/rus-lit4.pdf.html>
- Г.Фридлендер. Вольность и Закон (Пушкин и Великая французская революция) <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/Rus-lit6.pdf>
- А.Иезуитов. В.Г.Белинский и Великая французская революция
- Г.Галаган. Идея обновления мира <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/Rus-lit7.pdf>
- Лидия Лотман. Проблема Великой французской революции в литературной полемике конца XIX—начала XX в. (А.Франс и Достоевский)
- С.Ясенский. Рассказ Леонида Андреева «Так было» (историко-культурный контекст)
- А.Адо. Живое наследие Великой революции. Предисловие к серии книг к 200-летию ВФР <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57334957.htm#more1>
- А.Гордон. Великая французская революция как великое историческое событие <http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon3.pdf>
- Т.Кондратьева. Большевики-якобинцы и призрак Термидора http://vive-liberta.narod.ru/biblio/therm_condr.htm
- Подборки материалов (по персоналиям) на сводных страницах
- Александр Николаевич РАДИЦЕВ <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#rad>
- Иван Матвеевич СИМОЛИН <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#simolin>
- Николай Михайлович КАРАМЗИН <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#karamz>
- Екатерина II http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#kat_ii

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос об отношении русского общества конца XVIII в. к французской буржуазной революции 1789—1794 гг. не получил еще достаточно полного освещения в советской исторической науке. Этой теме не было посвящено ни одного специального исследования, хотя многие историки отрывочно занимались ею.

Русские буржуазные историки конца XIX и начала XX в. под впечатлением ширившегося в стране революционного движения стремились замалчивать историю борьбы народных масс. Изучая влияние французской буржуазной революции на русское общество конца XVIII в., они удовлетворялись изложением отдельных фактов и эпизодов, использовали ограниченный, односторонний материал, отражавший точку зрения дворянских кругов. Буржуазные историки отрицали сочувственное отношение передовых кругов русского общества к революции. При этом они ссылались на политическую и экономическую отсталость России и на отсутствие среди непривилегированных слоев городского населения людей, которые понимали бы цели и ход революции во Франции и могли бы разделять ее идеи. Они считали, что только среди некоторой части дворянства, воспитанной на произведениях французских просветителей XVIII в., проявлялось сочувствие к революции.

В конце XIX в. в России этому вопросу было посвящено лишь несколько небольших работ. Обзорная статья А.Г.Брикнера «С.-Петербургские ведомости во время французской революции» (1876), в которой автор, отождествляя общественную мысль с политической направленностью казенной прессы, пришел к заключению, что «отзывы русских о политических событиях и государственных учреждениях на Западе были очень часто чрезвычайно неблагоприятными...», особенно когда иностранцы «ограничивали монархическую власть». Другая статья, «Московские ведомости 1789 года и начало революции во Франции» (1882), принадлежит А.И.Кирпичникову и по выводам немногим отличается от работы Брикнера.

Вопрос об отношении русской общественной мысли к буржуазной революции во Франции в той или иной мере затрагивали и некоторые другие историки. А.Н.Пыпин, например, считал, что «тот умственный и общественный переворот, который из Франции распространился на всю Европу, коснулся своими последними влияниями и России», подразумевая дворянское революционное движение 20-х гг. XIX в. Что же относится к русским людям конца XVIII в., современникам революции, то А.Н.Пыпин считал, что «общество и народ отличались тем же пассивным подчинением, которое сравнительно с XVII в., быть может, даже усилилось»³. П.Н.Милюков, касаясь этого вопроса, писал: «Не было... в Европе страны, которая была бы лучше застрахована от действительного влияния революционных идей на жизнь, чем Россия». Свой вывод он мотивировал тем, что в тот период «Россия только что достигла кульминационного пункта в развитии тех самых рабовладельческих отношений и сословных привилегий, которым был нанесен этими идеями такой решительный удар»⁴.

Буржуазные историки не видели того, что дальнейшее усиление крепостнической эксплуатации в тот период явилось следствием роста производительных сил. Для последних феодальные отношения начинали становиться препятствием. Феодально-крепостнический строй в России к моменту достигнутого им «кульминационного пункта» давал уже трещины: в XVIII в. складывались новые производственные отношения, имевшие капиталистический характер и подрывавшие устои феодального строя. Эти новые явления, которых не видели буржуазные историки, знаменовали усиление экономических и социальных противоречий, обострение классовой борьбы. Все это неизбежно накладывало глубокий отпечаток на умы современников, придавая их мыслям политическую заостренность. Именно эта особенность изучаемого нами периода не была понята буржуазными исследователями, которые, однако, не могли ее не ощутить. В.М.Истрин писал в 1907 г.: «Это была какая-то особая сфера, совершенно непонятная нам теперь. С психологической стороны нам понятнее, т.е. доступнее для нашего восприятия, сфера даже XV—XVI вв., или эпоха Петра, потому что настроение этих эпох может быть охарактеризовано резкими чертами. Но эпоха последних десятилетий XVIII и начала XIX в. носит какой-то особый стиль... Все писатели и общественные деятели того времени живут какой-то особой атмосферой»⁵. Эта «особая атмосфера» и была атмосферой напряженной классовой борьбы, борьбы нового, нарождавшегося, которому принадлежало будущее, со старым, упорно сопротивлявшимся; эта борьба проявлялась в политических и социальных взглядах людей того времени, в экономике, в морали.

Французские буржуазные историки конца XIX и начала XX в., занимавшиеся изучением влияния французской буржуазной революции 1789—1794 гг. на русскую общественную мысль того времени, стояли приблизительно на тех же позициях, что и русские ученые дооктябрьского периода. В своих высказываниях ученые обеих стран перекликались и ссылались друг на друга. Во Франции первым таким историком был известный ученый XIX в. Альфред Рамбо⁶. Его перу принадлежит ряд статей: «Русское общественное мнение и революция» (1878), «Французская революция и русская аристократия» (1878), «Русские либералы и революция» (1881) и т.д. Используя ограниченный и односторонний материал, отражавший дворянскую точку зрения, Рамбо в этих статьях дал неправильное освещение действительного положения вещей, утверждая, что в той общности стремлений, которая возникла в период французской революции между Францией и другими народами, только одна Россия оказалась в стороне, не будучи затронута идеями эпохи. Это утверждение он мотивировал тем, что Россия была крестьянской страной, где горожане якобы являлись разновидностью крестьян, наподобие французских вилланов XI в.

Точка зрения Рамбо легла в основу дальнейших исследований французских историков, в той или иной мере касавшихся данного вопроса⁷. Альбер Сорель в своем многотомном труде «Европа и французская революция» также отводит ряд страниц России. Он пишет, что «революционная пропаганда не могла достигнуть России не только из-за расстояния, но и из-за самого характера цивилизации этой империи». Сорель объяснял это тем, что «ничего не было готово в России ни для политических, ни для гражданских свобод...» Народ в ней не читал ничего, а придворная и чиновная знать читала преимущественно французские книги⁸. Столь же необоснованно звучат высказывания и Шарля де Ларивьера, автора книги, озаглавленной «Екатерина II и французская революция», в которой он утверждал, что «буржуазия Петербурга и Москвы... в основном состояла из иностранцев»⁹.

Ошибочные положения, выдвинутые в конце XIX и начале XX в., до последнего времени находят свое отражение как в монографиях, так и в многотомных всемирных историях, выходящих во Франции. Профессор Марсель Дюнан в курсе лекций, прочитанном им в Сорбонне в 1949—1950 гг. на тему «Французская революция и Европа», довольно обстоятельно останавливается на отношении русского общества к буржуазной революции 1789—1794 гг. «Посмотрим сначала, — говорит он, — что отличает Россию от Франции, и тем самым мы установим, насколько эти два народа, две страны являются различными, и убедимся, что революция в одной из них буквально не может иметь влияния на другую». Однако Дюнан чересчур преувеличивал существовавшие различия в социальной структуре и в культуре двух стран. В частности, касаясь русских городов, он говорит, что в них «хотя и жили купцы, ремесленники и мелкие служащие», но это были «в какой-то мере существа, коленопреклоненные перед величием государственной власти, пока еще не способные воспринять западные идеи». Допуская, однако, наличие отдельных «сторонников новых идей», он считает их «предельно мало похожими на демократов..., воспринявших революцию только в конечном ее воплощении, ...т.е. в период консулата». В заключение французский ученый приходит к выводу, что «никакого контакта, никаких возможных сравнений» между двумя странами быть не может¹⁰. По-видимому, профессор Дюнан не имел возможности уделить достаточно внимания изучению материала, относящегося к франко-русским отношениям конца XVIII в., да и к последующим периодам. Последние работы советских историков также оказались вне его кругозора. Иначе он не смог бы столь уверенно говорить об отчужденности наших двух народов. Наоборот, именно, начиная с конца XVIII в. и до сегодняшнего дня

включительно, те революционные высоты, на которые были способны подыматься в ходе истории наши два народа, сблизил их.

За последнюю четверть века во Франции, как и в других странах, было опубликовано много статей и специальных исследований, посвященных отношению европейских стран и стран Америки к буржуазной революции во Франции. Эта тема вновь вошла в круг интересов современной зарубежной историографии. Однако во всех этих работах либо вовсе не говорится о России, либо упоминается вскользь и, как правило, в свете тех ошибочных положений, о которых говорилось выше. Подводя итог достигнутым результатам в изучении данного раздела всемирной истории, американский ученый Р.Р.Палмер в своей статье «Последние толкования о влиянии французской революции» представил развернутый библиографический обзор всей этой литературы и наглядно показал ее объем и значение. К сожалению, автором не были учтены работы советских историков, что, несомненно, чрезвычайно обеднило раздел, посвященный России, и привело его к неправильным заключениям о русском обществе того времени, в котором якобы «сторонники революции принадлежали только к высшему классу»¹¹.

Советские историки, руководствуясь марксистско-ленинским методом, подошли с новых позиций к изучению интересующей нас темы. Учитывая внутренние, глубинные процессы общественного развития, они решают вопрос диалектически, во взаимодействии всех его сторон. Начиная с 30-х годов на страницах советской исторической печати был опубликован ряд таких статей¹². Хотя проблема отношения русской общественной мысли конца XVIII в. к буржуазной революции во Франции 1789—1794 гг. не была поставлена в целом — в основном изучались отдельные, более узкие вопросы — тем не менее был поднят новый ценный материал, который ярко показал наличие в России общественной среды, не только сочувствовавшей революции во Франции на всех этапах ее подъема, но и идейно объединявшейся с нею.

В настоящей работе сделана попытка вскрыть идеологические течения и проявления классовой борьбы в России, на которых в той или иной мере сказались идеи и ход революции во Франции. События изложены в хронологическом порядке в соответствии с основными этапами революции, что позволяет лучше определить отношение различных слоев русского общества к каждому из этих этапов в отдельности. Изложение событий доведено до 9 термидора II года (27 июля 1794 г.) — даты, которым Маркс определяет завершение восходящей линии буржуазной революции во Франции.

Использованный в настоящей работе материал, собранный в московских архивах и книгохранилищах, дает возможность глубже вскрыть социально-политические настроения городского населения России в тот период. Основная трудность заключалась в большой распыленности этого материала, а также в недостаточности обнаруженной документации, характеризующей общественные взгляды представителей разночинной интеллигенции, которая не создавала своих семейных архивов, как это делали дворяне.

Помимо личных рукописных фондов и опубликованного в печати эпистолярного материала, большой интерес представляют дела Тайной экспедиции, где сохранились протоколы допросов, показания свидетелей, ответы обвиняемых, позволяющие судить о политических настроениях той среды, к которой эти люди принадлежали. Особого внимания заслуживают также те книги, брошюры и статьи 1792—1796 гг., вышедшие в России, в которых получили то или иное отражение события во Франции. Эти издания преимущественно принадлежали перу реакционеров, но в них содержатся ценные данные о настроениях и взглядах разночинной демократической интеллигенции, против которой в основном они и были направлены. В числе других печатных источников необходимо также отметить периодические издания того времени и, в частности, газеты «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». В этих газетах — как в обзорных статьях о революционных событиях во Франции, так и в объявлениях о книгах, печатавшихся на последних страницах каждого номера, содержатся ценные сведения об изучаемой эпохе. Независимо от тенденциозности этих сведений, они позволяют судить о степени осведомленности русского рядового читателя о революции во Франции на первых этапах ее развития. В ряде дел, хранящихся в архивах Тайной экспедиции и Кабинета Екатерины II, имеются описи французских книг, брошюр, журналов, эстампов, издававшихся в дни революции во Франции, которые, на последующих этапах революции и, в частности, в период якобинской диктатуры, нелегально ходили по рукам среди населения.

Названия журналов и некоторых книг XVIII в. в сносках приводятся сокращенно. Полные названия приведены в указателе литературы.

1 А.Г.Брикнер. С.-Петербургские ведомости во время французской революции. «Древняя и новая Россия», 1876, кн.1, стр.73.

2 А.И.Кирпичников. «Московские ведомости» в 1789 году и начало французской революции. «Исторический вестник», 1882, № 9.

- 3 А.Н.Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900, стр.10, 6.
- 4 П.Н.Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч.III, СПб., 1903, стр.374.
- 5 В.М.Истрин. Опыт методологического введения в историю Русской литературы XIX века, вып.1. СПб., 1907, стр.71—72.
- 6 A.Rambaud. L'Opinion russe et la revolution. «Revue politique et litteraire», 2-e serie, t.XV; La revolution francaise et l'aristocratie russe. «Memoire lu a l'Academie des Sciences Morales et Politiques»; Les liberaux russes et la revolution «Revue politique et litteraire», 3-e serie, t.I, etc .
- 7 L.Pingaud. Les Francais en Russie et les Russes en France L'Ancien regime. L'emigration. Les invasions. Paris, 1886; E.Daudet. Les Bourbons et la Russie pendant la revolution francaise... Paris, 1886; Ch. de Lariviere. Catherine II et la revolution francaise. Paris, 1895; ero же. La France et la Russie au XVIII siecle. Paris, 1909; E.Hauinant. La culture francaise en Russie (1700—1900). Paris, 1910.
- 8 A.Sorel. L'Europe et la revolution francaise, t.I. Paris, 1903. p.511.
- 9 Ch. de Lariviere. Catherine II et la revolution francaise. Paris, 1895, p 65
- 10 M.Dunan. La revolution francaise et l'Europe. Les cours de Sorbonne, t.I. 2-e edit. Paris, [1949], p.17—18.
- 11 R.R.Palmer. Recent interpretations of the influence of the trench revolution. «Journal of world history», 1955, vol.II, № 1, p.190
- 12 См. С.Пумпянский. Великая французская революция в освещении екатерининских газет. «Звезда», 1930, № 9—10; А.Кучеров. Французская революция и русская литература XVIII века. Сб. «XVIII век». М.—Л., 1935; А.Преснов. Французская буржуазная революция и русская общественная мысль. «Исторический журнал», 1939, № 7; М.Гернет. Политический сыск в России в годы французской революции. «Советская юстиция», 1939, № 15—16; Альтман. Русская пресса и начало французской буржуазной революции. «Книга и пролетарская революция», 1939, № 7—8; Н.К.Гудзий. Французская буржуазная революция и русская литература. М., 1944; К.В.Сивков. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII века. «Исторические записки», № 19, М., 1946; П.К.Алефиренко. Правительство Екатерины II и французская буржуазная революция. «Исторические записки», № 22, М., 1947; Л.Коваленко. О влиянии французской буржуазной революции на Украину. «Вопросы истории», 1947, № 2; А. Каганов а. Французская революция конца XVIII века и современная ей русская пресса. «Вопросы истории», 1947, № 7; М.М.Штранге. Французская буржуазная революция 1789—1794 годов и разночинные слои русского общества. «Исторические записки», № 39, М., 1952; Л.Светлов. А.Н.Радищев и политические процессы конца XVIII века. Сб. «Из истории русской философии XVIII—XIX веков». М., 1952.

Глава 1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в.

Во второй половине XVIII в. в России шел процесс по степенному разложению феодально-крепостнической системы хозяйства. Изменения в экономике страны сопровождалась развитием оброчной системы, особенно в не черноземной полосе России, дававшей возможность все большему числу крестьян заниматься различными промыслами и постепенно переходить к производству на рынок. Значительное проникновение товарно-денежных отношений в деревню влекло расслоение крестьянства и постепенное зарождение новых форм эксплуатации «скудных» со стороны более зажиточных односельчан-работодателей и перекупщиков или, как выразительно именовали их со временники, «съедугов» и «краморов». Уже в 1770 г. о «съедугах» писал М.Д.Чулков в журнале «Пересмешник»: «Имея жребий прочих крестьян в своих руках, богатеют на счет их, давая им займы деньги, а потому запрягают их в, свои работы так, как волов в плуги; и где таковых два или один, то вся деревня составлена из бедняков, а он только один между ими богатый»¹. Конечно, процесс дифференциации в деревне шел медленно и далеко не равномерно в зависимости от различных условий. Тем не менее все большее количество мелких сельских производителей постепенно попадало в зависимость от своих односельчан, которые поставляли им сырье, покупали за полцены их изделия. В конце 80-х годов XVIII в. малоизвестный экономист А.Сафонов писал, что «редкий земледелец ныне не бывает должен краморам. Ибо они умышленно для своей пользы снабдевая крестьянство... на кредит своим товаром или деньгами стараются иметь его всегда себе должным...»²

Нужда заставляла беднейшие слои крестьянства искать подсобные заработки на стороне. Развитие в городах и особенно в Петербурге и Москве промышленности и торговли влекло крестьян из деревни. В основном это были отходники, получившие от помещиков, приказчиков или общины отпускные паспорта, которые позволяли им поступать на работу по найму и в какой-то мере, хотя бы и временно, уйти от невыносимых условий эксплуатации труда в деревне. Известный дворянский публицист князь М.М.Щербатов сетовал на то, что крестьяне, «оставшиеся в крепости, при самых знаках их усердия, только ищут время и случая отбыть от своих господ»³. В последней четверти XVIII в. в нечерноземных губерниях уже от одной пятой до трети взрослого мужского населения уходило на промыслы⁴.

В Петербург и в Москву шло много крестьян из широкой округи; среди них были и помещицы, и государственные, и дворцовые крестьяне. Одни из них откупались на волю, другие бежали от своих владельцев, третьи шли с отпускными паспортами. По своему экономическому положению они были весьма неоднородны: тут была и крестьянская беднота, и зажиточные слои нарождавшейся сельской буржуазии. Однако большую часть крестьян, приходивших в город, составляли отходники из помещичьих крепостных, которых нищета гнала из деревни. После регистрации отпускных паспортов в Управе благочиния крестьяне-отходники, оставаясь фактически подневольными, вместе с тем уже в какой-то мере чувствовали себя свободными людьми в отношении тех, к кому они нанимались на работу или с которыми торговали.

Возможности, открывавшиеся в городах для получения заработка, усиливали тягу туда сельского населения. Наряду с отходниками увеличивалось число беглых крестьян в последней трети XVIII в., особенно там, где преобладала барщина и произвол крепостничества был наиболее невыносим, эти побегии принимали порой массовый характер; то же отмечалось и среди рекрутов. В Петербурге и в Москве появилась особая доходная профессия «пристанодержателей», которые укрывали «беспаспортных», а затем помогали им поступать в наем.

Крестьяне, получившие отпускные паспорта, так же как и «беспаспортные», попадая в город, множили трудовые слои городского населения и тем самым способствовали росту капиталистических отношений в недрах феодального общества. Одни из них шли работать в лавки, в торговые склады или сами начинали заниматься розничной мелкой торговлей, становясь коробейниками, лотошниками, офенями и т.д. Современники свидетельствуют о множестве земледельцев, «оставивших соху и взявшихся за аршин...», торгующих в лавках «по знатным городам, а паче по столицам... и таскающихся с товарами по рынкам, по улицам и по домам»⁵. Другие шли на мануфактуры и в ремесленные мастерские в качестве рабочих людей, содействуя тем самым формированию кадров предпролетариата. Складывание этой новой социальной группировки явилось фактом большого значения в жизни русского города второй половины XVIII в. Рабочие люди, втянутые в развивавшееся производство капиталистического типа, происходили из различных неимущих слоев населения: беглых крепостных и солдат, разорившихся мещан и ремесленников и, наконец, большого количества крестьян-отходников.

Часть крестьян-отходников вместе с большей частью мещан и ремесленников занимались различными ремеслами, кустарными промыслами, работая на рынок. Дальнейшее развитие товарного производства и обращения в стране вело, с одной стороны, к росту и все большей специализации ремесла, с другой — к ускорению начавшегося расслоения среди мелких товаропроизводителей. Одни из них становились хозяевами собственных мастерских капиталистического типа, другие, с трудом выдерживая конкуренцию, владели нищенское существование перед тем, как окончательно перейти на положение рабочих людей.

Вместе с тем в последней четверти XVIII в. усилился приток в город разбогатевших крестьян, плативших тысячи и десятки тысяч рублей за свой выкуп⁶. Проникая в купеческое сословие, некоторые из них захватывали ведущее положение в ряде отраслей промышленности и торговли. В Москве, как и в Петербурге, многие крупные купеческие семьи вели свое начало от получивших свободу крепостных богатеев. Из этой среды крестьянства и из потомственного купечества складывалась в городах буржуазия. Как и другие сословия посадского населения, купечество в экономическом отношении было далеко не однородным: в его состав, входили и фабриканты, и крупные торговцы-оптовики, и торговцы в рядах, и мелкие промышленники и лавочники, владельцы небольших мастерских и лавок. Во второй половине XVIII в. среди формировавшейся городской буржуазии преобладало среднее и мелкое купечество. Значительное число купцов занималось мелким производством и пополняло ряды ремесленников; многие шли работать в торговые ряды по найму⁸.

Таким образом, к концу XVIII в. в России занятия и доходы различных слоев городского населения в целом настолько уже дифференцировались, что деление его на установленные феодальные сословия начинало постепенно стираться. Создавались новые классовые категории; происходило более четкое формирование на одном полюсе — торгово-промышленного класса предпринимателей-капиталистов, а на другом — эксплуатируемой массы рабочего люда. Между эксплуататорами и эксплуатируемыми устанавливались новые производственные отношения, носившие капиталистический характер. Важно отметить, что новые элементы возникали в недрах феодально-крепостнического строя, который мешал им развиваться, тормозил дальнейший их рост.

и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789-1794 гг.

Москва: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1956

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Однако, несмотря на глубокие изменения, происходившие в экономической и социальной жизни страны, дворянство продолжало прочно сохранять за собой господствующее положение и пользоваться своими феодальными привилегиями. Царская власть в обстановке обострявшейся в стране классовой борьбы стремилась укрепить феодально-крепостнический строй путем предоставления помещикам почти неограниченных прав над крестьянами. В Петербурге и в Москве дворянство все так же окружало себя большой дворней. Среднее и мелкое дворянство тянулось за крупным. Редкий дворянин, рассказывают современники, «не имел в доме своем всех нужных для дома ремесленников, яко портных, сапожников, столяров, слесарей, живописцев и тому подобных»⁹. И если сами дворяне составляли небольшой процент городского населения, то число обслуживавших их крепостных было очень значительным. Столичные «ведомости» были заполнены объявлениями о продаже дворовых самых различных профессий и знаний. Их продавали в одиночку и с семьями, их проигрывали за карточным столом.

Усиление феодально-крепостнического гнета в условиях роста в стране капиталистических элементов углубляло социально-экономические противоречия. Эти противоречия обостряли взаимоотношения различных слоев городского населения, усиливая борьбу между ними. Современники ярко рисуют настроения, охватывавшие в те годы все больший круг людей. Купцы «хотят быть равными вельможам и не уважают заслуг, потому что денежные»¹⁰. Ремесленник «всех толкает и нимало не узнает тех, которые имеют честь носить его работы — башмаки или кафтан»¹¹. «Холопы», т.е. неимущие слои населения, «смеют ныне не токмо с заслуженным мужем, даже с носящим на себе знаки отличия, говорить, не снимая шляпы»¹². Московский житель из купцов Г.И.Попов писал в 1792 г.: «Не созданы князи, цари, императоры, государи, бояре, вельможи и прочие сановники», а созданы люди; все, носящие указанные титулы, тоже только люди, и титулы им присвоены другими людьми, а между тем человек у человека стал «изнуренным невольником», один продает другого, как продают скот...»¹³

Ответом на рост феодального гнета явились антифеодальные непрекращавшиеся волнения крестьян в различных местах России. Стихийная крестьянская война 1773—1775 гг. охватила огромную территорию страны и поколебала устои феодально-крепостнического государства. Народный гнев нашел свое отражение в воззваниях, или, как их называли тогда, «прелестных грамотах» вождя крестьянской войны Емельяна Пугачева. В этих документах, получивших широкое распространение среди населения, крестьяне призывались к истреблению помещиков: их «как сущих преступников закона и общего покоя, злодеев и противников, ...казнить смертью, а дома и все их имение брать себе в награждение»¹⁴. Наказы Пугачева народ хранил, выполняя их и после поражения крестьянской войны.

Если во второй половине 70-х годов волнения в деревне временно несколько затихли, то вскоре они вспыхнули с новой силой. На Волге, на Урале и в других районах России приписные крестьяне, насильственно превращенные в работных людей, стремились высвободиться из-под ярма подневольной заводской жизни. Волновались крестьяне на Левобережье Украины, а в 1789 г. подняли восстание в Турбях на Полтавщине, длившееся до 1794 г. Против барщинного гнета, крепостных отношений стихийно подымались крестьяне в черноземных губерниях.

Крестьяне, уходившие в город, находили там близкие им настроения среди трудового люда. Большинство городских трудящихся было кровно связано с крестьянством, ибо сами они а свое время пришли из деревни, на себе испытали помещичий гнет, а порой, в прошлом, сами были участниками крестьянских волнений. Известный дворянский экономист А.Т.Болотов, внимательно следивший за всем происходившим в России в те годы, рассказывает, что «вся подлость и чернь, а особливо асе холопство и наши слуги, когда не въявь, так втайне сердцами своими были преданы Пугачеву»¹⁵ и сочувствовали антикрепостническим стремлениям крестьян.

Городская жизнь в России второй половины XVIII в. была отмечена острой классовой борьбой. Еще в конце 60-х годов гневный голос простых людей прозвучал в ходившем тогда по рукам «Плаче холопов» и в ряде других народных произведений, отразивших протест против бесправия народа, крепостнического гнета и призывавших к расправе с угнетателями. В 1771 г. так называемый «чумный бунт» в Москве, поднятый «боярскими людьми, купцами (т.е. мелкоторговым людом. — М.Ш.), подьячими и фабришниками»¹⁶, явился уже грозным выражением антифеодальных народных стремлений.

В последней трети XVIII в. в Петербурге и в Москве начинают выступать со своими требованиями мастеровые и работные люди с мануфактур, или «фабришники», как их тогда называли. Их возмущение и протесты против тяжелых условий труда и жестокой эксплуатации также носили еще стихийный характер. Но по мере развития промышленности, сопровождавшегося концентрацией наемной рабочей силы, на смену одиночным жалобам приходят коллективные протесты, временные прекращения работы и, наконец, открытые волнения, которые подавлялись с помощью вооруженной силы¹⁷.

В борьбе, которую вели работные люди на мануфактурах, начинала намечаться новая форма — стачечное движение. Наиболее характерной была стачка московских кирпичедельцев 1779 г., которые, «согласясь всеобще», требовали повышения оплаты труда из-за роста цен на хлеб. Стачечное движение охватило все частные кирпичные заводы района Донского монастыря (более 500 человек), и, как свидетельствуют очевидцы — работные люди с завода Салтыкова, где началась стачка, «с прочих партикулярных заводов работников подговаривали и, согласясь с товарищами, не допускают продолжать работу, как оставшимся на... заводах, так и вновь вступить... желающим»¹⁸.

Антифеодальные настроения народа, постоянно грозившие устоям русского крепостнического государства, ограничивали политические требования промышленных и торговых кругов формировавшейся русской буржуазии. Русская буржуазия складывалась при активной поддержке самодержавия в условиях переплетавшихся крепостнических и буржуазных отношений. Поэтому она сочетала стремление к дальнейшему развитию капиталистического уклада с желанием сохранить некоторые феодальные формы. Непрекращавшиеся волнения в деревне, обострявшаяся классовая борьба в городе усиливали ее реакционные тенденции. Для буржуазии призрак крестьянской войны и городских движений был столь же страшен, как и для дворян. Защиту своих интересов буржуазия, так же как помещики, видела в незыблемости царского строя с его вооруженной силой. Тайной экспедицией и тюрьмами.

Вместе с тем предприниматели охотно противопоставляли себя дворянству и выдвигали свои заслуги перед отечеством. М.Д.Чулков в предисловии к первому тому «Исторического описания российской коммерции», заказанного ему «первостатейным купечеством», писал, что купечество «составляет благополучие общества не потому только, что прибыль казне пошлинами приносит, но потому более, что сей класс одобряет земледельство, служит к обогащению общественному, и в политических делах бывает иногда великою подпорою государствам»¹⁹. А между тем, добавляет он, «купцы у дворянства в презрении, их дети в числе подлого народа почитаются...»²⁰. Относясь в ряде случаев отрицательно к внутренней политике Екатерины II, усиливавшей в стране дворянскую диктатуру, представители торгово-промышленных кругов, как правило, оставались законопослушными и не шли в своих требованиях дальше своеобразного «просвещенного» абсолютизма. В большинстве случаев они мечтали о «мудром правителе», близком к образу Петра I, который, как они говорили, правил в интересах не только привилегированного сословия дворян, но и «нации». В их понимании это значило — в интересах той части нации, которая «служит к обогащению общественному», т.е. в интересах торгово-промышленного слоя. Курский богатый купец откупщик И.И.Голиков, яркий представитель нарождавшейся буржуазии, посвятил этой теме свою тридцатитомную хронику: «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (1788—1797), в которой прославлял петровские реформы, приведшие к расширению торговли, развитию мануфактур и усилению самодержавия. Автор особо подчеркивал, что Петр I «неусыпное имел попечение... о приведении российских своих купцов в лучшее познание и состояние» и «обращался с купцами яко отец с детьми»²¹.

Вместе с тем развитие товарно-денежных отношений в стране постепенно разрушало вековые устои натурального в своей основе дворянского хозяйства, с его отсталой техникой и подневольным трудом. «Душевладельцы», вынужденные приспособляться к новым экономическим условиям, все больше сами втягивались в торгово-промышленную жизнь страны, усиливая крепостнический гнет в своих поместьях. Одни везли на рынок продукты сельского хозяйства своих крестьян, другие использовали на производстве их подневольный труд. Выступления крестьянских масс против усиливавшегося помещичьего гнета, с одной стороны, низкая производительность подневольного труда в условиях крепостной мануфактуры или сельскохозяйственной барщины — с другой, углубляли процесс разложения крепостного хозяйства.

У представителей дворянской интеллигенции складывались новые представления о материальных ценностях, о труде, о человеке, являющемся «первым сокровищем в государстве»²². Отсюда они делали вывод о необходимости поднять производительность крепостного труда, усилить личную заинтересованность крестьянина в производстве, без чего «не будет он стараться об усовершенствовании земледелия»²³.

В последней трети XVIII в. подобные настроения имели место как в стенах Вольного экономического общества, отстаивавшего интересы помещиков, так и у отдельных представителей образованного дворянства. Эти настроения выражались в требованиях некоторого смягчения крестьянской участи путем реформ, предоставления крепостным права собственности на движимое имущество, права наследственного владения землей, размежевания земель крестьянских и помещичьих. Представители дворянской интеллигенции каждый по-своему обличали недостатки самодержавно-крепостнического строя. Но в своих проектах они решительно отвергали мысль о внесении каких бы то ни было существенных изменений в этот строй. Многие из них в просвещении усматривали условие подъема производительности труда, источник социального мира и благополучия. Попытки дворянской интеллигенции уйти от действительности, от разрешения насущных социально-экономических вопросов привели к широкому распростра-

распространению в ее среде масонства. В масонских ложах русские дворяне искали путь к познанию истины, которую они видели в «духовном» самосовершенствовании человека и в безоговорочном христианском смирении дворян перед монаршей властью, крестьян перед помещиками.

Однако лучшие представители дворянской интеллигенции, воспитанные на идеях французских просветителей, в обстановке подъема национального самосознания все с большей очевидностью убеждались в порочности феодальных порядков, при которых, по словам Д.И.Фонвизина: «...люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьей над человеком другого состояния, где каждый, следственно, может быть завсегда или тиран, или жертва»²⁴. В этих кругах дворянства обсуждался вопрос об ограничении крепостного права и монаршей власти. В 80-х годах Фонвизин писал, что царская власть должна быть строго подчинена непреложным государственным законам, которые «выше себя ничего не терпят»²⁵. Подобные настроения нашли свое отражение в ряде произведений дворянской литературы. Они слышались в одах Капниста, наделенных против рабства и беззакония, и в свобододолюбивых тирадах героев трагедий Николева или Княжнина, прославлявших «мудрых правителей», «народных героев», которые требовали строгого соблюдения законов, Противопоставляя закон произволу самодержавно-крепостнического строя.

В этой обстановке глубоких противоречий и острой классовой борьбы, расшатывавших основы феодально-крепостнического общества, множились и крепили ряды разночинной интеллигенции — мещан, ремесленников, крестьян, разорившихся дворян, купцов, церковнослужителей и других представителей непривилегированных слоев городского населения. В этой среде постепенно начинало складываться новое, буржуазное мировоззрение по своей природе противостоящее феодальной идеологии

С развитием производительных сил, зарождением и развитием капиталистических производственных отношений повышался культурный уровень городского населения. Ширилась читательская среда. К печатному слову потянулись люди «третьего чина»: копиисты, мелкие торговцы, мещане, ремесленники, купцы, грамотные крестьяне. Писатель из крепостных Матвей Комаров говорил в 1788 г., что «ныне любезные наши граждане... не только благородные, но средней и низкой степени люди... весьма охотно в чтении всякого рода книг упражняются»²⁶. За 50 лет, с 1750 по 1800 г., в России было издано 7922 названия книг (на последние 30 лет XVIII в. приходится 6811 названий)²⁷; если тираж в среднем считать от 800 до 1000 экземпляров, то общее количество изданных книг составило около семи миллионов. За этот же период было зарегистрировано около ста названий различных периодических изданий. Значительная часть этих книг и журнальных статей принадлежала перу мещан, обедневших дворян, однодворцев, а в ряде случаев и крепостных крестьян. Как писал в 1769 г. М.Д.Чулков, многие из этих людей проводят «день и ночь за книгой ...платье носят конопляного цвета», поистаскавшееся и обветшалое»²⁸.

А в 1792 г. журнал «Дело от безделья» сообщал, что «ныне наступил у нас уж век иной, все пишут, лишь писать которые умеют: власочесатели, подьячие, дьячки... и типографщикам, что пишут, продают; а те по грошу им с листа за труд дают, и бедняньким писцам тем доставляют пищу»²⁹.

В последние десятилетия XVIII в. в обеих столицах и в других городах стали открываться частные типографии. Но спрос на книгу постоянно опережал предложение. Поэтому особенное значение приобретает рукописная литература, интерес к которой непосредственно отражал читательские интересы населения. Переписка наиболее ходовых изданий становилась доходной статьей ряда малоимущих людей. В рукописные списки, поскольку они не подвергались цензуре, проникали запрещенные произведения, которые получали не меньшую известность, чем печатные сочинения.

К концу века сложился значительный круг читателей, образованных или просто грамотных людей, любителей «книжного почитания». В Петербурге и Москве книга приобретает немалый спрос. Развивается книжная торговля. В Петербурге, где в 1768 г. существовала всего лишь одна книжная лавка, за последующие 30 лет их открылось 29. В Москве за тот же период начали торговать 20 книжных магазинов³⁰. В эти годы ряд книготорговцев кладет начало крупнейшим русским книжным фирмам — Глазуновых, Кольчугиных, Плавильщиковых; некоторые из них уже тогда имели свои магазины в обеих столицах. В книжную торговлю оказались втянутыми не только купечество, но и менее состоятельные слои городского населения: работники типографий, грамотные крестьяне на отходе, торговавшие книгой в розницу. Обе столичные газеты — «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» 80-х и 90-х годов испещрены объявлениями о печатавшихся и поступавших в продажу новых книгах.

Дворянство предпочитало читать зарубежную литературу на иностранных языках. Из свидетельства современников можно составить представление о том, кто являлся покупателями отечественных и переводных произведений и каковы были их интересы. Замечательный русский Просветитель Н.И.Новиков пишет, что «у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые... простосердечным людям... нравятся»; другие же книги, «на вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах»³¹. В эти годы многие представители складывавшейся русской буржуазии живо интересуются печатным словом и создают свои личные собрания книг, о чем свидетельствуют многочисленные надписи на дошедших до нас книгах того времени. Менее имущие люди, не имевшие достаточных средств для приобретения в собственность интересующих их изданий, пользовались публичными частными библиотеками, которые в последние десятилетия XVIII в. открывались в столицах и в других городах и где за сравнительно небольшую плату выдавались книги на дом³². О том, что именно отвечало вкусу этих читателей, свидетельствует И.А.Крылов. В 1789 г. он писал, что если дворянство предпочитает легкую литературу для приятного препровождения времени, то «купцы и мещане» преимущественно читают книги поучительные³³. Количество переводов, появившихся в то время, указывает на большой интерес читателей к социально-политическим вопросам и, в частности, к сочинениям французских просветителей. Отечественная литература, вышедшая из-под пера писателей, ориентированных на широкие круги читателей города, все больше уделяла внимания запросам и вкусам этих кругов, изображая быт и нравы городской среды, воспевая народное творчество. Один из корреспондентов журнала «И то и сию» писал М.Д.Чулкову: «Сочинение ваше похваляется во всяком углу столичного города Санкт-Петербурга, слава его носится по многим домам и по рынку. Все не знающие других языков люди благодарят вас от искреннего сердца...»³⁴

Ряды разночинной интеллигенции росли и множилось, а творчество ее представителей, зачастую направленное против феодально-крепостнического строя, было рассчитано на свой, близкий круг людей. «...Науки и художества... распространяются, а писатели наши прославляются», — писал Н.И.Новиков в 70-х годах XVIII в.³⁵

М.Д.Чулков, известный своими работами в области публицистики, художественной и научной литературы, вышел из бедной мещанской семьи. Он был одним из первых собирателей русских народных сказок, пословиц и песен и автором капитального двадцатитомного экономического труда «Историческое описание российской коммерции». Из мещан происходил и Н.Г.Курганов, способствовавший своими сочинениями распространению популярных знаний среди малообразованного круга читателей. Его «Письмовник» был настольной книгой нескольких поколений русской читающей публики. Из однодворцев вышел П.М.Захарьин, автор фантастического романа «Арфаксад», в котором он изобразил страну равноправия, свободы и братства. Сыном государственного крестьянина был переводчик Гомера и Апулея Е.И.Костров; сыном мелкого приказного был автор веселых повестей и романов Н.П.Осипов; сыном подмосковного огородника — видный журналист и общественный деятель В.С.Подшивалов. Из той же среды вышло большое число писателей, поэтов, переводчиков, печатавшихся в различных журналах и издававших свои труды.

Из рядов нарождавшейся разночинной интеллигенции вышло и большинство русских ученых последней трети XVIII в. Один из первых русских профессоров Московского университета А.А.Барсов был сыном типографщика. Из мещанской семьи происходил профессор С.Е.Десницкий, правовед, автор многих научных трудов, в которых он выступал за изменение экономического и правового положения народа. Сыном подьячего был профессор Д.С.Аничков, математик и философ, проповедовавший в своих работах материалистическое мировоззрение. «Солдатскими сынами» были такие выдающиеся деятели науки в области ботаники, химии, медицины, как академик, непреходящий секретарь Российской Академии наук И.И.Лепехин, академик В.Ф.Зуев, академик А.П.Протасов, являвшиеся авторами ценных научных трудов, получивших всеобщее признание. Сыном придворного музыканта был замечательный русский минералог В.М.Севергин. Из духовного звания вышли такие крупные ученые в области медицины, как академик Н.Я.Озерецковский, профессор С.Г.Зыбелин, врачи-эпидемиологи Н.М.Максимович-Амбодик, Д.С.Самойлович, М.Н.Тереховский, А.М.Шумлянский и многие другие, печатные исследования которых принесли им широкую известность и звания почетных членов многих европейских академий и научных обществ³⁶.

Формировавшиеся кадры русской разночинной интеллигенции в последней трети XVIII в. дали плеяду талантливых живописцев, зодчих, граверов, ваятелей, композиторов, прославивших русское национальное творчество. В архитектуре основоположниками русской классики явились сын дьячка, великий зодчий В.И.Баженов и его ближайший друг и помощник, сын подканцеляриста из крепостных М.Ф.Казаков. Сыном крестьянина-рыбака был знаменитый русский скульптор Ф.И.Шубин. Из мещанской семьи вышел талантливый продолжатель его дела М.И.Козловский, проложивший новые пути развития русской скульптуры. Сыном дворцового скотника был создатель замечательных скульптурных памятников Ф.Г.Гордеев. Из семьи отставного солдата,

служившего сторожем при Академии наук, вышел создатель русского городского пейзажа Ф.Я.Алексеев. Солдатским же сыном был художник-пейзажист М.М.Иванов. Из крестьянской семьи происходил директор Академии художеств А.П.Лосенко.

Большой путь прошла к тому времени русская музыкальная культура, давшая стране произведения оперной и камерной музыки. Большинство русских композиторов того времени также вышло из неимущих или малоимущих слоев населения. В семье мастерового из крепостных родился и вырос первый собиратель русских народных мотивов, композитор и виртуоз-исполнитель И.Е.Хандошкин. Солдатским сыном был Е.И.Фомин, автор многих опер-комедий, получивших широкую известность у современников. Из этой же общественной среды вышли такие музыканты, как В.А.Пашкевич, Н.Г.Поморский, П.А.Скоков и многие другие.

Все эти выдающиеся деятели литературы, науки, искусства составляли среду нарождавшейся разночинной интеллигенции. Каждый из них имел своих учеников, последователей, которые пробивали себе дорогу к науке или искусству и порой достигали больших высот в своем творчестве вопреки трудностям и лишениям, испытывая постоянные унижения со стороны господствующего класса. Современники передают: «Наши ученые терпят бедность но неволе... ища помощи и человека» и не находят; те же, кто находят «приличные своим достоинствам места, те сами признаются, что они сим одолжены единственно случаю и счастью, а не разуму»³⁷. Один из русских врачей второй половины XVIII в. А.Ф.Шафонский рассказывает, что многие «добровольно и охотно все бремя горести, скудности и нужды для того только несут, чтобы чему-нибудь научиться. Из сих то бедняков Россия всегда имела ученых и достойных людей...»³⁸

Особое место в развитии русской национальной культуры последней трети XVIII в. занимает крепостная интеллигенция, которая по характеру своего творчества и идеологической направленности примыкала к разночинной интеллигенции. Дошедшие до нас сведения о подневольных учителях, врачах, художниках, зодчих, композиторах, актерах позволяют говорить о множестве крепостных, работавших на различных поприщах умственного труда³⁹. Многие из них благодаря своим дарованиям смогли преодолеть замкнутость феодальных поместий и получить широкую известность в области науки и искусств. Крепостным графов Строгановых был величайший русский зодчий, создатель замечательных классических памятников архитектуры А.Н.Воронихин. Крепостным князя Потемкина-Таврического был выдающийся художник-портретист Михаил Шибанов. Графу Шереметеву принадлежала талантливая семья известных крепостных художников Аргуновых, а также такие видные деятели искусства, как композитор С.А.Дегтярев или режиссер и переводчик В.Г.Вороблевский. Крепостным князей Голицыных был поэт И.И.Варакин, печатавшийся в журнале «Зритель». Из крепостных графов Ягужинских вышел Михаил Матинский, преподаватель истории, геометрии и географии и автор одной из наиболее популярных опер того времени «Санкт-Петербургский гостиный двор», в которой им были широко использованы мелодии русских народных песен. Крепостным крестьянином был Матвей Комаров, научившийся грамоте по церковным книгам и прославивший себя своими приключенческими романами. Список крепостных, принимавших участие в общественной жизни страны, длинен; содержит множество имен талантливых людей, которые, как говорил сын крепостного А.В.Никитенко, пали жертвой «ужасного положения вещей на земле, когда высокие дары и преимущества духа выпадают на долю человека только как бы в посмеяние и на позор ему»⁴⁰.

Представители крепостной интеллигенции больше, чем кто-либо, ощущали на себе всю чудовищность крепостного права, попиравшего человеческое достоинство. Крепостной художник Е.Д.Камеженков писал в 70-х годах, что нет ничего «горестнее для благомыслящего человека как рабство..., ига неволи удручающей дарования природы и саму добродетель»⁴¹. Свое полное бесправие особенно остро ощущали крепостные, получившие образование, которое, как говорит А.В.Никитенко, «только воспламенило воображение, наполнило голову идеями, не согласными с окружающей действительностью»⁴². Один из служащих вотчинной конторы князя Салтыкова, крепостной В.А.Маевский, писал в 90-х годах, что «всяк рожденный с чувствами, должен проклинать силу тиранской власти (помещиков. — М.Ш.)». В другом письме он говорит, что сердце его «кипит ненавистью»⁴³.

Разностороннее творчество крепостной интеллигенции в большой мере было посвящено служению угнетенному народу, хотя при своем положении носители его должны были удовлетворять запросы господствующего класса. Их творчество в области науки и искусства явилось большим вкладом в дело создания русской национальной демократической культуры.

Москва: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1956

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Во второй половине XVIII в., в обстановке складывавшегося капиталистического уклада и все более обострявшихся классовых противоречий феодально-крепостнического строя шел процесс формирования русской нации. У передовых людей того времени этот процесс нашел свое выражение в просветительских стремлениях, направленных на повышение культурного уровня народных масс, на развитие национальной культуры. Как указывает В.И. Ленин, в конце XVIII в., «когда не было еще раскола нации на буржуазию и пролетариат, лозунг национальной культуры мог быть единым и цельным призывом к борьбе против феодализма и клерикализма»⁴⁴. Именно вокруг этого лозунга сгруппировались все передовые люди того времени, принадлежавшие как к разночинной или крепостной интеллигенции, так и к дворянству. Передовые русские люди всех сословий, вставая на защиту национальной культуры, обличали дворянский космополитизм, переходивший в галломанию, пренебрежительное отношение к русской культуре. Н.И. Новиков писал, что «похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных; но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оными»⁴⁵.

Не отвергая пользы от усвоения положительных сторон западноевропейской культуры, Новиков порицал проявления национального самоунижения в среде дворян и недостаточно критическое отношение их ко всему иноземному. Один из современников, как бы поясняя эту точку зрения, писал: «Ни Вольтер — краса поэзии, ни Жан-Жак Руссо — витейства бог, не внушили мне презрение к языку Пожарских, Митинных, к дарованиям Ломоносова»⁴⁶. Новиков на страницах издаваемых им журналов вскрывал жестокость и произвол помещиков, взяточничество царских чиновников, алчность вельмож, а главное — ярмо крепостнических отношений. Эти пороки нашли свое обличение в разящей сатире Д.И. Фонвизина, направленной своим острием против существовавшей системы. Он гневно разоблачал безделье и невежество дворян. Обличительные темы красной нитью проходят через лучшие сатирические произведения литературы последней трети XVIII в. Они нашли свое яркое выражение в творчестве Чулкова, Аблесимова, Крылова, Клушина и других представителей передовой русской общественной мысли.

Большая часть лучших произведений русской литературы последней трети XVIII в., вышедшей из-под пера передовых дворянских и разночинных писателей, была посвящена изображению быта и нравов русского народа. А.А. Аблесимов, В.И. Лукин, В.И. Майков, М.И. Попов и многие другие в своих сочинениях показывали крестьян, ремесленников, купцов, до того появлявшихся в литературе только случайно и в качестве второстепенных персонажей. Эти писатели вырабатывали национальный русский литературный язык, близкий к народной речи, создавали национальные формы поэзии и прозы. Н.И. Новиков, М.Д. Чулков, В.А. Левшин, М.И. Попов и другие любовно собирали и печатали русские народные пословицы и сказки, «содержащие в себе отчасти повествования, которые рассказываются в каждой харчевне»⁴⁷. Музыковеды И.Е. Хандошкин, Н.А. Львов и другие посвятили свою жизнь собиранию «народных русских песен с их голосами», которые они публиковали отдельными сборниками. Народные мотивы легли в основу камерной и оперной музыки таких композиторов, как С.А. Дегтярев, М. Матинский, В.А. Пашкевич, Е.И. Фомин. В операх «Несчастье от кареты» Пашкевича, «Санкт-Петербургский гостиный двор» Матинского, «Ямщики на подставе» Фомина, действовали люди из народа — такими, какими раскрывала их русская народная песня. Обращение к народному творчеству было характерным и для живописи и зодчества. В картинах и зарисовках многих художников того времени — Ф.Я. Алексеева, И.А. Еремеева, М.М. Иванова, М.Шибанова, изображалась повседневная жизнь трудовых слоев населения, их быт, их труд, их радости и горести. На памятниках архитектуры, принадлежавших лучшим зодчим того времени, лежала печать особенностей русского народного изобразительного искусства.

Все многообразное творчество передовых русских людей в области литературы и искусства содержало обличение феодально-крепостнического строя, пробуждало сочувствие и любовь к угнетенному народу, закладывало основы для развития демократической мысли. В одной статье, опубликованной в 80-х годах и озаглавленной «О воспитании и наставлении детей», Н.И. Новиков писал: «Научайте их почитать братьями всех человеков, низких и знатных, бедных и богатых... Впечатлейте в них глубоко натуральное равенство человеков... Не позволяйте им говорить о черни, подлом народе, сопровождая речи сии презрительным видом... Показывайте им, что те люди, которых они чернию и подлым народом называют, гораздо более имеют заслуг и суть гораздо важнейшие и полезнейшие члены общества, а потому и более заслуживают чести и уважения, нежели они (дворяне. — М.Ш.)...»⁴⁸ Подобные суждения получали все большее распространение в кругу передового дворянства и неизбежно способствовали сближению его с представителями разночинной интеллигенции. Так, Д.И. Фонвизин писал в своем «Опыте российского сословника», что «в низком состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма подлый человек. Слово низкость принадлежит к состоянию, а подлость к поведению; ибо нет состояния подлого, кроме бездельников; ...презрение знатного подлеца к добрым людям низкого состояния есть зрелище, унижающее человечество»⁴⁹.

В противовес феодально-крепостнической морали, подчиненной узкоэгоистическим интересам господствующего класса, рождалась новая мораль, основанная на любви к отечеству, к его материальным и духовным ценностям. Зарождались такие понятия, как «нация», «патриотизм», «гражданин». Все творчество Радищева, Новикова, Крылова, Плавильщикова и многих других было кровно связано с интересами народа, с прославлением его культуры, с защитой его прав. В статье «Беседа о том, что есть сын отечества», опубликованной в 1789 г. в журнале «Беседующий гражданин», Радищев говорит о любви к человеку, представляющему «существо свободное поелику одарено умом, разумом и свободною волею», а между тем в России люди «не человеки, когда суть не что иное, как движимые мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот!»⁵⁰ Виновниками этого противоестественного положения он считал дворян, владельцев крепостных душ, угнетателей и тунеядцев. Определяя существо истинного патриотизма, Радищев писал, что «глас разума, глас законов, начертанных в природе и сердце человеков, не согласен наименовать вычисленных людей (т.е. крепостников. — *М.Ш.*) сынами отечества»⁵¹. Ф.В.Кречетов как бы развивает это положение Радищева, когда говорит, что дворянин это — «родословник по крови [или] патриот родословной, который единственно только род свой любя, который считая его близким по крови, оных только всех от всяких противных им приключений всемерно защищает»; в то время, как истинный патриот, пишет он, — это «значит сын отечества, любитель, рачитель отечества...», который «отечество свое от всякого вреда всякими средствами защищать устремлен есть; так и кроме сего никому иному человеческому общежителю зла не творит»⁵². Этим самым Кречетов, как и Радищев, указывает на несовместимость владения крепостными душами с любовью к родине.

Новое, рождавшееся мировоззрение объективно отражало развивавшиеся в стране буржуазные отношения и пока что выражалось в стремлении быть полезным отечеству. «Писатели, — говорит автор известного «Письмовника» Н.Г.Курганов, — будучи одарены от бога способностью и ведая качества добродетели, должны по возможности упражняться в полезных делах и отечеству своему приносить жертву плодами оных...»⁵³ Служение обществу передовые люди России понимали прежде всего как всемерное распространение образования, ведущего к поднятию сознательности масс. «Образовать разум», писал Н.И.Новиков, это значит «вперять в них (людей. — *М.Ш.*) справедливые представления о вещах и приучать их к такому образу мыслей и рассуждения, который соразмерен истине и посредством которого могли бы они быть мудрыми»⁵⁴. В стремлении к этой цели заключался смысл русского просветительства последней трети XVIII в.

В обстановке общественного подъема 80-х годов развернулась в Москве кипучая просветительская деятельность Н.И.Новикова, в которой он видел выполнение долга сына отечества, «обязанного служить оному посильными своими трудами»⁵⁵. По его инициативе в 1782 г. было создано «Дружеское ученое общество», объединившее передовые круги московской интеллигенции, людей различных социальных положений. Все они ставили перед собой задачу «расширить в публике правильное воспитание» посредством подготовки педагогических кадров и развития издательской и книготорговой деятельности. На средства общества при Московском университете были созданы и содержались педагогическая и переводческая семинарии для подготовки учителей народных училищ и квалифицированных переводчиков иностранных книг. Опираясь в основном на университетские круги, Новиков одновременно организовал огромное для своего времени издательское дело, дававшее свыше одной трети всей книжной продукции России. Здесь издавались русская и переводная художественная и научная литература, учебные пособия, атласы, детские книги, азбуки. Благодаря неустанной энергии Н.И.Новикова в Москве была открыта первая публичная библиотека и создана сеть книжных магазинов, налаживались пересылка книг в провинцию, торговля книгой на ярмарках и рынках. К осуществлению всех этих начинаний Новиков привлек многих ученых, писателей, переводчиков, книготорговцев, типографщиков. Десятки переводчиков, большей частью студенты Московского университета, работали для Новикова; он платил им «с каждого печатного листа условленную цену»⁵⁶. Многие деятели науки и искусства из разночинной или крепостной интеллигенции находили у него подсобный заработок.

В Петербурге по примеру Москвы под воздействием общественного подъема 80-х годов также возникает ряд просветительских обществ и кружков, стремившихся содействовать распространению просвещения путем развития издательской и педагогической деятельности. Однако в Петербурге из-за близости двора условия для развития этой деятельности были менее благоприятными, чем в Москве; поэтому размах ее был менее значительным. В 1785 г. в Петербурге было создано «Общество вольное к благоденствию», насчитывавшее около 50 членов, в основном являвшихся представителями малоимущих слоев населения. Основателем этого общества был мелкий служащий — публицист, просветитель Ф.В.Кречетов, который писал, что «у всякого честного человека желание есть видеть все общество свое на самой вышине степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия»⁵⁷. Именно это желание руководило им при организации «Общества вольного к благоденствию». Основное препятствие для осуществления этой мечты он видел в невежестве нарочных масс, неспособных «толковать законы», и таким

образом постигать причину зла. Это обстоятельство и привело его к выводу о необходимости «умы людские к тому приготовить», т.е. сделать людей сознательными, способными понимать свои права и отстаивать их. Самым важным делом Кречетов, по словам Окулова, считал систематическое просвещение народа. «Хочу я, — говорил он, — посредством школ народ довести до такой тонкости, чтобы он сам страшился всяких беззаконий и насилия...»⁵⁸ Кроме организации первоначальных и правовых школ, Общество ставило перед собой цель всемерно распространять знания среди трудового народа путем печатных изданий: «свобододействия типографий, книжной коммерции... для введения в человечество умопросвещения»⁵⁹. Из программы Общества, составленной Кречетовым, как и из ряда других его сочинений, явствует, что он ставил перед собой широкие) далеко идущие политические задачи. Кречетов требовал установления «равенства граждан» перед уложением законов, «которое бы воспрещало богатым удручать меньшее их стяжание имеющих»; создания такой власти, при которой каждый человек имел бы «спокойство духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственно наслаждается безопасностью»; отмены феодально-крепостнических отношений между людьми, «чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов»⁶⁰. Деятельность Кречетова вскоре привлекла внимание царских властей. Против него было возбуждено судебное дело, тянувшееся около двух лет и закончившееся только в 1790 г. решением суда, предписавшим «впредь в таковых не заслуживающих одобрения сочинениях не упражняться». Созданное им Общество было распущено⁶¹.

Идеи Новикова, Кречетова и других русских просветителей 80-х годов в той или иной форме были близки «Обществу друзей словесных наук», основанному в Петербурге в середине 80-х годов одним из последователей Новикова, бывшим студентом Московского университета М.И.Антоновским. Состав участников этого Общества был пестрым; основное ядро составляли бывшие воспитанники Московского университета, работавшие в Петербурге на мелких чиновничьих должностях, писатели, переводчики из разночинцев, а также молодые офицеры гвардейских полков и Балтийского флота из дворян⁶². К. ним примыкал и литературно-просветительский кружок, возглавленный известным пропагандистом новых идей И.Г.Рахманиновым и молодым тогда И.А.Крыловым. Издававшиеся в этой среде журналы «Утренние часы», «Почта духов», «Беседующий гражданин» сыграли большую роль в собирании вокруг них передовых людей того времени, носителей демократических идей.

Великий русский революционер-мыслитель А.Н.Радищев состоял в «Обществе друзей словесных наук»; он печатался в журнале «Беседующий гражданин», был близок к литературному кружку Рахманинова и Крылова и в известной мере определял идейную направленность этого круга людей. Под его воздействием распространение до того времени политические мечтания постепенно начинали меняться. На смену старым воззрениям приходили новые, выходявшие за рамки умеренного дворянского «либерализма» и являвшиеся прямым отражением растущих в стране социально-политических противоречий. В «Почте духов» Крылов со всей силой своего таланта разоблачал порочность феодально-крепостнической системы: произвол властей и помещиков, разложение нравов, расточительство дворянства и все то, что порождало бесправие и нищету трудового народа. В «Беседующем гражданине» авторы некоторых статей писали о невозможности достижения свободы в условиях самодержавия. Мысли этих авторов в какой-то мере перекликались с теми революционными выводами, к которым к этому времени пришел Радищев. В конце 80-х годов в «Письме к Другу» он писал: «...нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своей власти, сядя на престоле»⁶³; в «Путешествии из Петербурга в Москву», возвращаясь к этой мысли, он добавляет: «...свободы не от их (собственников. — М.Ш.) советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения»⁶⁴.

III

На Западе наступала эпоха буржуазных революций. Прогрессивная в то время французская буржуазия, возглавив антифеодальное народное движение, вступила в борьбу с монархо-абсолютистским режимом. Ее духовные вожди — философы, писатели, публицисты обрушились на уже расшатанные развивавшимся капиталистическим укладом основы феодального строя, объявляя их отжившими и противоречащими «разуму». «Все старые общественные и государственные формы, все традиционные понятия были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам. Было решено, что до настоящего момента мир руководился одними предрассудками и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения»⁶⁵. Французские просветители в своих сочинениях обосновывали необходимость переустройства общества на новых началах, соответствующих новым, развивающимся производственным отношениям; они выдвигали революционные лозунги о свободе, равенстве, о гражданских правах человека, которые будили к политической жизни народные массы. Их идеи проникали в умы людей, расшатывали устои феодального мировоззрения и готовили революцию в сознании современников. Голос французских просветителей звучал далеко за пределами их отечества, увлекаая за собой передовые круги Европы.

Начиная с середины XVIII в. в России стали появляться труды французских просветителей, вызвав к себе живой интерес. В 60-х годах идеи французских просветителей проникли в дворцовые круги. Своими лицемерными фразами о просветительстве Екатерина II стремилась создать перед лицом европейского общественного мнения иллюзию будто бы существующего в России «просвещенного абсолютизма» и этим приккрыть уродливые формы самодержавно-крепостнического строя. «Дух законов» Монтескье стал ее настольной книгой. Вскоре после дворцового переворота, возведшего ее на престол, она звала Дидро приехать в Петербург для завершения публикации «Энциклопедии», изданию которой во Франции препятствовало королевское правительство. Несколько позже она приглашала д'Аламбера поселиться в России и взять на себя воспитание ее сына, наследника престола Павла Петровича. Начиная с 1763 г. Екатерина ведет оживленную переписку с Вольтером, в которой именует его своим «учителем». Гримм становится ее доверенным лицом. Она советуется с ними относительно ведения государственных дел, посылает им дорогие меха и коллекции золотых монет, оказывает денежную помощь. Они прославляют ее как «северную Семирамиду», воспевают ее «просвещенный» ум и посылают ей проекты реформ, которые, попав в Россию, тут же предаются забвению.

Примеру царицы следовали и ее приближенные. Многие русские вельможи, владельцы тысяч «душ», вступали в переписку с французскими просветителями, величая себя «усердными почитателями» и «верными последователями» их антифеодального учения. Царедворец граф Д.П.Шувалов прославился в Европе своими дружескими связями с просветителями Франции, которые называли его «северным меценатом»; ему посвятил Вольтер свою трагедию «Олимпия». Не меньшей известностью пользовался Д.А.Голицын, на средства которого в Гааге печаталось первое издание запрещенного во Франции сочинения Гельвеция «О человеке». Фаворит императрицы граф Григорий Орлов приглашал приехать в Гатчину Руссо, которого в очередной раз выслали из Франции; Орлов обещал создать ему условия для тихой и приятной жизни. Граф Кирилл Разумовский предлагал философу-изгнаннику свое имение на Украине. Во дворце императрицы читались, переводились и обсуждались сочинения Монтескье, Вольтера, Руссо, Гельвеция, Дидро, Мабли. Ради приятного препровождения времени придворная знать сообщала переводила в салонах на русский язык отдельные статьи из Энциклопедии, а также последнее сочинение Мармонтеля «Велизарий», вызвавшее во Франции резкие нападки со стороны королевской власти. Девятая глава этого сочинения была переведена самой императрицей. Ее наперсница и друг княгиня Е.Р.Дашкова печатала в издаваемом ею журнале «Невинное упражнение» выдержки из произведения Гельвеция «Об уме». Граф П.С.Потемкин, племянник «светлейшего князя», издавал свои переводы сочинений Руссо — «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства среди людей» и «Новой Элоизы». Наставник наследника престола Павла Петровича С.А.Порошин писал в своем дневнике, что такие книги «для всякого состояния к просвещению разума необходимы»⁶⁶. Крестьянская война 1773—1775 гг., «отрезвила» дворянские умы. Неожиданно для себя дворяне узрели некоторую общность мыслей в требованиях восставшего народа и в сочинениях французских буржуазных просветителей. Уже в 1775 г. Екатерина II сообщала Гримму, что она покончила со своими «законодательными проказами»⁶⁷. Вслед за императрицей значительная часть дворянства в страхе отшатнулась от учения французских просветителей и обрушилась на него с беспощадной критикой. Директор придворного театра И.П.Елагин, переводивший вместе с императрицей «Велизария», говорил теперь, что только «благодать божия... не попустила... ни вольтерову писанию, ни прочих так называемых новых философов и энциклопедистов сочинениям вовсе преобратить душу проповеданиями их»⁶⁸. Один из корреспондентов Вольтера, известный писатель А.П.Сумароков, также увидел смертельную опасность для существования феодального общества в учении французских буржуазных просветителей⁶⁹. Эта критика буржуазных идей со стороны русского дворянства была проникнута острым классовым чувством самосохранения. Переводчик Гольбаха И.В.Лопухин, выступая в 1780 г. со своими опровержениями материализма, писал, что автор «Системы природы» и «подобные ему писатели разум свой соделывают орудием погубления людей... В какое несчастье повергся бы человеческий род, если б удовлетворилось их пагубное желание и если б могли подействовать змеиным жалом начертанные книги их». Тогда, говорит он, «общие всех питатели земледельцы» лишились бы веры «в бессмертную жизнь, сие пресладкое чувство, [которое] усугубляет усердие к благу и возвеличивает их человеколюбивые дела»⁷⁰. Дворянство предпочитало уйти от решения стоящих перед ним острых социальных вопросов. Многие дворяне искали спасения от требований «естественного права», от «разума» в масонских ложах и нашли его в религиозно-мистических идеях «духовного равенства» людей. И.П.Елагин, некогда участвовавший в дворцовых «просветительских забавах», писал теперь, что «на место приятных Вольтеровых сочинений темная иногда глава из Исаии пророка занимает время»⁷¹.

Между тем для лучших людей того времени произведения французских просветителей явились источником политических знаний, которые, как говорил Радищев, их «мыслить научили». Произведения Монтескье, Вольтера, Руссо. Гельвеция, Гольбаха, всего круга французских проосветителей, проходя через дворянские особняки, передавались из рук в руки и в конечном итоге попадали на Гостинный двор, где они становились доступными передовому читателю. В 80-х годах десятки переводчиков из разночинной интеллигенции переводили книги, появившиеся за рубежом. Выбор книг для переводов указывал прежде всего на большой интерес русского читателя к социально-политическим вопросам, к просветительской философии. Воспитанник Московского университета, сын приказного Семен Башилов перевел «Кандида» Вольтера. Другой питомец Московского университета, сын священника Федор Поспелов перевел «Персидские письма» Монтескье. Сын церковнослужителя Н.Даниловский перевел с комментариями и добавлениями «Социальную систему» Гольбаха.

Многие другие занимались переводами статей из Энциклопедии по вопросам философии, государственного права, экономики.

Сочинения Руссо привлекали большое внимание русских читателей, которые видели в нем не только автора «Новой Элоизы» и «Эмиля», но и создателя трактата о происхождении неравенства людей, автора «Общественного договора», где он говорил о праве народа на государственную власть. Именно это сочинение, опубликованное на русском языке в 1786 г., по данным «Словаря исторического...», издававшегося в русском переводе В.И.Остроковичем, «почиталось многими за превосходное произведение ума»⁷². Высказывания лучших людей России того времени имеют такой же характер. Н.И.Новиков считал, что Жан-Жак Руссо обрел «славнейшие в нашем веке человеческие мудрости»⁷³. Я.П.Козельский охарактеризовал Руссо как «высокопарного орла [который] превзошел всех бывших до него философов»⁷⁴, а М.Д.Чулков ставил его первым среди учителей, наставников и путеводителей «к премудрости людей в познаниях и в добродетелях высочайших»⁷⁵.

Значительная часть сочинений предреволюционных французских мыслителей была переведена на русский язык и пользовалась большим спросом у широкого читателя Петербурга и Москвы. Некоторые из этих переводов выдерживали по два и по три издания, другие, встречавшие препятствие со стороны царской цензуры, переписывались от руки и распространялись в рукописях. Митрополит Евгений свидетельствует, что «письменной Вольтер становится у нас известен столько ж, как и печатной» и что «сокровенными путями повсюду разливаются вся его зараза»⁷⁶. Церковный сановник имел тут в виду те произведения великого французского мыслителя, в которых им беспощадно обличались религиозная нетерпимость, ханжество, духовная и светская тирании.

В 70-х годах у писателя Е.Разнотовского, у купцов С.Струговщикова, М.Грибанова и у канцеляриста С.Романова были обнаружены антиклерикальные рукописные книги: «Разоблаченное христианство» Гольбаха, «Обед у графа Буленвилье» и «Катехизис честного человека, или Разговор между монахом и добрым человеком» Вольтера и др. В последующие годы рукописные переводы этих сочинений продолжают встречаться как в Петербурге, так и в Москве, среди того же круга читателей⁷⁷.

Сочинения Вольтера имели исключительное значение для русских современников. Изложенные в блестящей и доходчивой форме, они были особенно понятны рядовому читателю, не искушенному в чтении социально-политической и философской литературы того времени. По свидетельству современников, «имя Вольтера в нашем веке есть одно из тех имен, кои возбуждают почти всеобщее внимание любителей чтения»⁷⁸. Достаточно напомнить, что в последней трети XVIII в. на русский язык было переведено около 60 произведений Вольтера; некоторые из них были чуть ли не так же популярны в России, как и во Франции⁷⁹. Переводчик-разночинец Г.С.Винский говорит, что не только в барских домах, но и в «состояниях низших» сочинения Вольтера «читались с крайнею жадностью»⁸⁰. Статс-секретарь императрицы Г.Н.Теплов, в свою очередь, свидетельствует, что в Гостином дворе «сии людишки (т.е. мещане. — М.Ш.) вменяют себе в стыд не быть с Вольтером одного мнения»⁸¹. Увлечение Вольтером охватывало самые различные читательские круги. Сын крепостного писаря А.В.Никитенко рассказывает, что его отец «высоко ценил Вольтера и ни мало не смущался его скептическими воззрениями»⁸². Своим разнообразным, но вместе с тем и целеустремленным творчеством Вольтер приобщал русских людей к антифеодальному мировоззрению французских просветителей. В «Словаре историческом...» объясняется увлечение сочинениями Вольтера тем, что автор вложил в них «любовь к смертным и ненависть к утеснению»⁸³. Н.И.Новиков называл Вольтера «прорицателем нашего века»⁸⁴ именно потому, что он владел счастливым даром доносить до сознания рядовых людей понятия о свободе, равенстве, о правах человека. Он помогал им осознать несправедливость существовавших общественных порядков. Очевидцы свидетельствовали в середине 80-х годов, что «ныне свет совсем не таков, как был в старые годы! Ныне все, будучи напоены Вольтеровым духом, никаких мыслей не имеют о набожности»⁸⁵. От сочинений Вольтера русский читатель переходил к чтению других, более радикальных

французских мыслителей. Поэтому понятие «вольтерьянство» в представлении современников означало все просветительское движение в целом, а термин «вольтерьянец», столь распространенный в последней трети XVIII в. в России, имел гораздо более широкий смысл, чем просто последователь Вольтера, и означал политическое и религиозное вольнодумство.

Этот живой интерес рядовых людей России к произведениям французских просветителей неоспоримо свидетельствовал о том, что в России имелась почва для восприятия таких идей. Авторы этих произведений, говорит известный мемуарист, сын священника Г.Добрынин, представляют «явления, отверзающие умственный глаз подобных им человек и оживотворяющие ощутительно душу мыслящего существа»⁸⁶. Под влиянием произведений французских просветителей в русских людях усиливался интерес к международным политическим событиям, которыми была богата последняя треть XVIII в. Начавшаяся в конце 70-х годов революция в Северной Америке привлекла к себе внимание всей русской общественности. Обе русские газеты — «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», всесторонне освещали эти события и знакомили русского читателя с ходом военных действий, с прениями в английском парламенте, с требованиями всей передовой европейской общественности прекратить несправедливую войну и предоставить независимость американским штатам. В обеих газетах рассказывалось о той восторженной встрече, которую парижане устроили Франклину, и об участии французских волонтеров, во главе с Лафайетом, в защите молодой республики. Печатались довольно пространственные изложения конституций штатов республики и Декларации независимости.

В 1784 г., в связи с победой, одержанной революцией в Северной Америке, Новиков, в своем журнале «Прибавление к Московским ведомостям», опубликовал ряд статей, посвященных американским событиям. В этих статьях говорилось о вождях американской революции, об установленном образе правления, о нравах, людях, о международном значении провозглашенной независимости Соединенных Штатов Америки. Ради свободы, говорилось в одной из статей, американцы «всем жертвуют. ...Свобода делает им сносной жизнь сомнительную и бедную»⁸⁷. По мнению журнала, «свет должен почтить генерала Вашингтона одним из величайших полководцев нынешнего века и его имя потребует почтения от самых позднейших потомков...». «Почти все нации, — говорится далее, — имели своих патриотических освободителей... Однако ж сии славные герои не равняются Вашингтону: он основал республику, которая вероятно будет прибежищем свободы, изгнанной из Европы роскошью и развратом»⁸⁸. Победа американской революции была встречена передовыми людьми России с большим волнением и сочувствием. От имени этих людей Радищев в оде «Вольность» произнес свои знаменитые слова, обращенные к Америке: «Ликуешь ты, а мы здесь страждем! Того ж, того ж и мы все жаждем; пример твой мету обнажил».

Необходимо здесь же отметить, что в дальнейшем отношении передовых людей России к «порядкам» Америки изменилось. Несколькими годами позже Радищев отказывался считать «блаженной страной» Соединенные Штаты Америки с их республиканским строем, «где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова»⁸⁹. Русские просветители, выступавшие в защиту поработанного крестьянства в России, не могли одобрить существовавшее в Северной Америке рабовладительство. Н.И.Новиков с возмущением писал: «...Мы не соглашаемся... на оное» (торг невольниками. — *М.Ш.*), ибо оно утверждено «на многих ложных заключениях», и все попытки оправдать такой порядок «не уважаются перед судилищем рассудка и человечества и не доказывают еще справедливости права, присвоенного белыми человеками над черными их собратиями»⁹⁰.

События в Северной Америке усилили интерес к идеям французских просветителей. Победа американской революции говорила о наличии реальных возможностей для претворения в жизнь этих идей, для осуществления коренных изменений в общественных и государственных порядках. Мысли о свободе, равенстве, о правах человека выходили из области мечтаний. Вместе с интересом, проявленным русскими читателями к произведениям французских просветителей, рос интерес и к злободневным политическим сочинениям французских авторов кануна революции.

Десятилетие, предшествовавшее революции, дало Франции новую плеяду писателей, ставивших вопрос о свержении абсолютизма и замене его новым общественным и политическим строем. Почти все произведения этих писателей проникали в Россию; многие из них были переведены и изданы или распространялись в рукописях. На русском языке в 80-х годах вышли из печати такие сочинения, как «Мой спальный колпак» и «Картины Парижа» Мерсье или «Севильский цирюльник» и «Фигарова женитьба» Бомарше. Эта литература, с ее ярко выраженным социальным и общественно-политическим характером, воздействовала на умы современников не меньше, чем философские трактаты французских просветителей. За три года до революции в Петербурге был опубликован перевод книги Неккера «Об управлении государственных доходов французского королевства», в которой автор вскрыл коррупцию, приведшую страну к финансовому кризису. Эта мига, вызвавшая во Франции бурю волнений и толков, в России воспринималась в свете русской действительности: расточительности двора, роскоши и самодурства вельмож, мотовства и бесхозяйственности дворянства, казнокрадства и

и взяточничества царских чиновников — словом, всего того, что с такой силой было обличено Крыловым в 1789 г. на страницах его журнала «Почта духов».

Все чаще в руках русского читателя стали появляться переводы французских предреволюционных политических сочинений, содержание которых в той или иной мере перекликалось с требованиями передовых русских людей того времени.

Сведения о событиях, происходивших в предреволюционной Франции, доходили до широкого круга читателей через столичные газеты «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Новиков, редактировавший «Московские ведомости», ставил своей задачей публиковать в них европейские и других частей света новости, политические дела и другие происшествия «так, чтобы они (т.е. «Московские ведомости». — *М.Ш.*) не только соравнялись по содержанию своему с лучшими иностранными публичными листами сего рода, но и превзошли и заменили бы совершенно недостаток оных для тех, кон не имеют ни способности, ни случая читать первых»⁹¹. Несколько более официозными были изложения политических событий в «С.-Петербургских ведомостях», в редактировании которых принимали участие люди, ближе стоявшие к правительственным кругам. Печатавшиеся сообщения, как правило, извлекались из зарубежной прессы. Современники рассказывают, что при чтении полученных из-за границы газет редакторами «отмечалось карандашом все, что разрешалось оттуда взять», после чего к этим сообщениям «под различными рубриками добавлялись сведения, направленные сообразно со взглядами правительства»⁹². Но даже в этих условиях русская пресса отражала довольно подробно накаленную политическую обстановку во Франции накануне революции. Уже с самого начала 1789 г. сообщениям из Франции отводилось значительное место в русской печати. Говорилось о необычайных морозах той зимы, об усиливавшемся голоде в стране, о грозных размерах крестьянских восстаний, вспыхивавших одновременно в разных концах королевства. Сообщалось о выборах в Генеральные штаты; обстоятельно излагались прения, разгоравшиеся на их заседаниях, выступления Неккера; Мирабо и других политических деятелей, — благодаря чему русский читатель мог быть осведомлен о событиях во Франции и имел возможность следить за ходом их развития.

Таким образом, в момент, когда во Франции начиналась революция, русская общественность была осведомлена об идеях и событиях, подготовивших почву для этой революции. Больше того, глубокие экономические и социальные изменения, происходившие в последней трети XVIII в. в России, несли с собой существенные изменения в сознании людей и создавали необходимые условия для сочувственного восприятия этих идей, которые все больше становились созвучными с политическими стремлениями передовых русских людей. В 1789 г. в Париже пала Бастилия, а в Петербурге Радищев окончил свой замечательный труд «Путешествие из Петербурга в Москву». В книге Радищев ставил вопрос о праве народа на насильственное свержение существовавшего строя, о законности народного мщения.

1 М.Д.Чулков Пересмешник, или славенские сказки (СПб 1770). «Русская проза XVIII века.», т.I. М., 1950. стр.146.

2 Н.К.Каратаев. К характеристике русской экономической литературы конца XVIII в. (рукопись).

3 М.М.Щербатов. Сочинения, т. 1. СПб., 1896, стр.637.

4 См. П.И.Лященко. История народного хозяйства СССР. т.1. М., 1950, стр.401.

5 И.И.Голиков. Дополнения к Деяниям Петра Великого, т.III. М., 1790, стр.450.

6 См. К.Н.Щелетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947.

7 См. Н.Чулков. Московское купечество XVIII и XIX веков «Русский архив», 1907, кн.III.

8 Более полное освещение поднятых в настоящем разделе вопросов см. в кн.: «История Москвы», т.II. М., 1953 и «Очерки истории Ленинграда», т.I. Л., 1955.

9 И.Н.Болтин. Примечания на Историю древний и нынешним России г.Леклерка..., ч.II. СПб., 1788, стр.219.

10 В.А.Левшин. Послание русского к французолобцам. СПб., 1807, стр.38.

11 «Сатирический вестник», ч.IV. М., 1790, стр.69—70.

12 В.А.Левшин. Указ.соч., стр.39.

13 К.В.Сивков. Г.И.Попов — представитель передовой общественной мысли в России конца XVIII века. «Вопросы истории», 1947, № 12, стр.82.

14 «Пугачевщина», т.I. М.—Л, 1926, стр.36.

16 (А.Т.Болотов). Записки, т.III. СПб, 1872, стр.377.

17 «История Москвы», т. II, стр.371. См. также статью П.К.Алефиренко «Чумный бунт в Москве в 1771 г. «Вопросы истории», 1947, № 4.

18 См. «История Москвы», т.II, стр.360—368. Н.В.Воронов. Стачка московских кирпичедельцев летом а г. «Исторические записки», № 37, М., 1951, стр.297.

- 19 М.Д.Чулков. Историческое описание российской коммерции. , т.І, кн.1. М., 1781, стр.15.
- 20 Там же, т.VI, кн.4, стр.13.
- 21 И.И.Голиков. Деяния Петра Великого..., т.І, М., 1788, стр.48—49.
- 22 А.Куракин. Записка 1774 г. Гос.историч.музей. Отдел Рукописей. Фонд Куракиных, д.989, л.5.
- 23 И.Н.Болтин. Указ.соч., ч.ІІ, стр.223.
- 24 Д.И.Фонвизин. Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления и от того о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей. «Русская проза XVIII века», т.1. М., 1950, стр.537.
- 25 Там же, т.І, стр.529—530.
- 26 М.Комаров. Обстоятельные и верные истории двух мошенников... Изд. 2. М., 1788. Предупреждение.
- 27 В.В.Сиповский. Из истории русской литературы XVIII века. Опыт статистических наблюдений СПб, 1901, стр 44—46
- 28 «И то и сию», СПб, 1769, 48-я неделя. М., 1792, ч.1.
- 29 «Дело от безделья, или Приятная забава...» Введение.
- 30 «Книжная торговля». М., 1925. стр.98.
- 31 Н.И.Новиков. Избранные сочинения. М.—Л., 1951, стр.96.
- 32 См. В.Е.Васильченко. Очерки истории библиотечного Дела в России XI—XVIII вв. М., 1948.
- 33 «Почта духов», 1789, ч.2, стр.24—25.
- 34 «И то и сию», 1769, 45-я неделя.
- 35 Н.И.Новиков, Указ.соч., стр.277.
- 36 См. С.М.Громбах. Русская медицинская литература XVIII века. М., 1953.
- 37 «Дело от безделья, или Приятная забава», 1792, ч.1, стр.43.
- 38 А.Ф.Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание.. Киев, 1851, стр.283.
- 39 См. Е.В.Геккель. Крепостная интеллигенция в России во 2-й половине XVIII и 1-й половине XIX веков. Л, 1953 (рукопись).
- 40 А.В.Никитенко. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетелем в жизни был», т. 1. СПб , 1904, стр.6.
- 41 И.Никольский Крепостной художник Камеженков. «В наши дни». Калинин, 1936, № 1, стр.140.
- 42 А.В.Никитенко. Указ. соч., т.1, стр.8.
- 43 Д.С.Бабкин. Процесс А.Н.Радищева. М, 1952, стр.145.
- 44 В.И.Ленин Соч., т.19, стр.342.
- 45 Н.И.Новиков Указ.соч., стр.373.
- 46 Гос. Публичная б-ка им М.Е.Салтыкова-Щедрина. ГбПЛ., 1954, стр.133.
- 47 В.А.Левшин. Русские сказки, ч.1. М., 1780, стр.2.
- 48 Н.И.Новиков. Указ.соч., стр.481.
- 49 «Собеседник любителей российского слова...», ч.1. СПб., 1783, стр.133.
- 50 «Беседующий гражданин». СПб., 1789, ч.ІІІ, стр.308, 310.
- 51 Там же, стр.314.
- 52 ЦГАДА, ф. Гос.архива, разр. VII, д.2812, часть VI2, л.7.
- 53 Н.Г.Курганов. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие..., СПб., 1769. Приношение.
- 54 Н.И.Новиков. Указ.соч., стр.456.
- 55 Там же, стр.377.
- 56 И.И.Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, стр.46.
- 57 Ф.Кречетов. Новорожденное дитя, или Новое введение россиян к наукам. (1787). ЦГАДА, ф. Гос.архива, разр.VII, д.2812, ч.ІІІ2, л.457.
- 58 Л.Светлов. А.Н.Радищев и политические процессы конца XVIII века. Сб. «Из истории русской философии XVIII—XIX веков». М., 1952, стр.55.
- 59 Там же, стр.74.
- 60 Ф.Кречетов. Указ.соч. ЦГАДА, ф. Гос.архива, разр.VII, д.2812. ч.ІІІ2, л.457.
- 61 См. Н.Чулков, Ф.В.Кречетов — забытый радикальный публицист XVIII века. «Литературное наследство», т.9-10. М., 1933.
- 62 См. В.П.Семенников. Литературно-общественный круг Радищева. Сб. «А.Н.Радищев. Материалы и исследования». М.—Л., 1936.
- 63 А.Н.Радищев. Полн.собр.соч., т.І. М.—Л., 1938, стр.151.
- 64 Там же, стр.352.
- 65 Там же, стр. 352.
- 66 С.А.Порошин. Записки. Ст. Сб. РИО, т.23, стр.38.
- 67 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XIV, стр.17.

- 68 И.П.Елагин. Повесть о себе самом 1864, стр.101.
- 69 См. А.П.Сумароков. Полн.собр.соч., т.Х. Изд.2, М., 1787, стр.136.
- 70 И.В.Лопухин. Рассуждение о злоупотреблении Разума... М., 1780, стр.5—7.
- 71 И.П.Елагин. Указ.соч., стр.109.
- 72 «Словарь исторический, или Сокращенная библиотека...», ч.ХI. М., 1793. стр.370.
- 73 Н.И.Новиков. Указ.соч., стр.101.
- 74 Я.П.Козельский. Философские предложения. «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т.1. М., 1952, сто.418.
- 75 М.Д.Чулков. Записки экономические... М., 1790, стр.170.
- 76 «Вольтеровы заблуждения...», ч.I. Предупреждение к российскому переводу М, 1793, стр.II.
- 77 См. Ю.Я.Коган. Из истории распространения антихристианских памфлетов Вольтера в России в XVIII веке «Вопросы истории религии и атеизма», сб. статей, т.3. М., 1955.
- 78 «Вольтеровы заблуждения», стр.1.
- 79 См. М.В.Нечкина. Вольтер и русское общество Сб. «Вольтер. Статьи и материалы» М., 1948.
- 80 [Г.С.Винский]. Мое время. СПб. 1916, стр.45.
- 81 См Д.И.Фонвизин Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях. «Русская проза XVIII века», т.1. М., 1950, стр.580.
- 82 А.В.Никитенко. Указ.соч, стр.11.
- 83 «Словарь исторический...», ч.III М., 1790, стр.349
- 84 «Прибавление к Московским ведомостям», 1784. № 47, стр.371, 372.
- 89 А.Н.Радищев. Поли.собр.соч., т.I, стр.317.
- 90 Н.И.Новиков. Указ.соч., стр.562.
- 88 Н.И.Новиков. Указ.соч., стр.101.
- 85 «Покоющийся трудолюбец...». Ч.IV, М., 1785, стр.67—68.
- 86 [Г.Добрынин]. Истинное повествование... СПб., 1872, стр.134
- 87 «Прибавление к Московским ведомостям», 1784, № 68, стр.516.
- 91 Н.И.Новиков. Указ.соч., стр.567.
- 92 J.-G.-H.Mehee de la Touche. Memoires particuliers..., II-e part., Hambourg et Paris, 1807, p.140.

Глава 2. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ во ФРАНЦИИ и ПЕРВЫЕ ОТКЛИКИ на нее в РОССИИ

I

Утром 14 июля 1789 г. вооруженный народ Парижа штурмовал Бастилию — крепость-тюрьму, воздвигнутую в центре столицы и олицетворявшую собой абсолютизм. Это было началом революции. Вечером того же дня Бастилия пала, и народ бурно праздновал свою первую победу.

Падение Бастилии явилось развязкой политических событий во Франции, за развитием которых внимательно следили многие мыслящие люди России. В этих условиях становится понятным свидетельство французского посла в Петербурге графа Сегюра, так часто вызывавшее сомнение у буржуазных историков, недостаточно вникавших в социально-политическую обстановку, сложившуюся к тому времени в России. Сегюр рассказывает, что «хотя Бастилия не угрожала ни одному из жителей Петербурга, трудно выразить тот энтузиазм, который вызвало падение этой государственной тюрьмы и эта первая победа бурной свободы среди торговцев, купцов, мещан и некоторых молодых людей более высокого социального уровня»¹. Он добавляет, что люди посреди улицы обнимались, поздравляя друг друга, точно их освободили от тяжких уз.

С первых же дней революции сведения о ней стали поступать в Россию различными путями, и их было достаточно, чтобы создать у современников ясное представление о ходе политических событий во Франции. В первую очередь обе русские газеты «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», где к тому времени изменилось руководство (ушел Н.И.Новиков), хотя и с оговорками, но все же довольно подробно излагали в каждом очередном номере ход событий во Франции 7 августа 1789 г. «С.-Петербургские ведомости» вышли с сенсационным сообщением о падении Бастилии. В газете говорилось, что «рука содрогается от ужаса, описывая происшествия, при коих могли быть в толиком пренебрежении долг к государю и долг к человечеству», после чего шло подробное описание событий, разыгравшихся в Париже 14 июля. Сообщалось, что «повсюду встречались люди буйные и вооруженные... везде видны были следы их необузданности». На улицах и в садах произносились «весьма дерзкие речи». Газета подчеркивала, что все это «дело рук мещан». В этом же номере сообщалось об изменениях, внесенных в организацию городского управления Парижа и о создании буржуазной милиции. «Над мещанским войском (так называла газета Национальную гвардию. — *М.Ш.*) начальство возложено на маркиза де Лафайета... главою же купечества (т.е. мэром г. Парижа. — *М.Ш.*) избран г.Байи»².

В следующих номерах «С.-Петербургских ведомостей» я «Московских ведомостей» сообщалось о дальнейших волнениях в Париже «мещан и мещанской черни», о народной расправе над королевским чиновником Фуллоном, говорилось о «дерзости писателей», рассеивающих в народе «всякое утро великое множество печатных возмутительных сочинений»³. «Московские ведомости» сообщали о выходе «премножества пасквильных сочинений... некоторые из них суть важного, другие забавного, а еще иные сатирического содержания»⁴. В ряде номеров печатались известия о происшествиях, о «частых собраниях народа в саду королевского дворца (Пале-Рояля. — *М.Ш.*)», где ораторы «поощряют чернь к великим противу аристократической стороны наглостям»⁵. В нравоучительном тоне подчеркивалось: «как маркиз де Лафайет, так и разные члены Народного собрания, кои в перемене... имели участие, начинают уже раскаиваться, что власть королевская слишком унижена...». После чего автор сообщения восклицал: «счастливы те народы, которые по примеру здешнего (французского. — *М.Ш.*) не превратятся из верных подданных в бесчеловечных разбойников»⁶.

Газеты знакомили русского читателя с ходом работ Учредительного собрания. Они печатали сообщения из Парижа о «бурных многоглаголиях» и «великих прениях», происходивших на заседаниях Учредительного собрания. Приводились почти дословно выдержки из выступлений Мирабо, Байи, Барнава и других «любимцев мятущегося народа». Пересказывалось содержание наиболее важных постановлений: о создании национальной буржуазной гвардии, о ликвидации феодальных повинностей, об отмене привилегий дворянства, приведшей его «в крайне унижительное равенство с теми..., кои нынешнюю законодательную власть поддерживают»⁷. Печатался дословный перевод всех 17 статей Декларации прав человека. Этот исторический, революционный для того времени документ, сформулировавший принципы буржуазного строя, гласил, что «все люди рождаются вольными и в совершенном в рассуждении прав равенстве», что «права сии суть: вольность, собственность, безопасность и противоборство угнетению», что «всякая верховная власть имеет основание свое в народе» и т.д.⁸ Декларация прав человека и гражданина, появившаяся на страницах русской печати, с особенной силой звучала в условиях тяжелой социально-политической обстановки России; она не могла не волновать умы и несомненно имела большое значение для роста политического сознания тех, кто с нею знакомился.

В целях запугивания русских имущих слоев населения «губительными следствиями французского безначалия» царское правительство допускало к опубликованию в газетах письма из различных областей Франции, в которых рассказывалось о революционных событиях в провинции. «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» чуть ли не в каждом номере помещали такие сообщения. Из Оверни, Лимузина и Перигора писали о «великих беспокойствах», о том, что «сельские жители обходятся с помещиками своими даже бесчеловечно»⁹, «в Бретани разграблены и выжжены вновь 26 дворянских замков, в Керси одни убийства следуют за другими»¹⁰, в Артуа «возобновляются паки грабежи и истребления огнем дворянских замков»¹¹. На протяжении первых полутора лет революции на страницах русских газет не переставали появляться известия о вспыхивавших то здесь, то там восстаниях крестьян, сопровождавшихся «избиением дворян» и «сожжением дворянских усадеб». «С.-Петербургские ведомости» с тревогой писали весной 1790 г., что во Франции «одна часть подданных его величества истребляет другую самыми зверскими терзаниями и убийствами. Чернь в областях свирепствует»¹². «Великий страх», как тогда говорили, охвативший представителей имущих классов Франции, нашел свое отражение на страницах русской печати и будил в памяти еще свежие воспоминания о крестьянской войне.

События 5—6 октября — поход парижских женщин на Версаль и новое выступление народных масс, сорвавших контрреволюционные планы реакции и закрепивших победу революции, — так же подробно комментировались на страницах русской прессы. «С.-Петербургские ведомости» писали о «новом и почти невероятном волнении народа»; рассказывалось, что «великое множество черни, копьями вооруженной, и толпы баб, кои влекли за собой пушки и прочие военные снаряды», ворвались в Версальский дворец. Далее сообщалось, что «некоторые пьяные бабы теснились даже к комнатам сей особы (королевы. — *М.Ш.*), дабы взять оную в свои руки»¹³. В следующем номере говорилось о враждебной позиции, занятой Лафайетом в отношении парижского народа; было опубликовано королевское постановление о запрещении народных собраний у Пале-Рояля, но тут же добавлялось, что «чернь, собираясь в тот же вечер в сад так называемого королевского дворца, предвещала г. Неккеру, Байи и маркизу де Лафайету... виселицы»¹⁴. Как «С.-Петербургские ведомости», так и «Московские ведомости» в ряде номеров довольно подробно останавливались на революционной деятельности Марата, «которому вся здешняя чернь покровительствует». Сообщалось, что Марат, «усугубляя дерзость свою, со дня на день подает черни совет — в саду Тюильерийского дворца воздвигнуть 800 виселиц и поднять на оные большую часть Национального собрания, а особливо тех членов, которые сидят на правой стороне...»¹⁵ Печатались известия, связанные с решением Учредительного собрания об аресте Марата, «которого взяла под свое покровительство часть... города, именуемая францисканскою» [речь идет о дистрикте Кордельеров. — *М.Ш.*]¹⁶.

С первых же дней революции материалы обеих русских газет раскрывали социальный характер событий во Франции. В них говорилось о существовании «двух противоборствующих сообществ» в Учредительном собрании: «Первое и притом многочисленнейшее заседает по левую руку от председателя. Мы называем оное бешеным, простонародным... другое же, не столь великое, именуется вельможным, или черноризным, потому что имеет многих сочленов из духовенства»¹⁷. Борьбе этих партий была посвящена большая часть печатавшихся сообщений.

Расхождения, возникшие среди депутатов третьего сословия, особенно после версальских событий, также нашли свое отражение на страницах русской печати, где проводилась резкая грань между буржуазией и народными массами, или, как тогда выражалась печать, между «мещанами и мятежной чернью», которая «шумит и буйствует»¹⁸, тем временем как «большая часть мещанства (буржуазия. — М.Ш.) тамошними беспорядками крайне недовольна»¹⁹. Обе газеты помещали сообщения о начавшихся бурных прениях в Учредительном собрании по вопросу об имущественном цензе избирателей, причем «столь сильная [была] буря многоглаголанья, что больше трех часов слышен был только один шум и видны были движения уст...»²⁰ Рассказывалось об уличных выступлениях народных масс против представителей буржуазной партии и о полицейских мерах, принятых Учредительным собранием для подавления революционного движения в стране.

Начиная с 1 января 1790 г. в Москве при Университете стало выходить новое ежемесячное издание — «Политический журнал», посвященный, как указывалось в объявлении, «важнейшим политическим нынешнего времени происшествиям»²¹. Это был перевод на русский язык журнала, издававшегося в Гамбурге «Обществом ученых мужей». Издателем и редактором его был сын священника, магистр «философии и свободных наук» Московского университета П.А.Сохацкий. В своем обращении к читателям, опубликованном несколькими годами позже, он писал: «работа сия по трудности своей оказалась выше всякого понятия, какое только представить себе можно», поясняя, что эти трудности проистекали «от полноты современной истории»²². Повидимому, было действительно нелегко в первые годы французской революции редактировать и издавать в самодержавно-крепостнической России политический журнал. «Политическому журналу» не раз приходилось менять тон в оценке событий во Франции. Во вступительной статье к первому номеру журнала говорилось, что «1789 год учинился вечно незабвенным между годами многих столетий», что началась эпоха «угнетения самопроизвольной власти, ограничение министерского и подминистерского деспотизма, владычества аристократов или вельмож возле престолов». Тут же указывалось, что «среди сих беспокойств и многих злополучий даны многие новые законы, к счастью человечества учреждено много доброго»²³.

Внимание, которое уделял журнал французским событиям, позволяло систематизировать и обобщать большой материал о революции, а также, как говорит Сохацкий, печатать «знатное число и таких новостей, которые ни в каких ведомостях не встречаются»²⁴. Во вступительной статье к первому выпуску редакция журнала подробно освещала весь ход событий во Франции за прошедший год. На последующих страницах «Политического журнала» ежемесячно давался обстоятельный обзор происшествий как в Париже, так и в провинции, а также отводилось значительное место сообщениям о распространении «воинствующего духа свободы» и на другие европейские страны, с указанием на то, что «везде мещанство и крестьяне старались ограничить своих государей и уменьшить их могущество»²⁵. В дальнейшем тон журнала становился все более умеренным, а затем враждебным по отношению к революции.

Наряду со сведениями о революции, которые давались на страницах столичных газет и журналов, русский образованный читатель имел в своем распоряжении в первые годы революции (1789—1791) ряд французских революционных изданий. В Париже в это время выходило из печати большими тиражами множество газет, журналов, памфлетов самых различных политических направлений, вызывавших огромный интерес как в самой Франции, так и за ее пределами. В Петербурге, в Лондоне, в Вене спрос на эту литературу рос вместе с подъемом революционного движения в Париже. На полках книжных лавок Петербурга и Москвы, торговавших иностранной книгой, имелось много таких изданий. По свидетельству московского губернатора П.Лопухина, «никогда столько ввозимо иностранных к книгопродавцам книг... не было, как ныне» (т.е. в 1790—1791 гг.)²⁶.

В Петербурге в лавке Ридигера можно было найти «Парижские революции» — боевой орган демократических кругов, основанный в Париже 12 июня 1789 г. типографщиком Л.-М.Прюдомом, выступавшим против «создания новой аристократии богачей» и против имущественного ценза, лишавшего избирательных прав трудовые слои населения. На страницах этого журнала давалось подробное изложение революционных событий в Париже и в провинции; говорилось о реформе крестьянских земельных отношений, о финансовом положении, о контрреволюционных интригах двора; критиковались антидемократические постановления Учредительного собрания и впервые выдвигалась мысль о том, что силы революции таятся в народных массах, а не рождаются в прениях Учредительного собрания, которое только санкционирует достижения революции.

Эпиграфом журнала было: «Вельможи нам кажутся великими только потому, что мы на коленях. Так встанем же»,

У Ридигера же можно было купить и другой печатный орган первых дней революции — «Письма графа Мирабо к его избирателям», выходивший в Париже с 10 мая 1789 г. под редакцией Мирабо. В этих письмах приводились подробные данные о прениях в Генеральных штатах, печатались тексты выступлений революционных ораторов и в последнем номере от 17 июля 1789 г. дословно приводилось знаменитое обращение Мирабо к королю с требованием вывода войск. Вслед за «Письмами» к Ридигеру стал поступать и «Курьер Прованса» — орган Мирабо, которым он заменил свой предыдущий журнал.

У братьев Ге, торговавших одновременно в Петербурге и в Москве, имелись комплекты известного периодического издания Камилла Демулена «Революции Франции и Брабанта и тех королевств, которые, потребовав Национального собрания и приняв кокарду, заслужат место в летописях свободы». Журнал, начавший выходить в ноябре 1789 г., изобиловал язвительными нападками на двор и правых членов Национального собрания. Каждый номер сопровождался злободневными политическими карикатурами, имевшими большой успех у современников. Кроме того, у братьев Ге можно было приобрести и различные политические памфлеты, ходившие в те дни по рукам во Франции, — «О свободе печати» Мирабо, «Третье к вельможам» Серван, «О национальном восстании и взятии Бастилии» Дизо и др.²⁸

В книжной лавке Эверса, у Синего моста в Петербурге, также имелись «новые книги касательно бывшего в Париже мятежа», где, наряду с «Кратким описанием парижских революций с 12 по 22 июля 1789 года», продавались такие брошюры, как «Последний крик чудовища», «Парижские дни или триумф Франции», «Размышления г. Линге» и др.²⁹

У Кластермана на Невском, в каталоге на 1790 г. значилось много изданий, печатавшихся в революционном Париже, среди которых встречаются и такие, как трехтомный «Обзор основных сочинений о Генеральных штатах», «Общий характер и особенности созыва и ведения Национальных Ассамблей, с приложением подлинных документов» и др.³⁰

В Москве у Куртене, торговавшего на Ильинке, имелись почти все те же книги, что и в Петербурге³¹; в объявлениях на 1790 г. сообщалось, что «кроме этих новинок в той же книжной лавке имеется значительная коллекция эстампов, изображающих взятие Бастилии, аллегорических карикатур, портретов и т.д...»³²

Нет сомнения, что эта литература о революции в какой-то степени была доступна не только лицам, владевшим французским языком, но проникала в более широкие круги городского населения, особенно если принять во внимание установившийся в конце XVIII в. обычай пользоваться рукописной литературой, не подвергавшейся цензурным ограничениям. В то время профессиональный переводчик литератор, студент, по собственному их свидетельству, «надрывался выбирать любопытнейшее и трудился точно неленостно»³³, переводя «из самой бедной платы»³⁴ все, что являлось наиболее ходким товаром на книжном рынке Гостиного двора. Затем эти переводы размножались по мере спроса на них со стороны широкого читателя. Переписывание книг и рукописей для продажи к этому времени стало одним из наиболее верных приработков у разночинной трудовой интеллигенции — мелких служащих, канцеляристов, копиистов и т.д. Если митрополит Евгений указывал в 1792 г., что «письменной Вольтер у нас известен столько ж, как и печатной, за, то гораздо более злободневная литература, непосредственно связанная с французской революцией, тем более должна была возбуждать к себе интерес русского читателя и служить предметом спроса.

Одним из таких нелегально распространявшихся рукописных переводов являлось сочинение известного революционного публициста, впоследствии члена Конвента, Жана-Луи Карра, озаглавленное: «Оратор Генеральных штатов 1789 года». Эта брошюра имела в свое время во Франции огромный успех и выдержала свыше 50 изданий. По свидетельствам современников, приведенным в работе Алена, она представляла собой «одну из наиболее дерзких брошюр», появление которой «можно рассматривать как бедствие для тиранов Европы»³⁶. Об авторе ее «С.-Петербургские ведомости» сообщали, что это — «известный Карра, прославившийся между якобинцами возмутительными сочинениями»³⁷. Брошюра Карра содержит 48 страниц; дошедший до нас экземпляр русского перевода неполон и обрывается на 34-й странице. Он написан канцелярским почерком конца XVIII в. и, невидимому, является копией с другого рукописного перевода. В этой брошюре Карра обращается к членам Генеральных штатов с призывом быть верными защитниками интересов народа. «Велико-почтенное собрание! Знаменитые поверенные великого народа, — пишет он, — наконец наступил день, в который порядок возникнет из замешательства...». Доказывая суверенные права Генеральных штатов, автор говорит, что эти права были похищены монархом «через хитрость и коварство... злоупотребление исполнительной, одному человеку вверенной власти и жадности сего надменного творения к самовластию... Забыли..., что народ есть истинный властелин и творец избранного им правителя... Народы творят государей, а не государи народ». Далее Карра с большим подъемом и революционным пафосом заявляет: «Время переменялось, завеса открылась... рухнет самовластие, которое в течение уже

девяти веков беспрестанно более и более утесняло народ, которое налагало на хребет его тяжесть собственного своего свирепства и стыда; какое торжество! приближается наконец вольность! Сколь поразительный вид...» Переходя к конструктивной части своего сочинения, Карра ставит перед Генеральными штатами вопрос о новом «уложении уголовных и политических законов», основанных на «естественном праве» и «разуме», «ибо, как можно назвать законами уставы развращенной нравственности и самовластной политики, которая выдумала всевозможный эгоизм в пользу самовластного законодателя... Уже приспело время открыть глаза свои, которые столько веков закрыты были завесою рабства, пора перестать говорить с раболепным духом и униженным сердцем... Пусть живут сожаления достойные те, которые могут такое иго в удобность и удовольствие одного человека без роптания сносить! Пусть живут такие подлецы! Что же до меня касается, то я лучше хочу умереть, нежели отечество свое видеть более поверженным в добычу свирепствующего самовластия». И Карра призывает «умертвить сию гидру, которая столь долго разоряла наше отечество, которая теперь еще угрожает ему тысячью мщениями...»³⁸

II

Идеи революции, проникавшие в Россию через газеты и французскую революционную литературу, были близки и понятны передовым кругам русского общества и в той или иной мере отвечали их собственным социально-политическим стремлениям. Для рядовых русских читателей эти идеи зачастую являлись четко выраженными мыслями и чаяниями, которые до того бродили в их умах. Они способствовали развитию их кругозора и вызывали большой интерес к дальнейшим сообщениям о революции. Русские газеты, выходявшие два раза в неделю, приучали широкого читателя к систематическому чтению, заставляли его размышлять над вопросами внутренней и внешней политики и делать свои заключения. Повышенный спрос на столичные газеты, отмеченный в 90-х годах, ярко свидетельствовал о росте общественно-политического сознания читателей. Тираж «С.-Петербургских ведомостей» с 970 экземпляров в 1787 г. поднялся до 2000 к началу 1790 г. Тираж «Московских ведомостей» увеличился до 4000 экземпляров — цифры, рекордной для того времени. Н.М.Карамзин, хорошо осведомленный в этих вопросах, свидетельствовал, что «едва ли в какой-нибудь земле число любопытных так скоро возрастало, как в России. Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель»³⁹. Карамзин добавлял, что ему довелось знать пятерых мелких торговцев-потошников, подписавшихся на одну газету. Из них один лишь был грамотен и читал ее вслух, другие только слушали.

Сообщения из Франции о начавшейся там революции воспринимались в России с волнением. Современники рассказывают, что «революционные события были ежедневным предметом разговоров и жарких споров о принципах и их изложении, и невозможно было не принимать в них участия»⁴⁰, что эти споры о революции раздавались «иногда громче, чем это было принято»⁴¹. Литература о революции, проникавшая в Россию и отражавшая политику, законодательство, борьбу классов и быт революционной Франции, привлекала к себе внимание в дворянских особняках и в Гостином дворе, в столицах и в провинции. В.Н.Карамзин, вспоминая эти дни, пишет, что «прелести французского переворота» не только до Украины, но и «до глубины самой Сибири простирали свое влияние на молодые умы»⁴².

Интерес к революции во Франции проявлялся не только в Петербурге и Москве, но и в других местностях России, в самых различных социальных кругах русского общества. В Яссах, например, при штаб-квартире князя Потемкина, в 1790 г., повидимому благодаря усилиям группы молодых офицеров, стал выходить на французском языке еженедельный информационный листок «Вестник Молдавии». Вышло лишь несколько номеров, но и эти выпуски достаточно хорошо характеризуют круг интересов офицерской среды в действующей армии. Помимо местных новостей о состоянии здоровья «светлейшего», о полученных им наградах и подарках, о приезде к нему именитых гостей, в том числе и дам, пользовавшихся особым его расположением, в газете отводилось большое место сообщениям о революции во Франции. В февральском выпуске говорилось о положении в Париже, о развитии революционного движения в провинции, в соседних странах и французских колониях. Особое внимание уделялось поведению Национальной гвардии, которая «начинает проявлять меньше внимания по отношению к дистриктам». При этом добавлялось, что «некоторые опасаются, как бы эта Национальная гвардия не стала угрожать общественной свободе, по примеру древних преторианских когорт»⁴³. В марте газета сообщала о начале «нового периода в истории революции во Франции: король пешком в сопровождении своих министров проследовал в Национальное собрание, где произнесенная им речь должна полностью удовлетворить стремления друзей новой конституции». В номере приводился перечень статей конституции, уже принятых Национальным собранием, и говорилось, что «Франция обретает свое прочное благополучие». Но тут же указывалось, что, несмотря на «согласия между королем и нацией, наличие людей, именующихся роялистами, аристократами, бешеными, свидетельствует о несогласии в умах» и возвещает о новых грядущих переменах⁴⁴.

В Тобольске среди учителей народного училища с интересом обсуждались сообщения из Франции, которые находили свое отражение на страницах журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1789—1791), издававшегося при их участии. В связи с этими сообщениями в журнале подымались теоретические вопросы, касавшиеся понятий свободы, рабства, естественного закона, революции. Так, учитель Василий Прутковский в статье «Нечто к состоянию людей относящееся» писал о том, что средства, ведущие к рабству, бывают двойкие: физические, «как-то кандалы, стража и проч.; другие же — нравственные, как-то: обязательство, закон и проч.». Мир между людьми автор считал возможным «только если он будет подкрепляем естественным правом». В противном случае «внутреннее спокойствие нарушается сопротивлением власти», происходит «народное возмущение», т.е. революция, и «члены общества, разорвав союз согласия, принимаются за оружие, употребляя оное друг противу друга». Если же, добавляет автор, подданные «несправедливо поднимают оружие», т.е. в том случае, когда естественный закон не нарушен, «то сие называется бунтом»⁴⁵. На страницах журнала обсуждался ряд других вопросов, непосредственно связанных с революцией во Франции. Говорилось о Национальном собрании, «которое составляет в себе мнения всей нации», и в правах человека, «кои с толиким любо-мудрием назидаете» и которые создают «свободных сограждан»⁴⁶.

В Семипалатинске капитан И.Андреев заносил в свою «домовую летопись» сообщения о революции во Франции⁴⁷. В Саратове протоиерей Н.Г.Скопин составлял «выписки из «Московских ведомостей» о политических событиях во Франции», указывая, что «французы всех в смятение приводят»⁴⁸. Из Пензы князь И.М.Долгоруков писал, что он «выписывал книги, вникал во все причины мятежа французского» и что «возмущение Франции все умы занимало»⁴⁹. Украинский помещик Войцехович, рассказывая о своей жизни в деревне, сообщал из Киева: «Большая часть моих соотечественников занимается рассуждением... о сем (о революции во Франции. — *М.Ш.*)»⁵⁰.

Многие вдумчивые русские современники из различных слоев населения чуть ли не с самого начала французской революции смогли довольно трезво оценить ее значение и разглядеть в событиях, происходивших во Франции, начало новой эры. Уже в январе 1790 г. профессор Московского университета разночинец П.А.Сохацкий в обращении к читателям «Политического журнала» писал, что 1789 год положил в Европе «начало новой эпохи человеческого рода — эпохи поправления судьбы так называемых низких состояний, угнетения самопроизвольной власти...»⁵¹. В том же году известный представитель передовых петербургских дворянских кругов Я.Б.Княжнин под впечатлением французских событий написал статью «Горе моему отечеству». Статья не дошла до нас, но С.Н.Глинка читал ее и рассказывал, что в ней автор проводил мысль о необходимости «сообразоваться с ходом обстоятельств» и провести государственные реформы для предупреждения «слишком крутого перелома... ибо французская революция дала новое направление веку»⁵². Тожественные мысли, навеянные революцией во Франции, невидимому, были свойственны многим русским людям того времени. Н.М.Карамзин в середине 90-х годов писал, что «Французская революция является одним из событий, которые определяют судьбы человечества на долгие века, — начинается новая эпоха»⁵³.

Такая оценка революции говорит о высоком политическом уровне передовых кругов России, сумевших с самого начала понять историческое значение событий, современниками которых они являлись, и тем самым заострить интерес к этим событиям. В свете этих событий они анализировали внутреннюю обстановку России того времени.

Для передовых слоев городского населения, для прогрессивно настроенной части дворянства, для разночинной интеллигенции начало революции во Франции означало, как выражался Сохацкий, наступление эпохи гражданских свобод и прав человека. «Никогда, — по словам Герцена, — человеческая грудь не была полнее надеждами, как в великую весну 90-х годов: все ждали с бьющимся сердцем чего-то необычайного; святое нетерпение тревожило умы и заставляло самых строгих мыслителей быть мечтателями»⁵⁴.

Именно в эти дни в России Я.Б.Княжнин оканчивал «Вадима Новгородского», явившегося вершиной дворянского свободомыслия; в книге раскрывалась порочность единодержавия даже в условиях просвещенного абсолютизма; тогда же Радищев приступил к печатанию своего «Путешествия из Петербурга в Москву», в котором он провозгласил право народа на насильственное свержение самодержавия.

Идеи французской революции были близки и понятны русской разночинной интеллигенции. Эти идеи непосредственно затрагивали самые острые вопросы самодержавно-крепостнической действительности. Реакционно настроенные современники из дворян рассказывают, что «дух преобразования и общего равенства... вскружил голову всем тем, кто из мещан и из народа»⁵⁵, что французская революция имела в России, «как и в других местах, много приверженцев»⁵⁶, что «чувство, устремляющееся к необузданной вольности, воспалилось примером Франции»⁵⁷. Революционные фразы о свободе, о равенстве, о правах человека, которые раздавались с трибуны Национального собрания и в парижской печати, были известны разночинным слоям Петербурга и Москвы, где их «заучивали наизусть»⁵⁸ и пользовались ими для выражения своих требований. Ф.Ф.Вигель, вспоминая эти годы, рассказывает, что «цитаты из священного писания,

коиими прежние подьячие любили приправлять свои разговоры, заменились в устах их изречениями философов XVIII в. и революционных ораторов»⁵⁹. Этот подъем революционных стремлений естественно проник и в среду крепостной интеллигенции. А.В.Никитенко пишет, что его отец, крепостной писарь графа Шереметева, в те годы «вообразил себя, что избран провидением дать другое устройство своей родине, установить равновесие между людьми привилегированными и бедными и учредить такой порядок, чтобы последние всегда находили защиту против самоуправства и произвола первых». Никитенко добавляет при этом, что «мысль эта до того овладела им (его отцом. — *М.Ш.*), что он забыл всякую осторожность и скудость средств, какими располагал для борьбы со злом»⁶⁰. О таких настроениях в среде разночинной и крепостной интеллигенции говорят многие современники, указывая, что «разносаждение французского православия пустило корни свои еще далее: начали французить купцы и холопы... Хотят быть равными вельможам и заслуженным чиновникам»⁶¹.

Однако, если на первых этапах революция была принята русской интеллигенцией чуть ли не с единодушным подъемом, то последующий ход событий вызвал уже некоторую настороженность. События в Версале 5—6 октября 1789 г. повлекли за собой более четкое размежевание классовых сил во Франции. Буржуазное большинство в Учредительном собрании, движимое страхом перед революционной активностью народных масс, постепенно рвало с другими элементами третьего сословия и начало применять репрессии против народа, против его вождей и печати. Осенью 1789 г. буржуазная Национальная гвардия отбирала на улицах «мятежные сочинения», а Марат, чтобы продолжить свою политическую деятельность, был вынужден уйти в подполье.

Эти изменения в политике Национального собрания не ускользнули от внимания русских современников. Тогда же Радищев с возмущением писал, что «народное собрание толико же поступаая самодержавно, как доселе их государь», восклицал при этом: «О, Франция, ты еще хождаеш близь бастильских пропастей»⁶². Как бы отвечая на версальские события, определившие реакционную направленность буржуазии, петербургский журнал «Беседующий гражданин», близкий к кругу последователей Радищева, писал в своем октябрьском номере: «В средних правительствах (т.е. — в конституционных монархиях. — *М.Ш.*) проникает некоторый луч блаженства под тенью свободы; но какою ценою покупается сия безопасность! Усилиями, отвращающими на несколько времени мучительство, для того чтобы с большей яростью и лютостью повергнуть оное на народ, который рано или поздно будет угнетен»⁶³. Такие суждения о конституционном правлении говорят о том, что уже в 1789 г. в русском обществе имелись течения, разделявшие наиболее радикальные идеи французской революции.

Сведения о начале революции во Франции глубоко волновали помещичьи круги. Петербургская модница графиня Р.С.Эдлинг рассказывает, что «революция во Франции занимала тогда все умы. С утра до вечера мы слушали рассуждения о высоких материях...»⁶⁴ О событиях во Франции говорилось при дворе, в дворянских особняках, в масонских ложах. Об этом посылались сообщения в провинцию родным и друзьям, нарушая покой в помещичьих усадьбах. С первых же дней революции дворянская интеллигенция имела в своем распоряжении значительный информационный материал о событиях во Франции. Широко распространенное среди представителей привилегированного класса России знание французского языка позволяло им читать в подлинниках парижскую прессу и другие издания, печатавшиеся во Франции. Кроме большого выбора французских книг и журналов, имевшихся на полках петербургских и московских книжных магазинов, торговавших иностранной книгой, они имелись в личных библиотеках дворян, выписывавших их из-за границы. Князь А.М.Голицын говорил, что, получая «всевозможные иностранные газеты», он «хотя несколько и поздно», но знал, «что делается в политическом свете»⁶⁵. Граф А.Р.Воронцов уже с осени 1789 г. систематически выписывал из-за границы большое количество французских изданий, а к концу 90-х годов собрал одно из лучших в Европе собраний книг, брошюр и журналов периода французской революции. Многие другие дворяне также накопили в своих семейных библиотеках богатейшие коллекции такой литературы.

Издания, получаемые из-за границы по подписке или от родных и знакомых или покупаемые в столичных книжных магазинах, зачастую проделывали длинный путь по России, переходя из рук в руки. Карикатуры на французские темы, полученные губернатором Могилевской и Полоцкой губерний П.Б.Пассеком из Лондона, после просмотра были им посланы помещику Лунину, который, в свою очередь, переслал их помещику Шадурскому⁶⁶. Некоторые представители дворянской интеллигенции вели специальные дневники, содержавшие перечень событий во Франции, сведения о которых черпались из получаемой ими иностранной прессы. Проживавший в Петербурге дворянский публицист масон А.Ф.Лабзин составлял «замечательные по прекрасному изложению» сводки «о современном ходе французской революции»⁶⁷ и регулярно посылал их своему другу казанскому помещику Панаеву. Живя у себя в имении, в Тульской губернии, известный дворянский писатель А.Т.Болотов рассказывает, с каким любопытством и с какой нетерпеливостью ждал он и его соседи каждой новой почты с зарубежными газетами, в которых говорилось о событиях во Франции. Содержавшиеся в них сообщения о революции он излагал на

русском языке в особых тетрадах, названных им «Богородским вестником», которые он передавал для прочтения своим соседям⁶⁸.

В этих тетрадах Болотов показал не только свое большое знакомство с ходом революции во Франции, но также и умение разбираться в событиях, довольно точно размежевывая различные политические и социальные течения. Описывая народные волнения в Париже, он подчеркивал, что «не должно, однако, никак их приписывать всей французской нации, а едино и только парижской черни», которая «преисполнила всех честных и добрых людей и прямых патриотов страхом и ужасом». Среди этих «честных и добрых людей» первым он считает Лафайета; к ним же относит и «славного Барнава» и других представителей консервативного буржуазного большинства Учредительного собрания; «зачинщиками всем произведенным в Париже мерзостям» он называл Робеспьера и Марата, к ним же он относит Дантона и жирондистов Манюэля, Ролана, Карра, Бриссо, а также члена Социального клуба Жака Ру — «самую бестию и бездельника»⁶⁹.

Французская революция на первых этапах своего развития, качалась, отвечала, в какой-то мере, чаяниям наиболее передовых слоев дворянской интеллигенции. В событиях во Франции они видели путь к «просвещенной» монархии, за которую ратовал в свое время известный дворянский политический деятель Н.И.Панин. Один из видных представителей московского дворянства, удаленный от двора вельможа князь А.М.Голицын, рассуждая о французской революции, говорил, что «настоящая в Европе эпоха весьма важна и заслуживает всякого любопытства и примечания»⁷⁰. Вместе с тем он считал, что «желательно остановить и уничтожить во Франции вредный дух возмущения, который совсем отличается от духа восстановления доброго порядка». Для этого следует заниматься «деликатным делом» преобразования «не без-штанным (т.е. санкюлотам, — М.Ш.) и площадным парижским бабам, но достойным и беспристрастным законодателям»⁷¹. Если, продолжал Голицын, эти «дела к желанному и полезному окончанию приведены будут (т.е. к установлению конституционной монархии. — М.Ш.), то можно наверное заключить, что французское государство по положению и ресурсам будет насильнейшим благополучнейшим... в Европе»⁷². Можно думать, что Голицын отражал мнение той части дворянства, которая фрондировала против екатерининского абсолютистского режима.

Сочувственные к событиям во Франции настроения ярко проявлялись в кругу гвардейских офицеров, среди тех «молодых людей более высокого социального уровня»⁷³, которые, по словам французского посла графа Сегюра, приняли с восторгом сообщение о падении Бастилии. «Естественно было поколебаться всем нам, — рассказывает В.Н.Каразин, — воспитанным в конце осьмнадцатого века»⁷⁴, т.е. тем, кто с юных лет увлекался тираноборческими произведениями Монтескье и Вольтера и в театрах бурно аплодировал свободолюбивым тирадам героев Княжнина и Николева. Революция во Франции, на первых этапах своего развития, будила в них романтические мечты, направленные не в будущее, а в идеализированное прошлое, — связанное с именами Вадима Новгородского и Брута. Графиня Эдлинг, вспоминая эти дни, говорит, что «увлекательные разговоры [о революции] вместе с чтением древней истории рисовали нам мир в столь же прекрасных, сколь и обманчивых красках»⁷⁵. Свержение абсолютистского режима во Франции представлялось в этой среде как победное продолжение той исконной борьбы против тирании самодержавия, рассказы о которой с юных лет волновали их воображение. С подобными чувствами юный граф Строганов, вступивший в Париже в клуб «Друзей закона» и увлекавшийся красавицей Теруань де Мирекур, возглавившей поход парижских женщин на Версаль, мечтал, вернувшись в Россию, играть в ней ту же роль, какую играл во Франции Мирабо⁷⁶.

Но подобные «вольнодумия» могли охватывать только очень ограниченный круг дворянской интеллигенции. Противоположные чувства к событиям во Франции испытывали двор и широкие круги дворянства. Различные оценки французских событий со стороны представителей привилегированного класса России явились причиной тех «жарких споров» о революции, о которых свидетельствуют многие современники.

Сообщения о революции во Франции и особенно о начавшихся там народных выступлениях, о волнениях среди крестьян, о сожжении дворянских замков и феодальных грамот будили среди русских помещиков еще свежие воспоминания о крестьянской войне в России. Сенатор А.А.Бибииков, сопоставляя события во Франции и крестьянское движение в России, говорил, что в том и другом случае «употреблялись те же меры и шли той же дорогой»⁷⁷. Сходство между выступлениями крестьян в России и революционными событиями во Франции для них было несомненным. Граф С.Р.Воронцов с тревогой замечал императрице, что Пугачев, не читая французских просветителей, осуществлял на деле ту же программу, что и французские революционеры⁷⁸. Этот грозный призрак крестьянской войны, воскресший на Западе, вносил в жизнь привилегированного класса страх и неуверенность в завтрашнем дне.

В революции во Франции русские дворяне видели осуществление в жизни тех дум, которые, по яркому определению Радищева, они читали «на челе каждого из... крестьян»⁷⁹. Отголоски «великого страха» докатились до русских дворянских усадеб. «Я... охотно соглашусь, — восклицает И.В.Лопухин, — не иметь ни одного крепостного, но при том молю и желаю, чтобы никогда в отечество наше не проник тот дух ложного свободолюбия, который сокрушает многие в Европе страны»⁸⁰. Подобные высказывания можно было слышать в разных концах России, среди различных слоев привилегированного класса. Украинский помещик И.О.Острожский-Лохвицкий с волнением писал о событиях во Франции, добавляя: «А нам, бедным, дивно ли что пострадать, если на то будет всеведущего воля и определение»⁸¹. Дворянство боялось влияния революции на народ России. Митрополит Платон писал в 1790 г. архиепископу Амвросию, что «французское зло распространилось у нас так, что разве один бог может отвратить оно»⁸². При дворе, в кругу своих приближенных, наследник престола Павел Петрович говорил в том же 1790 г., что «настоящий момент является решающим для государей» и что если они не примут надлежащих мер, «он не отвечает за то, что до истечения двух лет вся Европа не будет перевернута вверх дном»⁸³. Граф С.Р.Воронцов с волнением ему вторил, что «зараза будет повсеместной. Наша отдаленность нас предохранит на некоторое время; мы будем последними, но и мы будем жертвами этой эпидемии»⁸⁴. Растерянность и испуг увеличивались по мере того, как сведения, поступавшие из-за границы, сообщали о развитии революционного движения в соседних с Францией странах. «Вероятно, эта бунтарская болезнь является действительно заразной, — восклицает князь А.Белосельский, — если она распространяется даже в тех странах, где до сего времени народ был наиболее удовлетворен своей судьбой»⁸⁵. Особенно пугало дворян, вселяло в них неуверенность наличие в России людей «третьего чина», способных идейно примкнуть к этому движению.

III

Первые годы революции во Франции были годами большого общественно-политического подъема в России. Появление в мае 1790 г. книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» качественно изменило содержание русской передовой мысли, придав ей революционную направленность. Это обстоятельство неизбежно привело к обострению борьбы с господствующей феодально-крепостнической идеологией, к усилению правительственной реакции. Книга Радищева была пронизана интересами народа и отражала в себе непреклонную решимость крестьянских масс бороться против крепостнического гнета. Радищев, издавая свою книгу, верил в наличие единомышленников, способных, как и он сам, обрести «в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению» и стать союзниками «во благодетельности себе подобных»⁸⁶.

В предисловии к «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищев выражал надежду, что на его сочинение откликнутся все те из его соотечественников, которые «сострададут со мною над бедствиями собратий своей, кто в шествии моем меня подкрепит». Именно в этом Радищев видел значение издаваемой им книги: «не сугубой ли плод произойдет от подъятого мною труда?»

Книга Радищева явилась маяком для всех прогрессивно настроенных людей того времени. В ней Радищев с поразительной четкостью, смелостью и силой заявил своим современникам о противоречии между «естественным правом» и русской действительностью и безоговорочно осудил весь самодержавно-крепостнический строй в целом — «чудище обло, озорно, огромно, стоглаво и лаяй». Впервые подобные вопросы рассматривались в печати с точки зрения непривилегированного класса.

Впервые надежды на разрешение этих вопросов возлагались не на «просвещенного монарха», «философа на троне», а на народ. Радищев отрицал возможность народного благополучия при самодержавии, независимо от личных качеств монарха, ибо зло заключается не в отдельных нарушителях закона, а в самой системе. Крепостное право противозаконно, а имущество помещиков «нажито грабежом и заслуживает строгого в законе наказания». На одном конце социальной лестницы Радищев видел царских чиновников и помещиков — свору «зверей алчных, пиявиц ненасытных», «недостойных носить имя человеческое», которые угнетают народ, на другом — закрепощенные, бесправные массы трудового народа, «братия наши, в узах нами содержимые», которые «к величию и славе рожденные». «Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние». Царское правительство, защищая интересы дворян, охраняет творимые беззакония, не позволяя называть «тайный грабеж — грабежом, прикрытое убийство — убийством».

Выход из этого положения Радищев видел только в насильственном свержении власти царя и помещиков, ибо «свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения». Только народ может уничтожить иго помещиков, этих «варваров», «кровопийц»; только народ является источником власти, имеющим право «на плаху возвести царя, ...се право мщенье природы» Признавая законность народного мщения и насильственного свержения тирании помещиков и царя, Радищев выражал веру в то, что народ воспользуется своим правом. Пока что народ «в законе мертв... но он жив будет, если того восхочет». Намекая на революционные настроения в народе, на непрекращавшиеся в стране крестьянские восстания, он писал, что «ныне

поверхность только гладка, но ил, на дне лежащий, мутится и тмит прозрачность вод». Настанет день, «избраннейший всех дней», когда «человечество возревет в оковах и, направляемое надеждою свободы и неистребимым природы правом, двинется... тогда тяжелая власть развеется в одно мгновение...» Радищев призывал не страшиться этого дня и выражал глубокую веру в созидательные силы революции, в народ, из среды которого выйдут «великие мужи для заступления избитого племени», которые будут «других о себе мыслей и права угнетения лишены»⁸⁷.

«Путешествие из Петербурга в Москву» сразу же после своего появления привлекло к себе «великое любопытство публики»⁸⁸. Граф А.А.Безбородко писал, что книга эта, наполненная «защитой крестьян, зарезавших помещиков, проповедью равенства и почти бунта против помещиков, неуважения к начальникам... начала входить в моду у многих шали»⁸⁹. Книгопродавец Г.К.Зотов, которому было поручено Радищевым распространение «Путешествия», свидетельствует, что эту книгу «многие стали спрашивать», что ею особенно интересовались «многие гостинодворцы и писари»⁹⁰, т.е. переписчики книг. Быстро разнеслась весть о произведении Радищева. О нем «по всему городу говорят»⁹¹, рассказывает один из секретарей Государственной коллегии иностранных дел И.И.Вальц. При дворе книга Радищева вызвала большое волнение, тем более, что ее появление ставилось в связь с западноевропейскими событиями. Княгиня Е.Р.Дашкова говорит, что «Путешествие» было принято в высших кругах как «набат, призывавший к революционному взрыву»⁹². В нем был усмотрен «тон Мирабо и других бешеных Франции»⁹³. Екатерина сразу же расценила автора как «бунтовщика хуже Пугачева»⁹⁴, которого, как она говорила, французская революция «решила себе определить в России первым подвизателем»⁹⁵.

Как известно, книга Радищева вышла без упоминания имени автора. В начале июня был взят под стражу книготорговец Зотов, а три недели спустя арестован Радищев. Екатерина лично следила за ходом следствия. Она говорила, что прочла его книгу «от доски до доски»⁹⁶, не оставив почти ни одной страницы без своих пометок, замечаний и оценок. Как отмечает ее секретарь А.В.Храповицкий, императрица говорила о ней «с жаром и чувствительностью»⁹⁷. На полях книги она писала, что автор «клонится к возмущению крестьян против помещиков, войск против начальства... Сие думать можно, что целит на французской развратной нынешней пример... царям грозит плахую»⁹⁸. Следствие шло довольно быстро, тем более, что Радищев не отрицал своего авторства. Власти особенно усердствовали в поисках сообщников; в том, что они были, Екатерина не сомневалась. В середине июля дело было передано в уголовную палату, которая уже 24 июля вынесла Радищеву смертный приговор за «нарушение присяги» изданием книги, наполненной «самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный и умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства и, наконец, оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской»⁹⁹. 19 августа этот приговор был утвержден сенатом, а 4 сентября, по случаю мира с Швецией, Екатериной был подписан указ о замене смертной казни ссылкой в Сибирь, в Илимский острог, сроком на 10 лет. Согласно приговору палаты уголовного суда, книга Радищева подлежала уничтожению.

Известия об аресте Радищева, о следствии над ним и решении суда быстро разносились по городу. На бирже, в Гостином дворе, рассказывает сын Радищева Павел, торговцы, «узнав о его несчастье, были в отчаянии, плакали»¹⁰⁰. Для всех демократически настроенных людей того времени Радищев стал духовным учителем, который сумел конкретизировать и изложить на бумаге их собственные мысли и надежды. Это случилось в тот самый момент, когда, как свидетельствуют современники, «умы поколебались, обольстились новыми правилами... повсюду рассуждали о правах человека, о независимости»¹⁰¹.

Изъятие из обращения книги Радищева и суровые полицейские меры, принятые правительством против людей, имевших ее на руках, не привели к существенным результатам. Исследователи полагают, что укрыть от полиции удалось около 50 экземпляров, которые сразу же стали представлять редкость. очевидцы рассказывают, что «русские торговцы платили по 25 рублей, чтобы иметь ее на час, и тайком прочитывали ее»¹⁰². Но уже вскоре, как указывают современники, «в России появились списки с этой книги»¹⁰³. Эти рукописные копии стали продаваться из-под полы, передаваться из рук в руки и умножаться по мере их распространения. На протяжении короткого срока «Путешествие из Петербурга в Москву» облетело почти всю Россию и стало известным большинству передовых людей того времени. Рукописные списки сочинения Радищева проникли в далекую Сибирь и на юг России, их можно было найти спрятанными в лавках у торговцев и в вещах армейских и морских офицеров. Некоторое число этих списков дошло и до наших дней. Один из них, хранящийся в Одесской государственной библиотеке им. А.М.Горького, представляет для нас особый интерес, поскольку он в какой-то мере отражает отношение его читателей к событиям во Франции. Рукопись написана почерком конца XVIII в., причем последние пять страниц рукописи заполнены переводом французской ре-

волюционной брошюры, принадлежащей перу Жана-Луи Карра, «Оратор французских Генеральных штатов 1789 года», о которой говорилось выше.

Дело Радищева взволновало умы и еще больше усилило репрессивные меры со стороны властей против всякого проявления «бунтарского духа» в стране. «Происшествия во Франции, — говорит граф А.Р.Воронцов, — заставляли правительство быть особенно бдительным», чтобы предупредить появление зародышей «подобных безумств и ужасов»¹⁰⁴. Еще в апреле 1790 г. в царских рескриптах сообщалось «о заведении в Париже особого клуба», члены которого «положили в основание стараться распространять разврат свой повсюду», о необходимости за подозрительными «иметь весьма прилежное, но неприметное наблюдение, не происходит ли от них чего-либо вредное и непристойное», и, наконец, приказывалось «полиции не позволять и не терпеть никаких тайных собраний или сходбищ, ...масонских лож и других тому подобных потаенных и нелепых сборищ»¹⁰⁵. Эти новые распоряжения совпали с появлением «Путешествия из Петербурга в Москву» и, очевидно, выполнялись с надлежащей строгостью. После дела Радищева императрица сама просматривала «все списки членов как тайных, так и вольных ученых собраний»¹⁰⁶. В обеих столицах закрывались клубы и литературные кружки, за их членами устанавливался надзор; в общественных местах, в трактирах и на рынке строго стали следить за тем, чтобы «не нарушалось запрещение говорить о политике»¹⁰⁷.

В Москве новый генерал-губернатор князь А.А.Прозоровский счел положение настолько серьезным, что, по его мнению, было бы «не худо, чтоб Москва и побольше имела войск»¹⁰⁸. В то же время из Петербурга давались указания усилить надзор за масонами и особенно за Новиковым, просветительская деятельность которого уже давно беспокоила императрицу. Она считала его «умным и опасным человеком»¹⁰⁹ и внимательно следила за постоянно растущей его популярностью среди населения. Еще в 1788 г., по личному ее распоряжению, Новиков был отстранен от руководства типографией Московского университета и от редактирования газеты «Московские ведомости». С осени 1789 г. следовали «секретные повеления» Екатерины II, адресованные московским властям, в которых предписывалось следить за издательской и общественной деятельностью Новикова и его окружения. Директору московского почтамта Б.В.Пестелю было поручено взять под наблюдение переписку московских масонов, особенно с границей, и копии их писем пересылать в Петербург. Несколько месяцев спустя в Москву был направлен граф А.А.Безбородко в сопровождении видного царского чиновника Н.П.Архарова с секретным заданием «провесть» о деятельности Новикова, проходившей частично в среде московских масонов, и о политических настроениях последних.

К сожалению, дошедшие до нас материалы передают только отрывочные сведения о настроениях, имевших место в ту пору в России. Правящие круги были напуганы ширившейся революцией во Франции, выступлением Радищева, открыто бросившим вызов царизму. Им чудилась тень народного восстания; в результате, в стране усиливался полицейский террор. Известный искусствовед Н.А.Львов писал в эти дни: «Начальства явная и тайная управа» привела к тому, что «язык и мысль в тисках».

По-видимому, властям были известны некоторые подробности о настроениях людей, окружавших Радищева. В первую очередь было распущено «Общество друзей словесных наук», членом которого он являлся. Один из участников этого Общества, молодой офицер С.А.Тучков, рассказывает, что «по разным видам и обстоятельствам большая часть членов (Общества. — М.Ш.) лишены были своих должностей, и ведено было выехать им из Петербурга»¹¹⁰. Полицейские преследования распространялись и на других представителей прогрессивных кругов интеллигенции, в той или иной мере связанных с Радищевым. Летом 1790 г. был арестован и заключен в тюрьму друг детства Радищева, писатель и переводчик П.И.Челищев. Та же участь постигла и известного передового дворянского драматурга Я.Б.Княжнина, готовившего в то время к театральной постановке свою последнюю тираноборческую трагедию «Вадим Новгородский». Челищев вскоре был освобожден благодаря заступничеству крупного чиновника Д.П.Трощинского. Княжнин умер в январе 1791 г., вероятно от пыток, примененных к нему во время следствия. Известно, что в том же 1790 г. из Петербурга в свое имение в Тамбовскую губернию был выслан видный общественный деятель и просветитель И.Г.Рахманинов, издававший журнал «Утренние часы» и близко стоявший к литературному окружению Радищева. И.А.Крылов, издававший в 1789 г. журнал «Почта духов», в декабре 1790 г. был уволен в отставку и также временно покинул столицу. Полицейские преследования, по-видимому, распространялись на широкий круг людей, оставшихся нам неизвестными. Тогда же, в 1790 г., был лишен работы крупный ученый-медик Д.С.Самойлович, высланный к себе на родину в Черниговскую губернию. Он писал по этому поводу, что лишился «всей надежды служить, полагая себя, аки умершего, а со мною погребенными безвременно все труды мои, всю дражайшую науку мою, все стяжение знаний моих»¹¹¹.

Правящие круги были полны страха перед возможными проявлениями народного гнева в России. Всюду им чудилось наличие революционного духа; они его усматривали и в идеях французских просветителей и в масонстве. Не вникая в идеологическую сущность этих двух в корне противоположных течений общественной мысли того времени, они их объединяли; в последователях этих двух течений они видели людей, в равной мере опасных для существовавшего порядка. Екатерина II считала Радищева приверженцем французской революции, исповедующим учение мартинистов¹¹². В придворной среде зачастую можно было слышать, что Радищев «был из числа так называемых мартинистов»¹¹³. Все эти суждения были известны московским масонам и глубоко волновали их. «Просвети, господи, человеков, — восклицает один из них, князь Н.И.Трубецкой, — и даждь им увидеть, что не христиане (т.е. масоны. — *М.Ш.*), что так называемые мирские умницы, покрывающие себя почтенным именем философии... опасны для общества»¹¹⁴. В письмах масонов и в публикуемых ими политических брошюрах они старались разъяснить правящим кругам свою позицию как в отношении царского правительства, так и в отношении французской революции. В одной из таких брошюр, изданной в 1791 г., И.В.Лопухин, стремясь успокоить власти, писал, что каждый масон должен «клятвенно обещать... непоколебимую верность и покорность к своему государю, с особливою обязанностью охранять престол его...». Он указывал, что всякий, вступающий в масонскую ложу, обязуется «отвращать и предупреждать все оному (престолу. — *М.Ш.*) противное тайно и явно, наипаче в настоящие времена адского буйства и волнения противу властей державных»¹¹⁵. Критикуя Радищева как «преступника», достойного «постигшего его наказания»¹¹⁶, московские масоны утверждали, что «истинная вольность состоит в повиновении законам, а не нарушении оных»¹¹⁷. Князь Трубецкой, уточняя политическое лицо своих «собратьев», писал, что масон «есть верный подданный и защитник престола и законов и что он никогда не будет Мирабо и никогда не согласится с нынешними просветителями Франции, но всегда рад проливать свою кровь за защищение государя, коему он именем бога клялся в верности», и что даже «под правлением Нерона [он] не нарушит своего обета и не дерзнет восстать против властей»¹¹⁸. Подходя к политическим проблемам со своих религиозно-мистических позиций, масоны видели во французской революции случайное явление, «юродствование»¹¹⁹, как они говорили, возникшее вследствие того, что «мирские философы» подготовили «умы французов к низвержению с себя религии», после чего антихрист «ослепил их ум к низвержению власти царской»¹²⁰.

Иначе воспринималось дальнейшее развитие революции другой частью дворянской интеллигенции, не принявшей религиозно-мистического учения масонства, но и не последовавшей за Радищевым в его планах радикальных преобразований. Представители этой части дворянства отрицательно относились к отдельным действиям екатерининского полицейского режима и в то же время с ужасом читали сообщения о проявлениях народного гнева во Франции. Понимая, в какой-то мере, обреченность старых порядков, они стремились найти такие пути развития, которые проходили бы по бескровным дорогам, вдали от социальных бурь. «Тот есть для меня истинной философ, — писал Н.М.Карамзин, — кто со всеми может ужиться в мире; кто любит и тех, которые с ним разны думают»¹²¹. Подменяя социальное психологическим, дворяне провозглашали «равноправие чувств» людей всех сословий, их «душевную свободу» и гражданское достоинство, которое, как говорил М.Н.Муравьев в 1791 г., «одно принадлежит человеку и возвышает всякое состояние»¹²². Карамзин и его последователи призывали дворян видеть в крестьянине не только раба, но и человека, достойного любви и уважения. Но их «гуманистические» идеи, призывавшие к любви и добродетели, к уважению человеческой личности, были направлены не против крепостного права как системы, а только против отдельных «недостойных» крепостников, злоупотреблявших этим правом. Разрешение острейших противоречий между феодальным укладом общества и «естественным правом» они искали не в социально-экономических преобразованиях, а в насаждении «добродетели» и в просвещении.

Н.М.Карамзин явился наиболее ярким выразителем этого течения дворянской мысли. Осенью 1790 г. Карамзин вернулся на родину из длительного путешествия по Западной Европе, полный новых впечатлений и идей. Он «проехал через Германию, побродил и пожил в Швейцарии», наблюдал революцию в Лионе и Париже, «видел вольных французов»¹²³. С января 1791 г. он начал издавать «Московский журнал», сразу же вызвавший к себе большой интерес как в Москве, так и в Петербурге и сгруппировавший вокруг себя образованное дворянство. На страницах этого журнала каждый месяц печатались по частям «Письма русского путешественника» — воспоминания Карамзина о Западной Европе. Если французским событиям было отведено всего лишь несколько строк, повидимому, из-за возможных цензурных препятствий, то ряд восторженных страниц был посвящен прелестям свободы «счастливых швейцаров», которые живут, только «перед одним богом наклоняя гордую свою выю»¹²⁴. Касаясь крепостнической действительности России, журнал воспевал социальный мир и согласие между крестьянами и помещиками, которые якобы беседовали с крепостными как отцы с детьми «простым, сердечным языком, преподавая им некоторые удобопонятные и нужные для них моральные истины и увещая их быть трудолюбивыми и жить между собой в братском мире»¹²⁵. Тут же впервые была

опубликована и «Бедная Лиза», повесть о несчастной любви дворянина и крестьянки, в которой автор с большим искусством показал, что и «крестьянки любить умеют», что крепостные тоже люди, одаренные высокими человеческими качествами. Эта повесть, утверждавшая равенство чувств, открыла современникам целый мир новых эмоций и имела большой успех.

Значительная часть дворянской интеллигенции с восторгом воспринимала сочинения Карамзина. Завлеченной в мир карамзинского абстрактного «вольнолюбия», ей казалось, что она поспекает за новой, рождавшейся эпохой. «Московский журнал» получил большую известность и широкое распространение среди современников. Один из восторженных почитателей идей Карамзина И.А.Второв писал в своем дневнике: «Читал с увлечением «Московский журнал», ныло мое сердце, чувствуя то же... что и г.Карамзин»¹²⁷. Автор «Бедной Лизы» стал духовным руководителем значительной части дворянской интеллигенции. В Москве дворяне ходили вздыхать на пруд у Симонова монастыря, в котором утопилась крестьянка Лиза. В Петербурге дворянская молодежь мечтала отправиться пешком в Москву на поклонение к издателю «Московского журнала».

Лучшие силы дворянской литературы — Державин, Херасков, Дмитриев, помещали свои стихи на страницах «Московского журнала»; Львов, князь Шаликов, князь Нелединский-Мелецкий, Муравьев и многие другие воспевали в своих произведениях прелести сельской жизни, чистоту и равенство чувств, любовь, свободную от сословных рамок. Успех этого нового течения был тем более значительным, что оно подчинило своему влиянию и ряд представителей разночинной интеллигенции. Одним из ярких примеров воздействия идей Карамзина на современников явились разногласия в редакции издававшегося в Москве журнала «Чтение для вкуса, разума и чувствований».

«Чтение», начавшее выходить в 1791 г. и просуществовавшее четыре года, первоначально редактировалось и издавалось одним из видных представителей московских демократически настроенных кругов разночинной интеллигенции В. И. Окорочковым. Окорочков происходил из семьи разорившихся мелких торговцев, служил землемером, а затем вышел в отставку в чине подпоручика. В начале 90-х годов он содержал университетскую типографию, принятую им от Новикова в 1788 г., и был близок к университетским кругам. В журнале «Чтение» печатали свои произведения и переводы студенты Московского университета, руководимые одним из талантливых учеников Н.И.Новикова, известным уже тогда писателем-разночинцем — сыном подмосковного огородника В.С.Подшиваловым. Журнал сообщал, что он ставит своей целью приносить «удовольствие и пользу читателям всякого рода и звания»¹²⁸, показывая тем самым, что он ориентируется на широкий круг людей. На страницах «Чтения» в 1791 г. авторы статей, наряду с литературными темами, обсуждали острейшие вопросы, связанные с общественным и политическим устройством общества. В их высказываниях порой звучал радищевский революционный пафос, подкрепленный прямыми намеками на революционные действия, осуществлявшиеся в те дни французским народом. Касаясь положения крестьян, журнал указывал: «Хлеб нами скупаемый орошен потом и слезами» крестьян, которые его производят; затем «приходят алчные люди и похищают часть оного, дабы расточать ее на праздные их забавы и утешения». Далее журнал продолжал: «Ненависть нас гонит; месть изощряет во мраке острия своего железа; клевета нас поносит и отнимает способ защищаться...»¹²⁹ В статье, озаглавленной «Рассуждение о совести», автор подымал приблизительно те же вопросы, указывая, что присяга является одним из выражений господствующей морали угнетателей, или, как он ее именует, «внутреннего принуждения» властей. «Наружное принуждение при помощи вооруженных войск ничто,— говорит он,— когда клятва больше не страшна... Никакое государство не может устоять, когда клятва делается ничего не значащею». Автор спрашивает: «Не сыщут ли они (народ. — М.Ш.) следов глупого суеверия, которое бы разрешало узы клятвы»¹³⁰, намекая тем самым на недавние события во время крестьянской войны.

Однако вскоре Подшивалов и некоторые другие участники журнала «Чтение» начали испытывать влияние Карамзина. Уже к концу 1791 г. Подшивалов превращается в одного из самых верных последователей автора «Бедной Лизы». Окорочков и ряд студентов из его окружения оставляют этот журнал. С 1792 г. редактором его становится Подшивалов, который несколько позднее писал по поводу происшедших изменений в составе редакции, что «на многоглавую публику угодить трудно. Одни желали строгой философии и мозголомных наблюдений; другие — приятной морали, сказок, анекдотов, повестей»¹³¹. Подшивалов стал печатать материалы для этих последних. К участию в журнале были привлечены новые силы из последователей Карамзина: Муравьев, князь Гагарин, князь Нелединский-Мелецкий и другие представители дворянской интеллигенции.

Успех Карамзина среди современников побудил передовые круги разночинной интеллигенции выступить против дворянской идеализации крепостного права, против искажения просветительских идей. Выступления против автора «Бедной Лизы» и его последователей нашли свое отражение на страницах журнала «Зритель», который издавался в 1792 г. типографской компанией «Крылова с товарищи» в Петербурге. В редакцию этого журнала входили помимо самого И.А.Крылова такой же, как и он, обедневший дворянин «подьяческий сын» А.И.Клушин, брат книготорговца, актер и писатель П.А.Плавильщиков, а также другой известный русский актер — И.А.Дмитревский. В типографскую компанию И.А.Крылова входили люди с различными политическими взглядами:

Крылов и Клушин представляли передовое демократическое течение того времени, а Плавильщиков и Дмитревский стояли на более умеренных позициях, но по своему социальному положению все они являлись людьми «третьего чина», в одинаковой мере связанными с процессом развития национального самосознания, уходившего своими корнями в широкие народные массы. В журнале «Зритель» они разоблачали реакционную сущность карамзинских идей. На страницах «Зрителя» И.А.Крылов своими острыми сатирами обличал дворянские нравы, систему воспитания, мораль, засилие иностранного влияния в среде дворян. Клушин печатал здесь заботливо собранные им «российские анекдоты», которые показывали гений, мужество и великодушные русских людей. Плавильщиков в своей программной статье «Нечто о врожденном свойстве душ российских» указывал на космополитизм дворянской культуры, говоря, что «нельзя увидеть ясно врожденного свойства россиян в модном нынешнем воспитании»¹³². Направляя свою критику против Карамзина и его последователей, Плавильщиков писал: «Напрасно мудрец проповедует, что он гражданин целого света... Ни один мудрец не предпочитал своему отечеству земли чужой»¹³³. Автор статьи резко осуждал безрассудное подражательство иностранному, господствовавшее среди дворян, указывая на необходимость уметь «отличить глагол понимать от перенимать»¹³⁴. Он порицал увлечение дворян иностранной терминологией, засорявшей русскую речь и мешавшей усвоению родного языка. Он показывал, что «новое воспитание» уводит дворян от злободневных жизненных вопросов и влечет за собой оторванность интеллигенции от народа. Вставая на защиту национальной культуры, Плавильщиков спрашивал: кому подражали Ломоносов и «два чуда в механике» — Кулибин и тверской механик Собакин¹³⁵. Не в жизни других народов нужно искать примеров героизма, — «надобно наперед узнать, что происходило в нашем отечестве». Плавильщиков указывал, что «Кузьма Минин, купец, есть лицо, достойнейшее прославления на театре, его твердость, его любовь к отечеству, для коего жертвовал он всем, что имел»¹³⁶.

Страницы «Зрителя» пестрят едкими сатирами Крылова и Клушина, направленными на разоблачение фальсификации просветительских идей дворянским сентиментализмом. Свою критику журнал направлял против Карамзина и его последователей: Хераскова, Дмитриева, Львова и других. Вскрывая обманчивость созданного ими мира «свободы и равенства чувств», Крылов иронически замечал, что «благородный человек (т.е. дворянин. — *М.Ш.*) должен стыдиться такой философии и, если уже необходимо надобно, чтобы наши слуги происходили от Адама, то мы лучше согласимся признать нашим праотцем осла, нежели быть равного с ними происхождения»¹³⁷. В противоположность пасторальной идиллии, которую рисовали Карамзин и его последователи, Крылов давал яркую картину русской крепостнической действительности. Он изображал «сельского пастушка» грязным и босым, размачивающим «в ручейке черствую корку хлеба, чтобы легче было ее разжевать», тем временем, как «счастливая пастушка», отправилась «в город с возом дров и с последней курицей, чтобы, продав их, было чем одеться и не замерзнуть зимою от холодных утренников»¹³⁸. Журнал «Зритель» был пронизан ненавистью к угнетателям, любовью к народу, к народной культуре, защитой прав человека и гражданина. Как бы вспоминая светлый образ Радищева, наметившего путь к осуществлению высоких идеалов, Клушин писал на страницах «Зрителя»: «Единый мудрец, истинный друг человечества, предается спокойно сладчайшему сну... Не ужасает его ни ненависть сильных, ни гонение знатных; в хижине, окруженной гонителями, вопиет он в пользу истины; лишенный света, в самом мраке находит он свет не мерцаемый, в самом заточении свое величие; добродетель и истина покоят его на лоне своем. Подобно Сократу, без трепета пьет он чашу смертоносного яда и, будучи в объятиях смерти, становится превыше своих гонителей...»¹³⁹

1 [Comte L.-Ph. de Segur]. Memoires ou souvenirs et anecdotes, т.III. Paris, 1827, p.508.

2 «С.-Петербургские ведомости», 1789, № 63, стр.989—993.

3 Там же, № 65, стр.1025.

4 «Московские ведомости», 1790, № 4, стр.48.

- 5 Там же, № 33, стр.473.
- 6 «С.-Петербургские ведомости», 1790, № 43, стр.694—695.
- 7 «Московские ведомости». 1790, № 58, стр.792.
- 8 «С.-Петербургские ведомости», 1789, № 74, стр.1168.
- 9 Там же, 1790, № 16, стр.247.
- 10 «С.-Петербургские ведомости», 1790, № 20, стр.315.
- 11 Там же, № 43, стр.694.
- 12 Там же, № 20, стр.315.
- 13 Там же, 1789, № 88, стр.1384—1389.
- 14 Там же, № 89, стр.1408.
- 15 «Московские ведомости», 1790, № 81, стр.1095.
- 16 Там же, № 16, стр.232.
- 17 «С.-Петербургские ведомости», 1790, № 31, стр.486.
- 18 Там же, 1789, № 65. стр. .1024.
- 19 «Московские ведомости», 1790, № 46, стр.646.
- 20 «С.-Петербургские ведомости», 1789, № 98, стр.1561.
- 21 «Московские ведомости», 1790, № 20, стр.298.
- 22 А.Н.Неустроев. Исторические розыскания о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1874, стр. 628
- 23 «Политический журнал..», 1790, т.I, стр.8, 24.
- 24 А.Н.Неустроев. Указ.соч., стр.629.
- 25 «Политический журнал», 1790, т.1, стр.7.
- 26 ЦГАДА.-Ф. Гос.архива, разр.VII, д.2797, л.7.
- 27 ЦГАДА, ф. Гос.архива, разр.XVI, д.582, ч.IV, ч.13i.
- 28 Там же, л.132.
- 29 «С.-Петербургские ведомости:», 1790, № 7, стр.97.
- 30 «Catalogue des livres francais qui se vendent chez Germain Klosterm?nn» S -Petersbourg, 1790.
- 31 ЦГАДА, ф. Гос.архива, разр XVI, д.582 ч.IV, л.130.
- 32 «Московские ведомости», 1790 № 42, стр.597. "Г.С.Винский Указ.соч., стр.121.
- 34 [М.И.Антоновский.] Записки ученого человека старых времен. «Русский архив», 1885, кн.I, стр.161.
- 35 «Вольтеровы заблуждения..», стр.II.
- 36 E.Hatin. Bibliographic historique et critique de la presse periodique francaise... Paris, 1866, p.142.
- 37 «С.-Петербургские ведомости», 1792, № 23, стр.433.
- 38 Цитируется по русскому переводу конца XVIII в., хранящемуся в отделе редких книг и рукописей Гос. научной библиотеки им. А.М.Горького в Одессе.
- 39 «Вестник Европы», 1802, № 9, стр.58—59,
- 40 [Д.Н.Свербеев]. Записки, т.I, М., 1899, стр.411,
- 41 Mehee de la Touche. Указ. соч., 11-е part., стр.53.
- 42 В.Н.Каразин. Сочинения, письма и бумаги. Харьков, 1910, стр.62—63.
- 43 «Courier de Moldavie», 18 fevrier 1790, N 1, стр.3.
- 44 Там же, 4 mars 1790, N 3, стр.10.
- 45 «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Тобольск, апрель 1791, стр.36—44.
- 46 «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», Тобольск, июнь 1791, стр.59.
- 47 [И.Андреев.] Домовая летопись, «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», М., 1870, кн.IV, стр.133.
- 48 [Н.Г.Скопин]. Записки дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Н Г. Скопина, «Саратовский исторический сборник», т. 1 Саратов, 1891, стр. 177.
- 49 «Записки князя И.М.Долгорукова». «Русский библиофил», 1914, вып.4, стр.98, вып.6, стр.33.
- 50 Л.Коваленко. О влиянии французской буржуазной революции на Украину. «Вопросы истории», 1947, № 2, стр.82.
- 51 «Политический журнал», 1790, т.1, стр.8.
- 52 Записки С.Н.Глинки, СПб, 1895, стр.97.
- 53 Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву. СПб., 1866, стр.480.
- 54 А.И.Герцен. Полн.собр.соч. и писем, т.IX, Пг., 1919, стр.270.
- 55 «Архив князя Воронцова», т.XVI, стр.299—300 (письмо С.П.Воронцова, 1792).
- 56 Там же, т.XVIII, стр.44 (письмо В.П.Кочубея, 1792).
- 57 «Былое», 1906, № 1, стр. 18 (письмо А.А.Самборского, 1790).
- 58 С.F.Ph. Masson. Memoires secrets sur la Russie..., t.II. Amsterdam, 1800, p.165.
- 59 Воспоминания Ф.Ф.Вигеля, т.II. М, 1864, стр.26.

- 60 А.В.Никитенко. Указ.соч., т.1, стр.8.
- 61 В.А.Левшин Указ.соч., ср.37.
- 62 А.И.Радищев. Полн.собр.соч., т.I, стр.347. См. также: А.Старцев. О западных связях Радищева. «Интернациональная литература», 1940, вып.7—8.
- 63 «Беседующий гражданин», 1789, ч.III, стр.134.
- 64 Memoires de la Comtesse Edling. Moscou, 1888, p.4.
- 65 ЦГАДА, ф.188, д.1162, л.79 (письмо от октября 1791).
- 66 Гос. б-ка им. В.И.Ленина. Отдел рукописей, ф.178, д.4596, л.56 (письмо от июля 1791).
- 67 В.И.Панаев. кн.III, стр.248
- 68 См. Гос б-ка им. В.И.Ленина. М 5962, ч.II, л.341.
- 69 См. там же Воспоминания... 5961, л.75, 98,
- 69 «Вестник Европы», 1867, Отдел рукописей, ф.178, 103, 130, 176.
- 70 ЦГАДА, д.-188, д.1162, л.101 (письмо от августа 1792).
- 71 Там же, д.1162, л.81 (письмо от октября 1791).
- 72 Там же, д.1161, л.61 (письмо от апреля 1790).
- 73 Comte L.-Ph. de Segur. Указ.соч., т.III, стр.508.
- 74 В.Н.Каразин. Указ. соч., стр.63.
- 75 R.Edling. Указ.соч., стр.4.
- 76 Николай Михайлович, вел.кн. Граф Павел Александрович Строганов, т.1. СПб., 1903, стр.65 и след.
- 77 А.А.Бибиков Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова, М., 1865, стр.115.
- 78 «Архив князя Воронцова», т. XVI, стр.299.
- 79 А.Н.Радищев. Полн.собр.соч., т.I, стр.234.
- 80 Я.Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792. Пг., 1915, стр.24 (письмо от ноября 1790).
- 81 И.О.Острожский-Лохвицкий. Записки Ново-Оскольского дворянина «Киевская старина», т.XVI, 1886, стр.337.
- 82 «Антирелигиозник», 1939, № 9, стр.14.
- 83 «Recuel des instructions, donnees aux ambassadeurs et ministres de France...» Russie, t.II. Paris, 1890, p.515.
- 84 «Архив князя Воронцова», т.IX, стр.267.
- 85 «Litterature internationale». Moscou, 1939, N 6, p.73.
- 86 А.Н.Радищев. Поли.собр.соч., т.I, стр.227.
- 87 А.Н.Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву.
- 88 Д.С.Бабкин. Указ.соч., стр.205.
- 89 Д.С.Бабкин. Указ.соч., стр.319.
- 90 Там же, стр.154.
- 91 Там же, стр.204.
- 92 Архив князя Воронцова, т.XXI, стр.299.
- 93 ЦГАДА, ф.1261, д.43, л. 364 (письмо А.Р.Воронцова от января 1791).
- 94 «Дневник А.В.Храповицкого...», М., 1901, стр.199.
- 95 Д.С.Бабкин. Указ.соч., стр.164.
- 96 Там же, стр.163.
- 97 А.В.Храповицкий. Указ.соч., стр.199.
- 98 Д.С.Бабкин. Указ.соч., стр.162, 163,
- 99 Там же, стр.267.
- 100 «Русский вестник», 1858, т.18, стр.409
- 101 П.Сумароков. Обзорение царствования и свойств Екатерины Великой, т.III. СПб., 1832, стр.67.
- 102 С.Ф.Р. Masson. Указ.соч., т.11, стр.180.
- 103 Г. фон. Гельбиг. Русские избранники. Берлин, 1900, стр.493.
- 104 ЦГАДА, ф.1261, д.43, л.365 (письмо А.Р.Воронцова от января 1791).
- 105 ЦГАДА, ф.168, д.179, л.1.
- 106 «Записки С.А.Тучкова», СПб., 1908, стр.43.
- 107 «Recueil des instructions...», т.II, стр.494.
- 108 Я.Л.Барсков. Указ.соч., стр.XII.
- 109 А.В.Храповицкий. Указ.соч., стр.251.
- 110 С.А.Тучков. Указ.соч, стр.43.
- 111 Д.С.Самойлович. Избранные произведения, вып. II, М., 1952, стр.888.
- 112 Д.С.Бабкин. Указ.соч., стр.157.
- 113 [Ф.Н.Голицын]. Записки. «Русский архив», 1874, т.I, стр.1291.

- 114 Я.Л.Барсков Указ.соч., стр.111 (письмо от апреля 1791).
- 115 И.В.Лопухин. Духовный рыцарь, или Ищущий премудрости. М., 5791 [1791], стр.3.
- 116 Я.Л.Барсков. Указ.соч., стр.10, 93 (письма Н.Н.Трубецкого от августа 1790 и февраля 1791).
- 117 Там же, стр.22 (письмо А.М.Кутузова от ноября 1790).
- 118 Там же, стр.111—112 (письмо от апреля 1791).
- 119 Там же, стр.16 (письмо И.В.Лопухина от октября 1790).
- 120 Там же, стр.104 (письмо Н.Н.Трубецкого от марта 1791).
- 121 «Московский журнал», М., 1791, ч. I, стр.345.
- 122 М.Н.Муравьев. Сочинения, т.I. СПб., 1848, стр.94.
- 123 «Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву». СПб., 1866, стр.14.
- 124 «Московский журнал», 1791, ч.IV, стр.168.
- 125 «Московский журнал», 1791, ч.I, стр.294.
- 127 ЦГАЛИ, ф.93, д.Ч, л.46.
- 128 «Московские ведомости», 1790, № 88, стр.1195.
- 129 «Чтение для вкуса, разума и чувствований», 1791, ч.I, стр.104.
- 130 «Чтение для вкуса, разума и чувствований», 1791, ч.III, стр.178.
- 131 Там же, 1793, ч.XII, стр.247.
- 132 «Зритель», 1752, ч.I, стр.12.
- 133 Там же, стр.14.
- 134 Там же, стр.168.
- 135 Там же, стр.173.
- 136 Там же, ч.II, стр.128—131.
- 137 Зритель», 1792, ч.III, стр.66.
- 138 Там же, стр.289.
- 139 Там же, ч.I, стр.58—59.

Михаил Михайлович ШТРАНГЕ
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789-1794 гг.

Москва: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1956

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Глава 3. ОТРАЖЕНИЕ В РОССИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1791 г. во ФРАНЦИИ

I

21 июня 1791 г. Людовик XVI и его семья тайно бежали из Парижа, но уже на следующий день стало известно, что беглецов задержали в Варенне, расположенном на пути к восточной границе королевства. Желание короля укрыться от нации под защиту иностранных вооруженных сил стало очевидным для народных масс и еще больше подорвало престиж монархии. В народе, в ряде клубов, в прессе открыто заговорили о необходимости низложения короля и установления республиканского образа правления. В стране усиливалась классовая борьба; расстрел на Марсовом поле 17 июня знаменовал раскол единого ранее третьего сословия.

События, связанные с арестом Людовика XVI в Варенне и его вынужденным пребыванием в Тюильери, были в центре внимания правящих кругов Петербурга. Революция во Франции рушила планы царской внешней политики, рассчитывавшей привлечь Францию к австро-русскому союзу и тем самым укрепить свою позицию в отношении англо-прусской лиги, поддерживавшей прямых врагов России — Турцию и Швецию. В своих донесениях из Парижа царский посол И.М.Симолин недвусмысленно предупреждал правительство, что «только провидение может предугадать, когда Франция сможет снова занять свое место среди держав Европы... Все в этом королевстве дезорганизовано, извращено, уничтожено...»¹

Екатерина II, с первых же дней революции во Франции, с возмущением и страхом высказывалась об «ужасах царства народа... царства самого ужасного из тиранов, царства черни»². Крестьянское движение в России усиливало страх Екатерины II перед революцией во Франции. Ее постоянно тревожила мысль, как бы «эта французская мода не превратилась в эпидемию»³. Уже в августе 1789 г., говоря о событиях во Франции, она высказывала опасение, что новый рекрутский набор «может у нас в черни произвести ферментацию»⁴. Французские события императрица объясняла в основном финансовыми трудностями, происками английской политики и личными качествами Людовика XVI. Ее чрезвычайно тревожила слабость короля и бездействие французского дворянства. Именуя Париж «адовым пеклом»⁵, она зачисляла в лагерь революционеров все враждебные абсолютизму партии: и умеренных конституционалистов, и жирондистов, и кордельеров. Ей в той же мере были ненавистны Мирабо и Лафайет, как впоследствии Марат и Робеспьер. В ее представлении Учредительное собрание в целом являлось «гидрой в 1200 голов»⁶, которую она именвала «преступной, пагубной и всеразвращающей ассамблеей»⁷, оскорблявшей принцип самодержавия.

Еще осенью 1789 г. Екатерина II высказывала свое горячее желание «видеть короля в Меце», где бы «дворянство (французское. — *М.Ш.*) пристало к нему»⁸. Позднее при участии царского посла в Париже И.М.Симолина был организован контрреволюционный заговор с целью содействия бегству короля. При посредничестве Симолина Мария-Антуанетта тайно сносилась со своим братом, австрийским императором Леопольдом II; Симолин устроил неофициальные встречи королевы с Мирабо, Талейраном и некоторыми другими лидерами правого крыла Национального собрания. От Симолина были получены русские паспорта, выданные на имя вдовы полковника русской армии, баронессы Корф и сопровождавших ее лиц. С этими паспортами Людовик XVI и члены королевской семьи пытались бежать за границу, но были арестованы в Варение.

На первом этапе революции царское правительство рассчитывало на быстрое восстановление «порядка» во Франции, однако дальнейший ход событий постепенно рушил эти надежды. Уже в конце июля 1791 г. вице-канцлер граф Остерман рекомендовал Симолину воздерживаться от каких бы то ни было сношений с французскими министрами ввиду того, что король не свободен и находится на положении арестованного⁹. После вареннских событий Верховный государственный совет постановил уведомить поверенного в делах французского правительства в Петербурге Эдмона Жене о том, чтобы он впредь не появлялся при дворе. «Король в тюрьме, — заявила Екатерина, — его власть уничтожена, мне кажется, что никому из коронованных особ не надлежит принимать людей, аккредитованных бунтовщиками или пленным королем»¹⁰. Ею были предприняты шаги для организации дипломатического давления на Францию со стороны всех европейских монархий. «Я думаю, — писала она А.А.Безбородко, — чтоб с венским и иными дворами условиться, чтоб когда французское народное собрание объявит от себя, что оно со всеми державами хочет жить в согласии, им ответствовать и требовать освобождения короля Людовика XVI, его супруги и фамилии, а в противном случае от них не принимать министров, а своим приказом выехать, кораблей их не пускать в гавани, а всех присягнувших Собранию не терпеть нигде; королевской же партии дать покровительство, понеже сие есть дело всех королей, с которыми тогда уже поссорились, когда по всей вселенной разослали эмиссаров для вразумления народов»¹¹. Екатерина II писала и говорила всем и каждому, что сам факт ареста короля в Варение наносит тягчайшее оскорбление европейским монархам и представляет опасный прецедент. «Я никогда не рассматривала дела короля как чуждое мне, — писала она, — я его считаю делом всех королей и всех установленных правительств, которых преступная ассамблея оскорбляет всех одинаково, да еще самым наглым образом»¹².

Дальнейшее развитие революции все больше убеждало царскую дипломатию в тщетности возлагавшихся ею надежд на скорое восстановление прежних порядков во Франции. Поэтому Екатерина II решила использовать сложившуюся европейскую обстановку для того, чтобы отвлечь внимание англо-прусской лиги и Австрии с Востока на Запад, где внутренние затруднения Франции сулили им территориальные приобретения и экономические выгоды. При выполнении этого плана царское правительство могло бы рассчитывать, с одной стороны, на получение большей свободы действия в турецких, польских и шведских делах, с другой — на создание реальной вооруженной преграды между революционной Францией и Россией. В связи с этим Екатерина II приветствовала подписанную австрийским императором и прусским королем в августе 1791 г. Пильницкую декларацию, объявлявшую решения Национального собрания недействительными, и настаивала на скорейшем военном вмешательстве этих держав во французские дела. Однако рождавшейся коалиции был нанесен серьезный удар и с той стороны, откуда его меньше всего можно было ожидать: в сентябре 1791 г. Людовик XVI принес присягу на верность Конституции, устанавливавшей во Франции представительный образ правления. Этим важным юридическим актом король как бы узаконил новый порядок и поколебал воинствующие намерения правящих кругов Австрии и Пруссии, поскольку он лишил их предлога вмешаться во французские дела.

Принятие Людовиком XVI Конституции вызвало «глубокое возмущение» Екатерины II; она «топала ногой»¹³, восклицая: «Можно ли помогать такому королю, который сам своей пользы не понимает?»¹⁴ В «Записке по французским делам», датированной концом сентября 1791 г., она с негодованием писала, что «короля заставили подписать не христианскую конституцию, но антихристову». Тут же она предлагала не признавать никаких действий французского правительства, не согласовавшись предварительно с другими европейскими монархами, «кои признавать будут оные дела за дела всех государей». В заключение она высказывалась за немедленное применение в отношении революционной Франции дипломатического и экономического бойкота¹⁵. В своих письмах, адресованных европейским монархам, Екатерина II призывала их к крестовому походу против «якобинского варварства», во имя защиты «цивилизации» и «порядка», т.е. во имя спасения рушившихся стен феодализма. Разрушить оное «французское безначалие, — говорила русская императрица, — значит приобрести себе бессмертную славу»¹⁶. Точку зрения императрицы настойчиво проводил и вице-канцлер граф И.А.Остерман в своих беседах с иностранными послами, подчеркивая, что поведение Людовика XVI «нельзя признавать иначе, как принужденным», что «интересы всех государей, а особливо

соседственных, требуют, чтобы такое своеволие и безналичие обуздано и прекращено было прежде, нежели сие зло распространится далее...»¹⁷ В конце сентября граф А.А.Безбородко, фактически возглавлявший Коллегию иностранных дел, писал В.П.Кочубею: «С прекращением наших хлопот с Пруссией и Англией и заключением прелиминарии с Портой идет дело между нами, венским, берлинским, стокгольским, туринским, неаполитанским и мадридским дворами о принятии мер прекратить зло во Франции и законное правление монархии восстановить»¹⁸.

Свои интервенционистские планы Екатерина II строила с расчетом использовать силы эмиграции. Она предполагала создать армию из дворян под водительством французских принцев, братьев короля, и отводила им решающую роль в контрреволюционном походе на Париж. Она считала, что именно эмигранты, с помощью интервентов, «сумеют укротить Францию... правом завоевателей и правом своего происхождения»¹⁹. Екатерина была первым из европейских монархов, официально признавших эмигрантское правительство принцев в Кобленце. В своих к ним письмах она не скупилась в выражениях любви и преданности «делу всех коронованных особ», она напоминала им о героических подвигах их предков, посылала им деньги, оказывала поддержку при других европейских дворах и аккредитовала к ним своего полномочного посла графа Н.П.Румянцева, встреченного в Кобленце возгласами «Да здравствует императрица!» В Петербурге ею был устроен горячий прием представителю эмигрантских принцев графу Эстергази, которого она допустила в интимный круг своих приближенных.

Идея «крестового похода» против революционной Франции породила определенные воинствующие настроения в петербургских верхах. Отражая эти настроения, граф П.В.Завадовский писал в конце сентября 1791 г.: «Французские волнения и отзывы принцев, убеждающих на помощь, столько у нас на сердце, что ежели бы не дальний путь, уже деятельность нашу ощутила Национальная ассамблея»²⁰. Однако Завадовский, хотя и близко стоявший ко двору, повидимому, был плохо осведомлен о реальных планах императрицы. Екатерина II была более откровенна в своих беседах с А.В.Храповицким, когда говорила ему: «Я ломаю себе голову, чтоб подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские... я хочу впутать их в дела, чтоб иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтоб они были заняты и мне не мешали»²¹. Конечно, это не значило, что императрица имела целью только извлечь пользу из французских дел; она мечтала о скорейшем подавлении революции, но сложившаяся в результате французских событий политическая обстановка в Европе была слишком благоприятна для царской дипломатии, чтобы не воспользоваться ею.

При таких обстоятельствах положение французского поверенного в делах в Петербурге Эдмона Жене становилось изо дня в день все более напряженным. С 1789 г., после отъезда посла графа Сегюра, Жене стал официальным представителем Франции в России. Постепенно он увлекся идеями революции и к 1791 г. был уже законченным сторонником нового строя. «Я люблю свободу, — писал он осенью 1791 г., — ненавижу насилие, и правила моего поведения основываются на гражданской присяге»²². Для правящих кругов Петербурга Жене становился как бы реальным воплощением «якобинского варварства» на берегах Невы. Летом 1791 г. императрица объявила о своем решении не принимать никаких официальных сообщений от французского правительства и не считать его действия законными, поскольку король не свободен и лишен возможности обеспечивать верховную власть в королевстве. Доступ ко двору для Жене был закрыт, представители Коллегии иностранных дел отказывались встречаться с ним и вступать в какие-либо переговоры, придворные его избегали, дипломатический корпус его сторонился. Хотя Жене и доносил в Париж, что в сложившейся обстановке его «патриотизм только крепнет», тем не менее его положение становилось крайне тяжелым. В своей ноте от начала октября 1791 г., адресованной петербургскому генерал-губернатору Коновницину, Жене писал, что «в продолжении месяца агенты полиции следят за каждым его шагом, стараются выведать от его людей сведения, которые он ни от кого не скрывает, и своими неумелыми розысками начинают привлекать внимание соседей»²³. Эта напряженная обстановка, сложившаяся вокруг представителя французского правительства в Петербурге, продолжала усугубляться по мере дальнейшего развития революционных событий во Франции.

В октябре 1791 г. закончились длительные переговоры между Россией и Швецией, в результате которых была подписана секретная конвенция «по поводу восстановления равновесия в Европе и французской монархии»²⁴. Вооруженная интервенция европейских монархий во Францию представляла собой ближайшую задачу конвенции; план интервенции был подробно разработан Екатериной II, шведским королем Густавом III и австрийским императором Леопольдом II. К сколачиваемой коалиции примкнули короли Пруссии, Испании, Сардинии и Неаполя. Англия гарантировала свой дружеский нейтралитет. В декабре 1791 г. царское правительство дало указание своему послу в Париже И.М.Симолину покинуть пределы Франции. Близилась война.

II

События во Франции во второй половине 1791 г. были предметом горячих обсуждений и по-разному воспринимались различными кругами русского общества. Сведения об этих событиях продолжали поступать в Россию по различным каналам, несмотря на все усиливавшийся контроль со стороны царских властей. В 1791 г. редакция «С.-Петербургских ведомостей» была передана специально созданному при Академии наук переводческому департаменту, которому были даны указания «сократительно переводить о смутах во Франции ныне царствующие и не упускать прибавлять известие или примечание, колико их колобродство им самим вредно»²⁵. По-видимому, тождественные требования были предъявлены редакциям «Московских ведомостей» и «Политического журнала». Несколько ранее редакциям газет и книготорговцам было предложено для «пресечения впредь вскрывшихся злоупотреблений» не печатать объявлений о продаже книг, не получивши на то предварительного разрешения от Управы благочиния. Наблюдение за политической направленностью русской печати в известной мере было возложено на президента Российской Академии княгиню Е.Р.Дашкову.

Несмотря на контроль, установленный царскими властями, пресса продолжала довольно подробно освещать ход французских событий, хотя тон изложения заметно изменился. В 1791 г. уже не находилось в печати других слов для определения революции, кроме как «гибельное безначалие», «всенародное бедствие»; политические деятели Франции характеризуются как «первейшие разбойники», «непримиримые враги королевского властоначалия», а революционные клубы как «дьявольское оружие, устроенное для низвержения французского народа в бездну».

«С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» печатали подробное описание бегства короля и его семьи, ареста их в Варение, возвращения в Париж под охраной народной гвардии и вынужденного их пребывания в Тюильери, где «увидим чиновников Национальной гвардии, сих первейших разбойников; стерегущих благотворительного государя, добродетельную государыню и трепещущего от страха шестилетнего наследника престола»²⁶. Обе газеты уделяли особое внимание разгоревшимся прениям в Национальном собрании, вызванным лишением свободы короля. Сообщалось о разногласиях, возникших в рядах третьего сословия между представителями буржуазии, которые утверждают, что «Народному собранию необходимо нужно пересмотреть все свои положения, исправить оные и возвратить королю столько власти, сколько для самодержавного правления нужно», и представителями широких народных масс и мелкой буржуазии — Робеспьером, Бюзотом, Петионом «с поборниками своими, желающими республиканского правления»²⁷. Значительное место в газетах отводилось мнениям отдельных партий:

«Якобинский клуб склонен к жестоким мерам, другие же почитают короля обманутым и делают заключение, что он со временем будет наилучший король. Еще иные хотят монархическое правление Франции преобразить в республиканское»²⁸. Дословно приводились отдельные выступления депутатов, их высказывания о том, что «король» французскому народу не только не нужен, но даже и тягостен, что сей народ никакой более доверенности иметь не может к такому человеку, который, сделавшись вероломным, старался спастись бегством». Высказывалось мнение, что «величие французов состоит не в благолепии их престола, но в чувствовании собственного своего достоинства и в презрении королевских глупостей, которые до сего Францию опустошали... Одушевленное таковыми мыслями» было создано «новое общество республиканцев»²⁹. Сообщалось о деятельности в эти дни братского общества «из ремесленников и работников состоящего и от якобинского клуба зависящего»³⁰, т.е. клуба Кордельеров.

Июльский номер «Политического журнала» почти целиком был посвящен событиям во Франции. В редакционной статье говорилось, что, «несмотря на все нападки фанатиков вольности», журнал «при самом начале французского переворота» не переставал предупреждать, что «дела во Франции не могут так оставаться». Редакция отмечала, что политическая обстановка во Франции существенно изменилась и «дальнейшие известия из Парижа... доказывают возрастающее от часу более смятение и замешательство, кои угрожали ужаснейшими следствиями». Журнал призывал своих читателей внимательно следить за ходом событий и остерегаться пропаганды «фанатиков вольности», указывая, что «одно из главных пособий французских оболстителей народа есть подделка и коверканье происшествий и представление вещей с ложной стороны»³¹. Иными словами, журнал пытался дискредитировать идеи, взгляды, рожденные революцией и нашедшие свое отражение на страницах русской печати.

Сообщения об аресте Людовика XVI в Варенне и о последующих парижских событиях горячо обсуждались в России³². Князь Д.В.Голицын писал в эти дни: «Нужно было случиться такому большому событию, чтобы больше не сомневаться в том, что одна из великих монархий находится в смятении, ведущем ее к крушению». Он с тревогой замечал при этом, что неудавшееся бегство короля «придаст новые силы Национальному собранию и предоставит ему возможность еще раз убедить левую сторону в своих мнимых гражданских добродетелях...»³³ Историческое значение этих событий было понято многими русскими современниками. Они говорили: «новая в жизни нашей эпоха будет. Король премудрейшего народа во узлах у своих подданных»³⁴. Именно поэтому сообщения из Франции вызывали исключительный интерес у русских людей самых различных политических направлений, которые жаловались в эти дни на то, что «глаза устают от чтения газет, так они интересны»³⁵. «Политический журнал» в связи с последними французскими событиями писал, что «происшествия во Франции обращают ныне на себя толико всеобщее внимание, что они каждое любопытное участие, которое публика могла бы принимать в разных других происшествиях, ослабляют и почти уничтожают»³⁶. Как бы переключаясь с этим замечанием, «Московские ведомости» сообщали в августе 1791 г., что «французские дела суть теперь предметом всеобщего внимания, так что все другие новости за ними позабывают»³⁷.

Русская печать отводила большое место сообщениям о бурных прениях в Национальном собрании в связи с разработкой Конституции. Как известно, Конституция 1791 года, установившая во Франции конституционную монархию, ввела имущественный ценз, деливший общество на «пассивных» и «активных» граждан. Такое ограничение политических прав большинства населения вызвало жаркие споры в Национальном собрании, нашедшие свое отражение в парижской революционной печати, проникавшей в Россию, и в русских столичных газетах. «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» довольно подробно излагали содержание выступлений отдельных депутатов и разрабатываемой ими Конституции. При этом подчеркивалось, что, несмотря на возникшие разногласия, «мнимые права человека оставлены все по прежнему; уничтожение дворянства... и разрушение древнего между чинами различия подтверждены также на основании первоначальных постановлений»³⁸. Остановившись на характеристике основных разделов Конституции, газеты писали, что «народ французский, положив основание вольности и новому уложению (Конституции. — М.Ш.) в 1789 г. чрез уничтожение государственных чинов и феодальных прав, ровно по прошествии двух годов, приступает к рассмотрению своего уложения»³⁹. Обе газеты описывали торжественное принятие Конституции в Национальном собрании и на Марсовом поле, где «мещанство, под предводительством главного судьи г.Байи... при громе пушек провозглашало грамоту нового уложения, которая несена была на драгоценной подушке... и обнародована... с так называемого жертвенника Отечества...»⁴⁰ При этом публиковался полный текст королевского манифеста, заканчивавшегося словами: «Да соделается... сей великий и достопамятный день началом восстановления тишины и единомыслия»⁴¹.

Именно так восприняли подписанную королем Конституцию и передовые круги русского дворянства. Они усматривали в этом событии победоносное завершение революции, достигшей той именно цели, к которой в какой-то мере стремились и единомысленники Н.И.Панина, говорившего, что «без непрременных государственных законов непрочно ни состояние государства, ни состояние государя» и что эти законы должны быть выше власти монарха. Удаленный от двора вельможа князь А.М.Голицын, являвшийся одним из видных представителей московской родовитой знати, в своих суждениях по поводу подписанной королем Конституции несомненно отражал точку зрения целой группы дворян. Он писал по этому поводу: «Рассуждая по настоящему поведению королевскому и что он принял, подписал и присягой утвердил настоящую Конституцию..., то надобно думать, что она так и останется и совершенно утвердится»⁴². Голицын не соглашался с официальной точкой зрения правящих кругов, будто «новая французская конституция была безумна, сумасбродна и глупа и чтоб оное государство чрез то разрушалось». Наоборот, он считал, что если в этой Конституции «находятся многие учреждения, которые демократическою партией введены, не полезны да и вредны и предосудительны, ...то надобно думать, что будущая легислация нового Национального собрания... все неудобства сколько возможно исправит и даст надлежащую силу исполнительной власти, то есть королю, по примеру английского правления». Тогда, заключает он, «нельзя беспристрастному человеку не признаться, что оное государство будет наисильнейшее и придет на высочайшую степень цветущего состояния»⁴³.

Эти настроения, проявлявшиеся среди части родовитой знати, передавались и более широким кругам дворянской интеллигенции и, в частности, столичной молодежи, увлеченной внешней стороной революции. В ответ на подписание королем Конституции «большое число молодежи гвардейских офицеров» приходило во французское посольство расписываться в книге посетителей. «Я думал,— писал по этому поводу Жене, — что эти порабощенные люди не осмелятся даже бросить взгляд на человека, которого двор счел демократом..., но я ошибся: мало знакомые мне люди приветствуют меня и при встрече ласково со мной заговаривают...»⁴⁴ В те дни поверенный в делах французского правительства Жене являлся для молодых русских дворян представителем того нового, рождавшегося века, блеск и успехи которого влекли их к себе. Они с восторгом воспринимали все связанное с внешними формами революции: манеры, моды, терминологию. В Шляхетском кадетском корпусе — колыбели дворянской интеллигенции — юные кадеты с увлечением читали парижские журналы, переводили на русский язык французские революционные песни и разучивали их⁴⁵. Столичная дворянская молодежь, к ужасу предшествующего поколения, пересыпала свою разговорную речь новыми терминами рождавшейся буржуазной эпохи: нация, патриотизм, права человека, содержание которых для них оставалось далеким. Старая графиня Салтыкова, призывавшая своего племянника образумиться, услышала от него громкие слова о свободе, и с ужасом говорила, что в их семье «зреют семена революции»⁴⁶.

Мода на все французское, широко распространившаяся среди молодых дворян, восторженных читателей «Московского журнала» Карамзина, создавала у них иллюзию того, что они поспевают за начавшейся новой эпохой. В расчете на спрос этой молодежи в 1791 г. в Москве начал выходить ежемесячный журнал, озаглавленный «Магазин английских, французских и немецких новых мод...» В объявлении, помещенном в «Московских ведомостях», говорилось, что кроме новых мод «в отношении к платью и нарядам обоего пола» этот журнал «предназначается еще и к доставлению вместе с приятным, занимательного и полезного чтения, поелико в оной входить будут краткие сведения о новейшем образе жизни»⁴⁷. На страницах «Магазина новых мод» описывалась бытовая сторона жизни революционного Парижа, говорилось, что «парижские жители поют и танцуют, а парижанки убираются опять по-щегольски», что на сцене Национального театра даются новые пьесы, такие, например, как драма «Завоеванная свобода», «коею публика упоена была до чрезвычайности», рассказывалось о ежедневных гуляньях в садах Пале-Рояля и т.д. «При всех угнетающих бедствиях не увидишь никаких признаков того в веселых беседах, в бесчисленных театрах, коими ныне, по дозволению Национального собрания, изобилует Париж в Пале-Рояле и на прогулках...» Вместе с тем большое место в журнале отводилось подробному описанию и зарисовкам мод, говорилось, что «пунцовый цвет все еще господствующий», давались изображения «парижского щеголя в сюртуке нового вкуса», молодой парижской дамы «в платке и уборе по-крестьянски», молодого парижанина «во фраке последней моды с геркулесовой дубиной» и т.д.⁴⁸

Лавки мод в Петербурге и в Москве публиковали в газетах объявления о продаже новинок женского и мужского туалета, привезенных из Франции. На гуляньях, в салонах и даже при дворе молодые дворяне появлялись одетыми по последней парижской моде: мужчины носили широкие галстуки, круглые шляпы, жилеты, на дамах «появились... красные якобинские шапки»⁴⁹ и другие детали туалета, вывезенные из Франции и вызывавшие возмущение при дворе. Выразительница политических настроений императрицы княгиня Е.Р.Дашкова с гневом обрушилась на молодежь в передовой статье академического журнала «Новые ежемесячные сочинения». «...Теперь, — писала она,— когда Париж, прежний источник мод, есть только скопище разбойников, каторжников и бунтовщиков; когда все знатные и благомыслящие сей град оставили; кто моды там издает? Кому хотите подражать? Рыбачихи суть одни дамы в Париже, женский пол представляющие, и чернь в пагубное заблуждение приведенная царствует»⁵⁰.

Иными были отношения к событиям во Франции в непривилегированных кругах городского населения. Представители разночинной интеллигенции не носили модных жилетов и «геркулесовых дубин» и не вздыхали над «Бедной Лизой» Карамзина, где воспевались свобода и равенство чувств. Их подход к французским событиям имел совершенно иную социальную основу: они сочувствовали революции во имя провозглашения ею Декларации прав человека и гражданина. Современники рассказывают: «Конституция, вольность, равенство, права человека и всей нации... вот великие слова, кои кружат сумасбродные головы... обольщают или ослепляют простолюдина... Голос сирен не имел в своем очаровании столько прелестей, как приятные сии мечтания для простых людей»⁵¹. В развитии революционных событий во Франции они видели осуществление целей, соответствующих их собственным социальным и политическим стремлениям. Именно эту общность идей выражал сельский - дьячок Романовский, когда он «разглашал между простолюдинами»: «Во Франции все свободны, что сие когда б и у нас скорее сбылось»⁵².

Не случайно Ф.В.Кречетов, которому удалось через знакомого француза Сентрока переправить во Францию 50 экземпляров своего сочинения «Ни все и ни ничего», выражал надежду, что там его идеи будут иметь успех⁵³. Когда в Петербурге стало известно о принятой Национальным собранием Конституции, то горожане с увлечением читали «отрывки новостей из Франции, довольно точно передаваемые русскими газетами...» Жене передает, что он видел «многих из этих людей, которые плакали от радости, узнав, что король принял Конституцию»⁵⁴.

Противоречия, существовавшие между основными принципами «естественного права» и русской крепостнической действительностью, наталкивали на постановку вопроса об экономических и политических преобразованиях. Сущность этих преобразований, сформулированная в трудах А.Н.Радищева, была созвучна с наиболее прогрессивными идеями французских революционеров.

Если передовые круги дворянской интеллигенции принятие Конституции 1791 г. считали завершающим актом революции, дальше которого они не хотели идти, то для прогрессивных кругов разночинной интеллигенции это событие было лишь одним из этапов революции на пути становления буржуазно-демократического строя. Так, например, в Тобольске, где цензурные рамки, по-видимому, были менее жесткими, чем в столицах, один из учителей народного училища, касаясь имущественного ценза, утвержденного французской Конституцией 1791 года, писал на страницах журнала «Иртыш»: как бы «другие мочнейшие законодатели чрез новой оборот государственного правления» не лишили теперешних законодателей «по новым человеколюбия правам ...всего вашего имущества», добавляя при этом, что такая «случайность при настоящем толь кичливом брожении умов очень сбыточная»⁵⁵. В журнале предугадывался дальнейший победоносный путь революции, ведущий к вольности, которая понималась как служение «гражданству, а не гражданину» и которая живет «особливо под демократическим правлением»⁵⁶.

Между тем русская печать, отражая общее «направление умов» феодально-абсолютистской Европы, начала систематически сообщать о неизбежности карательного похода монархических стран против Франции. Европейские государи,— писал «Политический журнал»,— «должны отомстить за поношение Людовика XVI, когда не хотят сами подвергнуться великим опасностям, они должны истребить систему безначальства, когда не хотят, чтобы французская зараза распространилась по всей Европе»⁵⁷. Аналогичные сообщения печатались чуть ли не в каждом номере «С.-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей». Газеты писали, что «Франция должна ожидать со стороны чужестранных держав неприятельского нашествия»⁵⁸, что «восемь держав заключили между собой союз для восстановления власти и силы Людовика XVI»⁵⁹, что австрийский император «сам войсками против преобразователей Франции предводительствовать будет»⁶⁰. Воинствующие настроения, царившие в эти дни при русском дворе, просачивались сквозь дворцовые стены, порождая в стране слухи о неизбежности войны с Францией, о новом наборе, о военных приготовлениях, о снаряжении флота; передавали, что «двор наш дает 8000 пехоты и 4000 конницы»⁶¹. Говорили о предстоящей высылке из Петербурга французского поверенного в делах Жене и о разрыве дипломатических отношений с Францией. Жене, внимательно следивший за положением в стране, доносил в Париж, что он был поражен впечатлением, которое произвели носившиеся в народе слухи о его возможной высылке из России. Жене сообщает о доходивших до него слухах о беспокойном состоянии «биржи и рынка», о том, что «народ открыто осуждает войну», которая, по его мнению, угрожает Франции. На улицах люди «говорили с энтузиазмом, что если их сыновья, братья или родственники будут взяты на войну против французов, они будут заклинять их всем, что им дорого, чтобы они стреляли в воздух». В театре во время представления «Женитьбы Фигаро» присутствовавшие офицеры аплодировали словам, намекавшим на «глупость солдат, которые идут на бойню, не зная за что». Жене сообщал, что лица, приехавшие из Москвы, заверяли его, что там «народ настроен к нам еще более благоприятно, чем здесь (в Петербурге. — М.Ш.). Он добавляет: «подобные же сведения доносятся до меня и из внутренних областей государства, и это показывает, что в этом государстве заложены семена истинной демократии»⁶². Об откликах на ходившие в народе слухи о неизбежности войны с Францией сообщают и другие современники. Екатеринбургский губернатор В.В.Каховский писал в январе 1792 г., что «известия о французах привели здешнее купечество в смущение. Предстоящая опасность (война — М.Ш.) умалит старание, или пресечет оное вовсе в заготовлении товаров к отпуску весною за море»⁶³.

и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789-1794 гг.

Москва: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1956

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Возможность открытия военных действий против революционной Франции тревожила рядовых русских людей, приветствовавших достижения французского народа. Недовольство и ропот населения, вызванные слухами о готовившейся войне, нашли свое отражение в ряде опубликованных и рукописных трудов, резко обличавших чуждые народу воинствующие цели правительства. Так, в издаваемом В.И.Окороковым в первой половине 1791 г. журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований» была напечатана статья «Война», в которой говорилось: «Чудовище войны! глава твоя украшена тридцатью диадемами; ты, властвуя, объемлешь множество скипетров... [но] невзирая на венчанную главу твою, на множество твоих рук... на сильное твое могущество, на хвалу соплетаемую тебе стихотворцами..., я уличаю тебя именем человечества, призываю к суду его, раздираю обнародования гласящие твою славу... Желательно для благоденствия народов, чтобы не употреблять силы оружия, не противопоставлять человека самому себе и не противиться определению естества, устроенного для мира и благоденствия»⁶⁴. Тема защиты мира и осуждения войны нашла свое отражение и на страницах других журналов, издававшихся в среде разночинной интеллигенции. В журнале «Дело от безделья», выходившем под редакцией известного московского книгоиздателя А.Г.Решетникова в начале 1792 г., уделялось значительное внимание вопросам войны. Один из авторов писал: «Просвещенный воин изъемот меч не для того, чтоб обогреться кровью и отяготиться грабительством, но чтоб защитить отечество от буйных врагов»⁶⁵, только в этих условиях военные действия приобретают законный характер. В те же дни на страницах журнала «Зритель» громко прозвучали слова И.А.Крылова: «Великий Ломоносов! проснись и воспой паки мир, как некогда твоя лира сладкострунными звонами внушала миру, что тишина есть отрада царей и царств»⁶⁶. В том же «Зрителе» А.И.Клушин обличал монарха, имевшего захватнические намерения: «Жестокосердный тиран предпринимает отъять чужие венцы, украсить ими чело свое, на котором напечатлены кровью преступления его...»; такие планы могут созреть только в обстановке мрака, «окружающего все помышления его» и скрывающего за собой «преступления, ужас и содрогание»⁶⁷.

А.И.Клушин был автором и другого сочинения — «Сны аллегорические, философские и сатирические», которое не было опубликовано, но, по-видимому, получило в те дни известность, поскольку о нем узнали полицейские власти и потребовали у автора объяснений. Полное содержание «Снов» остается неизвестным, но в одном из разделов, озаглавленном «Горлицы», Клушин изобразил европейских монархов в виде воронов, готовившихся напасть на горлиц, т.е. французов, только что договорившихся жить по-новому и «питать себя своими трудами, а не похищать насильем». Автор заканчивал словами: «Тут непременно последует кровопролитное сражение..., сокройте сию пагубную от меня картину... без содрогания душевного не могу я воззреть на сие»⁶⁸. К циклу рукописных сочинений, открыто порицавших царей за войны, несущие бедствия народам, относится и «Ода на войну», написанная в 1791 г. неизвестным автором, невидимому из гвардейских офицеров; в ней проводилась мысль, что войны являются «орудием слепым» в руках «царей, кои правят ими». Обращаясь к монархам, автор оды писал: «О! вы, сидящие на тронах, подпора коим страх и смерть! Вам в тех предписано ль законах... чтоб жизнь под вашей властью сущих презрев, на жертву приносить войне...» Посылая проклятия по адресу тех, кто толкает народы в пожар войны, где «огни пылают всюду бранны, все губят, жгут или мертвят», ода заканчивается на высоких нотах радищевского революционного пафоса: «Да гибнет всяк к войне пристрастный, всяк изверг из земных царей!»⁶⁹

Угроза войны против Франции вызывала недовольство различных кругов населения, начиная от простых трудовых людей и кончая довольно значительной прослойкой дворянской интеллигенции, офицерами армии и флота. Еще в 1790 г. английский посол в Петербурге Уитворт, вдумчивый и проницательный наблюдатель, писал, что «общественное мнение в этом государстве (в России. — М.Ш.) уже не пустой звук» и может иметь «весьма сильное влияние»⁷⁰. Вероятно, английский дипломат несколько преувеличивал значение общественного мнения в России в тот период, тем не менее его заключение бесспорно имело какие-то основания. Нам осталась неизвестной реакция правящих кругов Петербурга на открытые проявления недовольства, вызванные слухами о возможной войне с Францией. Во всяком случае, в последующие месяцы власти усилили полицейские репрессии в стране. Вместе с тем в ноябре 1791 г. один из ответственных представителей Коллегии иностранных дел П.С.Валуев неожиданно посетил французского поверенного в делах Жене и лично заверил его, что никаких решительных шагов в отношении его пребывания в Петербурге царским правительством сделано не будет. Жене в своем донесении в Париж непосредственно связывает это заявление Валуева с желанием правящих кругов успокоить русское общественное мнение, сила которого «поразила правительство»⁷¹.

III

1792 год начался в сложной и напряженной международной обстановке: жирондисты, вставшие у руководства французской политикой, откровенно высказывались за открытие военных действий против «иноземных тиранов». В то же время в монархическом лагере окончательно был разработан план «карательного похода» на Париж. Вооруженное столкновение между революционной Францией и феодально-абсолютистскими монархиями Европы казалось неизбежным, когда неожиданно были получены сообщения о скоростижной смерти 1 марта 1792 г. одного из главных вдохновителей военной коалиции против Франции — австрийского императора Леопольда II. Две недели спустя, 16 марта, на балу в Стокгольме от руки дворцового заговорщика пал другой инициатор подготавливавшегося похода на Париж — король Швеции Густав III. В правящих кругах тогдашней Европы многие думали, что виновниками этих двух убийств (тогда считали, что австрийский император был отравлен) были якобинцы.

В Петербурге эти известия произвели большое впечатление. При дворе, рассказывает секретарь императрицы А.М.Грибовский, «распространился слух, что французские демагоги рассылали подобных себе злодеев для покушения на жизнь государей»⁷². Во дворце и в салонах столицы открыто заговорили о существовании тайного заговора якобинцев, направленного на уничтожение всех коронованных особ, и что после Леопольда II и Густава III на очереди стоит Екатерина II; считали, что жизнь императрицы в опасности; передавали слухи о том, как в Париже мэр Петион держал пари, что к 1 июня Екатерины II уже не будет в живых⁷³. Французские эмигранты, число которых непрерывно росло при русском дворе, своими рассказами об «ужасах» революции «придавали этим сплетням... видимость правды»⁷⁴.

Нет сомнения, что царское правительство, и в первую очередь сама императрица, с полной серьезностью отнеслись ко всем этим слухам. Екатерина II с волнением говорила, что боится «сойти с ума от этих событий, которые потрясают нервы»⁷⁵. В начале апреля пришло секретное сообщение из Берлина, переданное царскому правительству прусским посланником Гольцем, о том, что в Петербург выехал француз Бассевиля «с злым умыслом на здоровье ея величества». Пять дней спустя А.В.Храповицкий в своем дневнике отмечал, что «ищут француза Бассевиля»⁷⁶. Из ряда записок Екатерины на имя обер-полицеймейстера Петербурга Н.И.Рылеева видно, насколько сама она была встревожена и как она лично вникала в подробности розыска. В одной из этих записок она предписывала Рылееву: «Если найдете того человека, о коем сейчас вам приказывала (Бассевиля. — *М.Ш.*), то, если сыщутся при нем склянки или порошки, то с оными поступать осторожнее, сохранить оные и стараться как бы нечаянно не разбить или не рассыпать оные, а паче же, чтобы никто не открывал, ибо может быть вредно»⁷⁷. В столице были приняты предосторожности: «даны указы Кашкину и Токареву, чтобы строго смотреть за приезжающими в Царское Село...»⁷⁸ В ряде секретных указов предписывалось «допрашивание пассажиров»⁷⁹, приезжающих в Кронштадт, и не допускать «в пределы империи некоего француза по имени Бассевиля и других, подобных ему, предприимлющих путь в Россию»⁸⁰. В Петербурге начались обыски, преимущественно среди французов, проживавших в России еще с дореволюционных времен и в большинстве своем сочувствовавших переменам, происшедшим во Франции. Полиция рылась в их вещах, Набирала их письма и бумаги. Многие из них были задержаны и высланы. Полиция зорко следила за зданием французского посольства, которое, по сообщению Жене, было «окружено сыщиками»⁸¹. При дворе, в окружении императрицы, ходили упорные слухи, что резиденция французского поверенного в делах является убежищем для якобинских агентов, замышляющих покушение на жизнь Екатерины II.

В эти тревожные дни двор и столичное дворянство в России зачитывались сенсационными «разоблачениями» эмигрантских публицистов. Вся эта литература оголтелой реакции, сочинявшаяся в Кобленце и издававшаяся преимущественно в Лондоне, имела в большом количестве в Петербурге и в Москве. В злобных памфлетах, проникнутых ненавистью к революции, к народу, русские дворяне искали объяснения тем необычайным событиям, современниками которых они оказались. Из печати они узнавали о существовании какого-то фантастического международного заговора, направленного против всех монархов, против дворянства, против цивилизации и церкви. Участники заговора, «преступники рода человеческого», были «опознаны»: это были франкмасоны, энциклопедисты, мартинисты, жирондисты — словом, все те «исты», как их называла Екатерина II, являвшиеся членами каких-либо обществ или клубов, цели, которых не были вполне ясны широкой публике. Росли подозрения в отношении московских масонов — особенно весной 1792 г., когда весь дворянский Петербург заговорил о мнимом заговоре якобинцев. Объясняя причины начатых в это время преследований московских мартинистов, наместник мастера ложи «Блистающая заря» И.В.Лопухин говорил: «У страха глаза велики — вот от чего прямо родились и возросли негодования оные и подозрения»⁸².

Преследования московских масонов имели и другую, более глубокую причину, о которой Лопухин умолчал, — желание Екатерины пресечь столь опасную для самодержавия просветительскую деятельность Новикова, частично проходившую в масонской среде. 9 апреля императрицей было дано распоряжение петербургскому полицеймейстеру Рылееву «искать француза Бассевиля», а четыре дня спустя, 13 апреля, она подписала приказ об аресте Новикова. 22 апреля Новиков был арестован. Ряд видных московских масонов был привлечен к ответственности. Полиция производила обыски в доме, где находилась типография, и в ряде других мест, где могли храниться масонские бумаги. Власти искали тайную переписку масонов с границей и запрещенную литературу. Одновременно в Москве были опечатаны все книжные лавки, торговавшие новиковскими изданиями, все имевшиеся в них книги конфискованы, а хозяева их, известные московские книготорговцы М.Глазунов, Т.Полежаев, И.Козырев, И.Луковников, П.Вавилов и другие, а также переплетчик Московского университета Никита Водопьянов взяты под стражу.

Новикову были предъявлены обвинения в «противу правительства умышленных преступлениях»: устройстве «тайных сборищ» и привлечении к ним разных лиц, в том числе студентов «из московской епархии, из академии и других семинарий»; издании «непозволенных и развращенных книг», которые «скрытно продавались... даже по ярмаркам рассылались»; связи с иностранными политическими деятелями, в отношении которых, возможно, были взяты «тайные обязательства». После первых же допросов Новикова в Москве генерал-губернатор князь Прозоровский писал в Петербург: «один с ним не слажу... человек [он] природы острой, догадливой, и характер смелый и дерзкий...». 17 мая Новиков под усиленной охраной и окольными путями был доставлен в Шлиссельбургскую крепость; здесь в течение двух с половиной месяцев продолжалось следствие. Из поставленных перед Новиковым вопросов легко заключить, в каком направлении допрашивался обвиняемый. Власти стремились узнать: «Какой имели повод и побуждение (московские масоны. — *М.Ш.*) посвятить себя пагубному упражнению?.. Чему из того быть надеялись?.. Чему из такого вредного рассеяния (запрещенных книг. — *М.Ш.*) быть надеялись?.. Уставы ваши позволяют ли иметь с неприятелями государства переписку?.. Кто были в сем участники?.. В чем переписка состояла? Когда она началась, какие от них получены ответы?..» и т.д. Однако правительству не удалось найти желанных улик против Новикова. Это не помешало Екатерине подписать указ о заточении Новикова в Шлиссельбургскую крепость сроком на 15 лет. В этом документе Новиков был признан «вредным государственным преступником», зараженным «духом любоначалия и корыстолюбия», пытавшимся путем «плутовства и обольщения...» распространять «раскол не только в Москве, но и в прочих городах...»⁸³ Несравненно более легкие наказания получили московские масоны, одновременно привлеченные к ответственности. И.П.Тургенев и Н.Н.Трубецкой были сосланы в свои деревни под надзор местных властей, И.В.Лопухин оставлен в Москве на условии полного разрыва его прежних связей. Вместе с тем для некоторых лиц, связанных с Новиковым, эти преследования имели трагические последствия: Ильинский между двумя допросами пытался перерезать себе горло. Студенты Колокольников и Невзоров, задержанные еще в феврале при их возвращении из-за границы, были посажены в Шлиссельбургскую крепость: первый из них скоропостижно умер в тюрьме после допроса, второй лишился рассудка⁸⁴.

Слухи о всех этих событиях, несмотря на окружавшую их тайну, просачивались в широкие слои населения. Современники рассказывают, что «в обществе и даже в народе была тогда молва, что якобинцы и франмасоны, соединясь, умыслили отравить государыню ядом»⁸⁵. А.Т.Болотов передает, что те «люди, которым французская революция была ненавистна, утверждали» о существовании заговора, «управляемого якобинцами из Парижа»⁸⁶. Имя Н.И.Новикова, его многолетняя издательская и писательская деятельность были широко известны русским людям и придавали еще больше злободневности разговорам и толкам о существовании тайного заговора. В Москве ходила молва, ставившая в вину Новикову «переписку с якобинцами»⁸⁷. Правящие круги старались обострить напряженную обстановку, создавшуюся в стране, и тем самым возбудить общественное мнение против лиц, сочувствовавших французской революции. Не случайно Д.М.Тургенев, рассказывая о настроениях тех дней, допускал мысль, что все эти слухи «нарочито агентами разглашались»⁸⁸. Такого же мнения придерживались и многие другие современники. Жене писал из Петербурга, что «агенты распускают по всему городу и особенно среди народа слухи, что друзья конституции, объединясь с якобинцами... намереваются отравить императрицу»⁸⁹.

Слово «якобинец», имевшее до тех пор только узкое значение, связанное с событиями во Франции, приобрело более широкий смысл и было перенесено в русскую действительность. О якобинцах говорили, их опасались, их искали вокруг себя. Все, что выходило за рамки общепринятых понятий и обычаев, стало казаться представителям власти и дворянским кругам подозрительным, опасным для общественного порядка, могущим иметь связь с якобинством. В театре один из придворных хотел задержать видевшего рядом с ним зрителя за то, что тот посмел аплодировать тираде, в которой говорилось, что без равенства нет дружбы. «Только якобинец,— утверждал придворный,— может приветствовать столь дерзкие слова!»⁹⁰ При дворе опасались итальянца Мильоти только потому, что Мильоти отозвался о камее, принадлежавшей ранее Мирабо и которая оказалась в Петербурге, как о редчайшей вещи и чуть ли не реликвии. «Не заводит ли здесь якобинского клуба?» — задавали вопрос⁹¹. Даже Г.Р.Державин, переведший в стихах 91-й псалом, который пользовался популярностью в революционном Париже, был допрошен начальником Тайной экспедиции Шешковским: «Для чего он и с каким намерением пишет такие якобинские стихи?»⁹² Дело не имело последствий только благодаря заступничеству фаворита императрицы П.А.Зубова. В Саратове местные власти признали капитана А.С.Пищевича человеком опасным, который «способен просвещать народ..., готов революцию затеять», одним словом принадлежит «к обществу якобинцев»⁹³ — и только за то, что Пищевич отказался принять откуп от крестьян, которых он избавил от солдатского постоя.

Если подобная недоверчивость друг к другу царила среди людей из привилегированного класса, то в отношении представителей разночинной интеллигенции подозрения властей и дворянства значительно усиливались. Один из очевидцев, француз Массон, рассказывает, что в эти дни в России «эпитет якобинца становился гибельным для всякого, кто его получал... всякий, кто умел читать и писать... казался крайне подозрительным; тот, кто читал газеты - опасным; тот, кто рассуждал — якобинцем...». Массон добавляет, что «это перечисление причин, вызывавших подозрение властей, может показаться преувеличенным, но, к сожалению, подобные обвинения становились роковыми для тех, которым они предъявлялись»⁹⁴.

В этой напряженной политической обстановке положение прогрессивно настроенных людей России становилось изо дня в день все более тяжелым. Дальнейшее проявление интереса к событиям во Франции, не говоря уже о сочувствии к ним, грозило серьезными последствиями. Да и поступление сведений из Парижа все более затруднялось. Царское правительство не только приняло ряд полицейских мер к искоренению «бунтарского духа», но и строжайше запретило свободное распространение литературы, касающейся французской революции. Начиная с 1792 г. получаемые книготорговцами из-за границы издания было приказано распечатывать «в присутствии приставленного для того офицера», после чего надлежало предъявлять губернатору «подлинную фактуру, по которой неизвестные книги рассматриваются и вредные отбираются... дабы прекратить продажу иностранных непозволительного и развращенного содержания книг...»⁹⁵ Но эти меры с первых же дней оказались несостоятельными. Сам московский генерал-губернатор А.А.Прозоровский признавал, что летом 1792 г. в Москве «все, какие только во Франции печатаются книги, здесь скрытно купить можно»⁹⁶. На руках у современников имелись самые разнообразные парижские политические издания, начиная с «Месячной хроники» Кондорсе или «Альманаха папаши Жерара» Колло д'Эрбуа и кончая реакционными листками Маршана «Якобитские шабаши» и т.д.⁹⁷

Спрос на французские революционные издания повышался по мере того, как русские газеты под нажимом правящих кругов все меньше печатали сообщений из Франции и русский рядовой читатель постепенно терял один из основных источников информации о ходе событий в Париже. Начиная с 1792 г. «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» все чаще помещали сообщения о «злодеяниях якобинцев... к стороне которых привержена вся парижская чернь, которую они стараются вооружить копьями и кинжалами»⁹⁸. Чуть ли не в каждом номере сообщалось о «якобинских угрозах» «проучить по своему бывших дворян и священников»⁹⁹, о том, что «у них есть единомышленники не только во Франции, но и в некоторых других государствах»¹⁰⁰. «Политический журнал» в апрельском номере опубликовал сообщение, полученное якобы от одного из членов якобинского клуба, доказывавшего наличие якобинских агентов, которые по заданию их клуба «рассеивают по Европе французские основания, поджигают народ к бунтам и стараются дворы содержать в беспечности». Далее говорилось, что «перемена во Франции есть только ветерок, возметающий несколько поверхность, в сравнении с той бурей, которая должна ниспровергнуть основание Франции и всех государств»¹⁰¹. Смена министерства во Франции в марте 1792 г. и приход к власти жирондистов были освещены в русской печати как события, передавшие «ведение всех государственных дел в руки якобинского клуба»¹⁰². Вместе с тем все реже помещались сообщения о внутреннем положении Франции. Многие номера «С.-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей» почти целиком были посвящены воинствующим антифранцузским декларациям прусского короля, герцога Брауншвейгского, французских принцев, братьев Людовика XVI и других подстрекателей «крестового похода» против революционной Франции. Значительное место в печати отводилось сообщениям о военных

енных действиях, начавшихся в апреле, о слабости французской армии и блестящих победах союзных войск.

Русская печать в своей оценке событий во Франции все больше отражала точку зрения правительства, которое к этому времени резко агрессивно относилось к французскому правительству. В декабре 1791 г. вице-канцлер граф И.А.Остерман писал, что «отношения между Россией и Францией стали настолько критическими, что со дня на день может произойти внезапный разрыв дипломатических сношений и связей между двумя государствами»¹⁰³. В начале февраля 1792 г. русский посол Симолин покинул пределы Франции, не порывая при этом тайной переписки с королевой. Как поручения, данные Марией Антуанеттой Симолину, так и конфиденциальное письмо, которое она вручила ему на прощальной аудиенции для передачи русской императрице, полностью изобличают измену короля, принявшего конституцию только для виду и в то же время призывавшего иностранные державы к интервенции. В Петербурге положение французского поверенного в делах Жене стало невыносимым. В своем донесении от 20 апреля 1792 г. он писал, что его «дальнейшее пребывание ставит под угрозу национальную честь, которая каждый момент может быть скомпрометирована»¹⁰⁴. Наконец, в ответ на события 20 июня, когда вооруженный народ, ворвавшись в Тюильери, заставил короля пить за здоровье нации, Екатерина решила порвать дипломатические сношения с Францией. 19 июля царское правительство уведомило французского поверенного в делах Жене, что его присутствие в России «стало не только лишним, но даже нетерпимым», и что он «должен покинуть эту столицу в восьмидневный срок, достаточный для приведения своих дел в порядок, а пределы России так скоро, как это только будет возможно»¹⁰⁵.

1 «Литературное наследство», т.29—30, стр.425 (донесение от марта 1790).

2 Екатерина II. «Lettres au prince de Ligne». Bruxelles, 1924, p.112, 166 (письма от ноября и декабря 1784).

3 Там же, стр.128 (письмо от августа 1790).

4 А.В.Храповицкий. Указ.соч., стр.176.

5 Сб. РИО, т.23, стр.551 (письмо от августа 1791).

6 Там же, стр.495 (письмо от сентября 1790).

7 Там же, стр.501 (письмо от января 1791).

8 А.В.Храповицкий. Указ.соч., стр.181.

9 См. «Литературное наследство», т.29—30, стр.371.

10 Сб. РИО, т.23, стр.556 (письмо от сентября 1791).

11 Там же, т.42, стр.180—181 (записка от июля 1791).

12 Сб. РИО, т.23, стр.551 (письмо от августа 1791).

13 Там же, стр.560 (письмо от октября 1791).

14 А.В.Храповицкий. Указ.соч., стр.219.

15 Сб. РИО, т.42, стр.202.

16 «Философская и политическая переписка имп. Екатерины II с д-ром Циммерманом с 1785 по 1792 г.», СПб., 1803, стр.183 (письмо от января 1792).

17 П.К.Алефиренко. Правительство Екатерины II и французская буржуазная революция. «Исторические записки», т.22. М., 1947, стр.213, 214.

18 Сб. РИО, т.26, стр.498.

19 А.В.Храповицкий. Указ.соч., стр.219.

20 «Архив князя Воронцова», т.XII, стр.74.

21 А.В.Храповицкий. Указ.соч., стр.226.

22 «Литературное наследство», т.33—34, М, 1939, стр.34.

23 «Recue.l des instructions...», т.II, стр.516.

24 П.К.Алефиренко. Указ.соч., стр.215.

25 А.Каганова. Французская буржуазная революция конца XVIII века и современная ей русская пресса. «Вопросы истории», 1947, № 7, стр.88.

26 «С.-Петербургские ведомости»

27 Там же, № 60, стр.1220.

28 «Московские ведомости», 1791,

29 «С.-Петербургские ведомости»,

30 «Московские ведомости», 1791, 1791, № 59, стр.1199; № 58, стр. 910—911; 1791, № 60, стр. 1219; № 61, стр.962.

31 «Политический журнал», 1791, т.VII, стр.34, 179.

32 См. «Литературное наследство», т.33—34, стр.40.

33 Гос. б-ка им. В.И.Ленина. Отдел рукописей, ф.64, оп.11, карт.94, д.31, л.93.

- 34 «Русский архив», 1876, кн.III, стр.259 (письмо Н.Н.Бантыш-Каменского от июля 1791).
- 35 ЦГАЛИ, ф.195, д. 487, л.92 (письмо Е.И.Вяземской от сентября 1791).
- 36 «Политический журнал», 1791, т.IX, стр.174
- 37 «Московские ведомости», 1791, № 68, стр.1054.
- 38 «С.-Петербургские ведомости», 1791, № 72, стр.1444 и «Московские ведомости», 1791, № 78, стр.1212.
- 39 «С.-Петербургские ведомости», 1791, № 71, стр.1427 и «Московские ведомости», 1791, № 76, стр.1178.
- 40 «С.-Петербургские ведомости», 1791, № 82, стр.1645.
- 41 «Московские ведомости», 1791, № 88, стр.1357.
- 42 ЦГАДА, ф.188, д.1162, л.126 (письмо от октября 1791).
- 43 Там же, л.57 (письмо от июня 1791).
- 44 «Литературное наследство», т.33—34, стр.45.
- 45 См. «Записки С.Н.Глинки». СПб., 1895.
- 46 «Архив князя Воронцова», т.VIII, стр.85.
- 47 «Московские ведомости», 1791, № 33, стр.565.
- 48 «Магазин английских, французских и немецких новых мод...». М., 1791, ч.I, II, III.
- 49 «Русский архив», 1876, кн.III, стр.278.
- 50 «Новые ежемесячные сочинения», 1792, ч.LXXVIII, стр.4—5.
- 51 «Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах». СПб., 1793, стр. 18, 59.
- 52 Л.Коваленко. Указ.соч., стр.84.
- 53 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.VII, д.2813, лл.68, 198.
- 54 «Литературное наследство», т.33—34, стр.43 (донесение от ноября 1791).
- 55 «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», июль 1791, стр.51.
- 56 Там же, апрель 1791, стр.42—43.
- 57 «Политический журнал», 1791, т.VIII, стр.67.
- 58 «С Петербургские ведомости», 1791, № 69, стр.1393.
- 59 «Московские ведомости», 1791, № 73, стр.1120.
- 60 «С.-Петербургские ведомости», 1791, № 72, стр.1443.
- 61 «Русский архив», 1876, кн.III, стр. 266 (письмо Н.Н.Бантыш-Каменского от сентября 1791).
- 62 «Литературное наследство», т.33—34, стр.43—44 (донесение от ноября 1791).
- 63 «Записки Одесского общества история и древности», т.XII, Одесса, 1881, стр.331 (письмо от января 1792).
- 64 «Чтение для вкуса, разума и чувствований», 1791, ч.1, стр.23—25.
- 65 «Дело от безделья, или Приятная забава», 1792, ч.1, стр.40.
- 66 «Зритель», 1792, ч.1, стр.84.
- 67 «Зритель», 1792, ч.1, стр.54—55.
- 68 Н.В.Рождественский. И.А.Крылов и его товарищи по типографии и журналу в 1792 году. Сб. Моск. Глав. арх. МИД, 1899, вып.6, стр.337—352.
- 69 Д.С.Бабкин. Указ.соч., стр.330, 332.
- 70 ЦГАДА, ф.122, оп.I, дело 84, л.6 (донесение от января 1790).
- 71 «Литературное наследство», т.33—34, стр.44 (донесение от ноября 1791).
- 72 А.М.Грибовский. Записки о имп. Екатерине Великой. М., 1864, стр.51.
- 73 Сб. РИО, т.23, стр.565.
- 74 «Recueil des instructions...», т.II, стр.524.
- 75 Сб. РИО, т. 23, стр. 564 (письмо от апреля 1792).
- 76 А.В.Храповицкий. Указ.соч., стр.231.
- 77 «Исторический вестник», 1881, № 2, стр.465.
- 78 А.В.Храповицкий. Указ.соч., стр.231.
- 79 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.X, д.201, л.1.
- 80 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.XVI, д. 696, ч.I, л.234.
- 81 Recueil des instructions...», т.II, стр.525.
- 82 И.В.Лопухин. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы. М., 1860, стр.21.
- 83 «Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии». В кн. Н.И.Новиков. Указ.соч., стр.606, 625, 629, 631, 671.
- 84 См. М.Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
- 85 А.М.Тургенев. Записки. «Русская старина», 1887, т.53, стр.88.
- 86 Гос. б-ка ям. В.И.Ленина. Отдел рукописей, ф.178, д.М.5691, л. 5.
- 87 «Русский архив», 1876, кн.III, стр.273 (письмо Н.Н.Бантыш-Каменского от августа 1792).
- 88 А.М.Тургенев Указ.соч., стр.88.

- 89 «Recueil des instructions...», т. II, стр. 124.
90 С.Ф. Ph. Masson. Указ. соч., т. III, стр. 465—466.
91 А.В. Храповицкий. Указ. соч., стр. 243.
92 Записки. Г.Р. Державина. М., 1860, стр. 381.
93 «Жизнь А.С. Пищевича, им самим описанная». М., 1888, стр. 158.
94 С.Ф. Ph. Masson. Указ. соч., т. II, стр. 35, 37.
95 ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. XVI, д. 582, л. 128.
96 «Русская старина», 1899, т. 98, стр. 164.
97 ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. XVI, д. 582, лл. 130—136.
98 «С.-Петербургские ведомости», 1792, № 25, стр. 479.
99 Там же, № 19, стр. 337.
100 «Московские ведомости», 1792, № 22, стр. 433.
101 «Политический журнал», 1792, т. III, стр. 108.
102 «С.-Петербургские ведомости», 1792, № 29, стр. 556.
103 «Литературное наследство», т. 29—30, стр. 371.
104 «Recueil des instructions...», т. II, стр. 524.
105 Там же, стр. 536.

Глава 4. СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХИИ во ФРАНЦИИ в ОЦЕНКЕ РУССКИХ СОВРЕМЕННОКОВ

I

10 августа 1792 г. в Париже вооруженный народ свергнул монархию; 11 августа Национальное собрание отменило имущественный ценз и ввело всеобщее избирательное право; 12 августа Людовик XVI и Мария Антуанетта с детьми были заключены в замок Тампль; 15 августа члены королевской семьи и родственники эмигрантов были объявлены заложниками; 17 августа был учрежден Чрезвычайный трибунал, в тот же день войска интервентов вторглись на территорию Франции; 19 августа Лафайет бежал за границу; 23 августа войска коалиции заняли крепость Лонгви; 28 августа пал Верден и дорога на Париж оказалась открытой. Первые дни сентября были отмечены террором против контрреволюционеров, заключенных в тюрьмах. Народ стремился обезопасить себя от внутренних врагов и готовился к решительным боям.

В России все эти чередовавшиеся одно за другим события сгущали и без того напряженную обстановку. Начавшиеся военные действия и сообщения о первоначальных успехах союзных войск окрылили большинство русского дворянства. Императрица с первых же дней интервенции проявляла большой интерес к боевым операциям на французской территории, она просила своего секретаря А.В. Храповицкого дать ей карту Франции с тем, чтобы «видеть, как союзные войска станут входить». Она считала, что «достаточно захватить во Франции две или три халупы, чтобы все остальное рухнуло бы само собой»².

Дворянские круги точно так же считали, что «одно воззрение на прусские и цесарские штыки заставит трепетать парижских сумасбродов»³. Они были глубоко убеждены, что исход войны уже предрешен, что «французы будут побиты, ибо армия их без всякой дисциплины, не имеет офицеров и ничего нужного к произведению войны»⁴. Зачитываясь победоносными реляциями союзного командования, они каждый день ждали сообщений «первейшей важности»⁵, высчитывали дни, когда вооруженные силы контрреволюции «будут, наконец, в Париже»⁶. В эти дни в Петербурге ходили уже слухи, что генерал Дюмурье со своей армией «окружен и вскоре будет взят в плен»⁷.

Но надеждам русского дворянства не суждено было сбыться: 20 сентября произошло сражение под Вальми. Разгром союзных войск глубоко потряс всю монархическую Европу. Шведский посол при русском дворе Стединг сообщал, что «императрица в отчаянии от неблагоприятного поворота, который приняли французские дела»⁸. «Зловещие» новости приходили одна за другой 21 сентября в Париже Национальный Конвент провозгласил республику; 25 сентября французские войска вторглись во владения сардинского короля, в Савойе вспыхнула революция; 5 октября остатки интервентов были вытеснены из пределов Франции, а месяц спустя, 6 ноября, победа под Жемаппом открыла республиканской армии путь в Бельгию; революционное движение охватило всю Рейнскую область. Войска революции вступили на землю монархической Европы с лозунгом: «Мир хижинам, война дворцам!». Повсюду народ восторженно встречал их как своих освободителей.

Представителям господствующего класса в России оставалось непонятным, каким образом никому неизвестные еще вчера генералы-якобинцы «с численно меньшими силами, состоящими из санкюлотов» били и обращали в бегство прославленного стратега герцога Брауншвейгского, под командованием которого находился «цвет австрийских и прусских войск и наиболее искусные генералы»⁹. «Кто бы мог подумать или предвидеть, — писал князь А.М.Голицын, — чтобы славный и искусный в Европе полководец, предводительствующий храбрыми и в дисциплине испытанными многочисленными войсками, принужден был отступить перед войсками, составленными из бродяг и сволочи, без повиновения командующим неизвестным генералам»¹⁰. В победах республиканских войск дворянство видело «десницу всевышнего, карающую теперь все народы»¹¹. Оно считало, что «только чудо может вновь восстановить порядок», ибо «20 миллионов жителей, упрямых, привыкших к анархии, к преступлениям, привыкших владеть оружием, не могут быть побежденными»¹². Победа республиканских войск со всей очевидностью показала дворянству силы революции. Угроза народной революции во всей Европе, и в частности в России, становилась для них более реальной; с новой силой воскресали в памяти дворян призраки крестьянских войн. Граф С.П.Воронцов писал в ноябре 1792 г., что «дела Европы находятся в крайне критическом положении, ей угрожает всеобщий переворот. Всюду люди третьего чина питают надежды опрокинуть троны и дворянство»¹³. И далее Воронцов вспоминает о Пугачеве.

События во Франции — заточение короля, разгром интервентов, провозглашение республики, усиление влияния якобинцев в Национальном Конвенте, наконец, революционное движение в соседних с Францией странах, — все это неопровержимо свидетельствовало о несокрушимой наступательной силе нарождавшегося нового строя, об обреченности старых феодальных порядков. В ноябре 1792 г. граф С.П.Воронцов не без иронии писал брату о принятом им решении учить сына своего «какому-нибудь ремеслу, слесарному или столярному... пусть он по крайней мере будет в состоянии зарабатывать хлеб своим трудом и иметь честь состоять членом будущего муниципалитета Пензы или Дмитрова»¹⁴. Тождественные мысли, навеянные успехами революции, получали все большее распространение в дворянской среде, где не могли не задумываться о грядущих социальных бурях.

«Политический журнал» в январском номере 1793 г., подводя итог прошедшего года, писал: «1792 год учинился ужаснейшим годом в сем столетии, поразительнейшим в истории народов, жесточайшим в человечестве. Ужасы происшествий превосходят силы слов и выражений... Король изменнически умерщвлен, другой со всею своею фамилиею и малолетними детьми от собственных подданных посажен в заключение, как простой преступник; ...император скоропостижно умирает; ...многие князья изгоняются из своих земель; многие земли наполняются возмущениями против своих князей; ...тысячи бегут из своего отечества... тысячи и тысячи умерщвляются в городах, в королевских чертогах, в тюрьмах, на публичных площадях; тысячи и тысячи поедает огонь и меч войны... многие земли наводняются войною без всякого объявления, подданные принуждаются отречься от повиновения своим государям, вводятся в заблуждение и подстрекаются объявить себя мятежниками; возмущение именуется святейшею из должностей, защитники спокойствия, порядка, законов поруганы, гонимы; ...явные богоотступники становятся законодателями... Вот отличия 1792 года!»¹⁵

Страх перед ширившейся в Европе революцией менял образ мыслей в рядах дворянской интеллигенции: ей было не по пути с революцией, решительно ломавшей всю феодальную систему. Князь А.М.Голицын, который год назад верил, что Франция, благодаря принятой ею Конституции, «придет на высочайшую степень цветущего состояния», теперь говорил, что «всякой добромыслящий и честный человек должен желать истребления распространенных во Франции мыслей»¹⁶. О победах республиканских войск, писал Голицын, «говорить прискорбно, а остается только стонать о их столь ужасных и неожиданных успехах, которые от заразительного своего распространения могут всем европейским державам быть пагубны»¹⁷.

Даже Д.И.Фонвизин, некогда прославившийся своим свободомыслием и своей смелой полемикой с императрицей по основным вопросам самодержавно-крепостнического строя, в эти дни был поколеблен в своих прежних взглядах. В ноябре 1792 г., в доме у Державина, он выступал уже как убежденный сторонник старых порядков, которые оправдывал необходимостью, «чтоб одна часть подданных для блага целого государства чем-нибудь жертвовала» (т.е., своей свободой для блага дворян. — М.Ш.), а монарху надлежит «расчислить так, чтоб число жертвуемых соразмерно было числу тех, для благополучия коих жертвуется». Он давал резко отрицательную оценку революционным событиям во Франции, считая, что «равенство состояний» есть вымысел «ложных философов, кои красноречивыми своими умствованиями довели французов до настоящего их положения»¹⁸. Для передовых кругов дворянства отказ от прежних мечтаний о социальном мире между крестьянами и помещиком влек за собой растерянность и новые искания. П.С.Потемкин, ранее верный последователь французских просветителей, получивший известность своими переводами чуть ли не всех основных произведений Руссо, писал теперь графу И.И.Шувалову: «Вы, будучи знакомы всем философам нашего века: Вольтеру, Руссо, Рейналю и грубому Дидро, почерпнув не из сочинений их, но в беседах, где образ мысли живет

виден... вразумите меня постигнуть, как могли сии, столь знаменитые разумом люди, возбуждая народы к своевольству, не предвидеть пагубные следствия для народа? Как могли они не предугадать, что человек может быть премудр, но человеки буйны суть»¹⁹.

Многие представители дворянской интеллигенции, увлекавшиеся идеями буржуазного просветительства, теперь, под влиянием развития революции во Франции, начинали считать это увлечение опасным заблуждением, которое вело, как им казалось, к революции. Для них становилось все яснее, что последние события во Франции знаменовали собой коренной переворот в судьбах человечества. Передовые круги русского дворянства с волнением и тревогой увидели пропасть, разделявшую «старое» от «нового», путь к которому неизбежно шел через революцию. «Истинно должно иметь нечеловеческое сердце, чтоб не содрогнуться, представя, как старый свет спознакомляется с новым, — писал дворянский экономист А.Карамышев. — Я не думаю быть такому свирепому человеку, чтоб мог удержаться от слез, представя себе сию... страшную картину злодейств и страдания человек! Там костры, там виселицы, там эшафоты, там всех родов смерть... воображение теряется в ужасах сего тиранства...»²⁰

Бесперспективность феодально-крепостнической идеологии, даже в «просвещенной» форме, рождала в известной части дворянской интеллигенции «скуку, печаль, горесть, досаду»²¹. «Тысячи мыслей волнуются в душе моей», — писал Карамзин, — видя «все развалины надежд и планов, над которыми в тихие часы ночи горюет ныне дух мой, подобно страннику, вздыхающему на руинах Илиона...»²² Эта разочарованность в настоящем и отсутствие надежд на будущее вели к отчаянию. Осенью и зимой 1792—1793 г. современники отмечали ряд самоубийств среди дворянской молодежи, которая больше не выражала сочувствия революции, но и не желала вернуться к прошлому, к признанию феодально-крепостнической действительности. Осенью 1792 г. повесился молодой писатель, дворянин М.Сушков, сотрудничавший в журнале «Дело от безделья», автор «Российского Вертера». В оставленном им после себя письме он зарекался не считать его «обезьяною Вертера, а еще менее безумным». Он писал о своей уверенности «в небытие души», о разочарованности в своих идеалах, о невозможности долгие «строить замки на воздухе» и «жить в свете», где господствуют ложные предрассудки»²³. В сентябре застрелились два брата, молодые офицеры гвардии, сыновья сенатора Вырубова. В декабре того же года перерезал себе горло ножом гвардейский офицер А.С.Протасов. Это «в нашем городе паки новое и шестое уже с июля месяца самоубийство», — писал из Москвы Н.Н.Бантыш-Каменский. «Опасно, — добавлял он, — чтоб сия болезнь не вошла у нас в моду»²⁴. В первых числах января 1793 г. покончил с собой молодой ярославский помещик, последователь французских просветителей И.М.Опочинин. Перед смертью он роздал хлеб своим крестьянам и поручил наследникам сжечь его «любезные книги», которые теперь никому не нужны. В своем завещании он также говорил, что «смерть есть не что иное, как прохождение из бытия в совершенное уничтожение... после смерти нет ничего». Свое решение уйти из жизни он объяснял разочарованностью, бесцельностью существования, «отвращением к нашей русской жизни»²⁵. «Кто мог думать, ожидать, предчувствовать?» — писал Карамзин, выражая чувства молодых дворян, его последователей. Прежние мечты «разрушались в своем основании. Осьмнадцатый век кончается... и несчастный филантроп меряет двумя магами могилу свою, чтоб лечь в ней с обманутым, растерзанным сердцем своим и закрыть глаза навеки»²⁶.

II

Русская печать с большой сдержанностью писала о последних событиях во Франции, стремясь обойти молчанием внутренние и внешние победы революции. Вопреки поступавшим из-за границы сведениям о разгроме интервентов и ширившемся революционном движении в странах Западной Европы, «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» еще в ноябре были полны сенсационными сообщениями о том, что «армия герцога Брауншвейгского уже пред вратами почти самого Парижа»²⁷, что французские войска «окружены с пяти сторон... и должны будут сдаться», что «генерал Дюмурье сделал точно предложение сдаться на условиях»²⁸ и т.д. А в это время, как известно, республиканские войска на всех фронтах победоносно вели наступление уже на территории самих интервентов. Скрывать факты до бесконечности было невозможно, и 19 ноября «С.-Петербургские ведомости», а несколькими днями позже «Московские ведомости» неожиданно сообщили, что французы не капитулировали, как это можно было ожидать, а находятся в районах Рейна. Без каких-либо дополнительных объяснений газеты писали, что «французы овладели... Вормсом, и думают, что они находятся в пути к Майнцу»²⁹. 30 ноября снова сообщалось в газетах, что «скорое сие отступление (союзных войск. — М.Ш.) остается еще и по днесь для многих непонятною загадкою, и причины, которые герцога Брауншвейгского, яко великого полководца, к тому побудили...»³⁰ Все последующие номера газет предпочитали умалчивать о дальнейших боевых действиях, ограничиваясь известиями о начавшихся переговорах и о все более возрастающей надежде, «что сею зимою будет заключен мир»³¹.

Несмотря на противоречивые и туманные сообщения прессы о событиях на фронтах и в самой Франции, русские люди продолжали быть довольно хорошо осведомленными о реальном положении вещей благодаря поступавшей в Россию иностранной прессе, которая читалась, переводилась и тайно размножалась преимущественно в среде разночинной интеллигенции.

Но последние события во Франции, вызвавшие к себе живейший интерес у русских людей «третьего чина», в то же время углубили политические разногласия в их среде. Та часть разночинной интеллигенции, которая была связана с нарождавшейся русской буржуазией, ставила более умеренные требования, чем разночинцы, выражавшие стремление трудовых слоев населения. Ограниченность документации не позволяет с достаточной ясностью определить эти разногласия. Характерным для части разночинной интеллигенции было мировоззрение учителя философии, сына священника П.А.Словцова, мечтавшего о государе чувствительном, под рукою коего не считает народ своих вздохов». В 1793 г. он говорил, что «если не все граждане поставлены в одних и тех же законах, если в руках одной части захвачены преимущества, отличия и удовольствия, тогда как прочим оставлены труды, тяжесть законов, или одни несчастья, то там спокойствие... следует из повиновения; но от повиновения до согласия столько же расстояния, сколько от невольника до гражданина...». Основывая свои выводы на международных событиях того времени, Словцов предупреждал, что «тишина народная есть иногда молчание принужденное, продолжающееся дотол, пока неудовольствие, постепенно раздражая общественное терпение, наконец, не прервет оно». Он указывал на необходимость предупредить подобные явления путем установления «одних и тех же законов» для всех граждан, при правлении «премудрого государя», который «умел [бы] царствовать из гроба», т.е. «чтобы из рук преемника не пал [бы] скипетр»³².

Под таким углом зрения эта часть разночинной интеллигенции рассматривала причины и ход революции во Франции. «...Злоупотреблений (во Франции. — *М.Ш.*) было столь много, что надлежало целому государству подвергнуться перемене»³³, — писал Иван Водопьянов. Иван Никитич Водопьянов был человеком «третьего чина», торговавшим книгами, а также занимавшимся переводами с французского языка. Вероятно, он приходился близким родственником Никите Водопьянову, переплетчику Московского университета, также занимавшемуся типографским делом. Оба они, по-видимому, принадлежали к окружению Н.И.Новикова. Никита Водопьянов в 1792 г. был арестован в связи с делом Новикова. Иван Водопьянов в 1793 г. написал книгу «Разговор в царстве мертвых несчастного Людовика XVI с императором Леопольдом II и Густавом III, королем шведским». В предисловии автор писал, что «сей разговор есть ничто иное, как экстракт из многих больших сочинений», которые позволили ему на фактическом материале дать свою оценку событий. Говоря о методах и целях предпринятой им работы, Водопьянов писал, что он «нимало не старался наполнять оной одними только раскрашенными баснями и пустыми умозрениями о происшедших во Франции приключениях, так как большая часть таковых Разговоров имели сею целью». Книга вышла в типографии А.Г.Решетникова, также близко стоявшего к Новикову, и была рассчитана на тех читателей, которые «не могут покупать больших сочинений за дорогую цену, а желают знать историю французских происшествий обстоятельнее, нежели как она помещается в газетах»³⁴. Речь шла о рядовых читателях, не владевших иностранными языками. Сразу же после своего выхода в свет книга Водопьянова была признана правящими кругами как «клоняющаяся только к развращению нравов»³⁵ и изъята из обращения. Тем не менее положения, выдвинутые Водопьяновым, раскрывают в какой-то мере точку зрения тех именно кругов разночинной интеллигенции, которые были связаны с издательской и книготорговой деятельностью Новикова.

Водопьянов видел причины революции не в деятельности «людей, которые беспрестанно возбуждали народ», как считало большинство дворян, но в «злоупотреблениях, которые владычествовали во Франции», и прежде всего, в том, что «тяжкое иго обременяло французов, когда некоторые вельможи все свое пропитание основывали на кровавом поте простого народа»³⁶. Иными словами, причины революции, по его мнению, таились в тех именно феодальных общественных отношениях, которые господствовали и в России, сковывая ее развитие. Автор сурово критиковал необдуманную, реакционную политику Калонна и придворной клики, которая «вела Францию прямо в бездну погибели». Он осуждал дворянство за то, что «кровь свою считает за благороднейшую, нежели кровь простого народа. Глупость, которая ослепляет столь многие тысячи людей и часто делается несносною здравомыслящим гражданам»³⁷. Указывая далее на то, что «нигде бесполезные войны не пожирали столь бесчисленной суммы денег», на «тягчайшие налоги», Водопьянов писал, что «жестокая страсть к отмщению и закоренелая ненависть к прежним утеснителям» окрыляет народ и придает ему несокрушимую революционную силу. Никто, — говорил он, — «не может воспротивиться ярости народной, когда она разорвет сии узы... ибо народ... не только не опасается потерять чего-нибудь в таких случаях, но еще надеется и выиграть»³⁸. Водопьянов не был сторонником революционных методов борьбы: будучи одним из последователей Новикова, он явно отдавал предпочтение мирному пути развития. «Если бы Франция, — говорит он, — имела заранее и побольше Неккерова, то вернее можно бы было

надеясь, что не произошло бы таких раздоров». Но поскольку программа реформ не удалась, то он приветствовал начало революции — «столь долго и столь нетерпеливо желанной день, в который узрела нация, как древнее ее достоинство начало мало-помалу опять возвышаться...»³⁹ В отмене Национальным собранием дворянских феодальных привилегий он видел торжество справедливости, ибо «французское дворянство возвратило назад только то, на что оно никогда и никакого права не имело»⁴⁰. Однако свержение монархии автор уже расценивал как «пагубное не только для Франции, но также и для других соседственных с нею держав, ибо спокойствие и благосостояние народов поколебались в своих основаниях...»⁴¹

Оценка революционных событий во Франции, данная Водопьяновым, очевидно, разделялась и другими разночинцами, которые сочувствовали французской революции на первом этапе ее развития, но не могли следовать за ней до конца. Свержение монархии и последующие события во Франции обусловили перелом в их отношении к ней. Ярким выразителем таких политических настроений был мелкий служащий из купеческой среды Г.И.Попов Осенью 1792 г. он направил анонимно два письма на имя императрицы и графа Безбородко. Он писал о необходимости, в целях «лучшей безопасности», предупредить возможное «падение славы нации и нашей», над которой висит «пагубный жребий», что и над Францией. По его мнению, опасность таилась в существовании крепостного права, в революционности крестьянских масс; он предлагал срочно пойти на уступки крестьянам, терпение которых может «сполнить свою меру». Попов был убежденным противником феодальных общественных отношений, при которых человек у человека стал «изнуренным невольником». Попов горячо выступал за равноправие и гражданские свободы, в защиту достоинства человека, указывая на недопустимость уподобления его «продающимся на торжищах скотам». Крестьяне и дворяне все «только люди», но первые более полезны отечеству, чем вторые. Он напоминал своим адресатам о недавней крестьянской войне и подчеркивал, что теперь времена переменились, «развернутыми наполнена почти вся Россия». Указывая на наличие среди населения французских революционных изданий, он писал, что «народы наши просвещены ныне, даже и слуги господские многие знают французский язык». Попов призывал «не терять времени, пока писатели-иноплеменики не догадались сделать наших воинов, их отцов и братьев фуриями» и не привлекли их на свою сторону. Намекая на перемены, происходившие на Западе, Попов предупреждал, что крестьяне «коль только узнают, что нег нигде людям продажи, как только в России, и коль скоро терпение их исполнит свою меру... тогда ваши силы в немощи совершатся и вы падете в ожесточении их». Попов страстно призывал правящие круги идти на уступки и тем самым «погасить малую искру, доколе не возгорится великое пламя», так как «убыток будет не только для вельмож или дворян», но и для других имущих граждан. В заключение Попов писал, что свои послания он составлял «яко сущий и истинный патриот и сын отечества... во спасение душ наших... в соблюдении во всей целостности российского престола»⁴².

Те же опасения по поводу возможного влияния французских революционных событий на Россию выражал и житель Саратова протоиерей Скопин, который писал в середине 90-х годов: «Ныне образ мыслей переменился. Свет думает вольно и скоропоспешно... Хотя и взяты сильные предосторожности... однако змий, обольститель французской мнимой вольности, находит почти везде путь и вползывает неприметно, заражая ядом своим самые строгие сердца»⁴³.

Наряду с такими настроениями в среде разночинной интеллигенции продолжал расти и крепнуть протест против существовавшей русской действительности, против крепостнической системы. На всем протяжении 1792 г. этот протест проглядывал между строк на страницах журнала Дело от безделья, или Приятная забава», выходившего в Москве в 1792 г. Его издателем был один из последователей Новикова, составитель многих учебников и учебных пособий, гравер и типограф А.Г.Решетников⁴⁴, вокруг которого группировался ряд писателей, преимущественно из разночинной среды: сын священника, бывший студент Московского университета, поэт и переводчик, поклонник французских просветителей И.И.Виноградов; сын священника, бывший студент Московского университета, мелкий чиновник, писатель и переводчик Е.П.Люценко; сын священника, бывший студент Московского университета, врач, писатель и переводчик И.С.Андреевский, писатели и переводчики А.Есипов, И.Вахрамеев, И.Наумов и многие другие. Значительная часть печатавшихся ими стихотворений и статей свидетельствует об их враждебности феодально-крепостническому строю. Антифеодальные мотивы звучали и на страницах журнала «Еженедельник, или Собрание разных философических, исторических, физических и нравоучительных рассуждений». Журнал выходил в Москве в 1792 г. в среде, невидимому, близкой к студенчеству университета; его издателями были малоизвестные лица — В.Снятинский и Ф.Комаров. Вышло всего 18 номеров, после чего выпуск журнала неожиданно прекратился, возможно из-за опубликованной в одном из последних номеров статьи «О правосудии», в которой были резко выражены антифеодальные настроения автора. В Петербурге в том же 1792 г. выходил журнал «Зритель», который по своей направленности как бы перекликался с московскими журналами. Его издателями были люди «третьего чина», хотя и разных политических позиций: П.А.Плавильщиков, И.А.Крылов, А.И.Клушин, объединившиеся в совместной борьбе против дворянско-крепостнического строя. На его страницах печатались

острые сатиры Крылова и Клушина, направленные против крепостнического строя. В журнале принимали также участие поэт-самоучка из крепостных И.И.Варакин, почтовый чиновник А.И.Бухарский, преподаватель петербургской учительской семинарии известный минералог, писатель и переводчик А.М.Теряев и другие.

Близость значительного числа представителей разночинной интеллигенции к трудовым и закрепощенным массам населения в значительной степени определяла их политическую направленность, хотя они далеко не всегда имели вполне определившиеся взгляды. Но они подходили к окружающей их феодально-крепостнической действительности с точки зрения новых понятий о человеке-гражданине, о его правах и достоинстве.

Клушин в статье «Передняя знатного барина», опубликованной в «Зрителе», писал: «Я бы никогда не простил себе, если бы когда-нибудь стал искать покровительства. Я беден, но тверд, кусок хлеба, который я заслужил, слаще всякой пищи, которую мог бы я приобрести исканием... Я гнушаюсь лестью и хочу быть должен всем трудам своим, нежели гордой улыбке слепого счастья...»⁴⁵ В журнале «Дело от безделья» автор статьи «Разуму много, да денег нет», поднимая те же вопросы, указывал, что «бедность и скудность суть свойственные болезни всех ученых», а те из них, которым повезло, как «сами признаются... они сим одолжены единственно случаю и счастьем, а не разуму»⁴⁶.

В статье «О правосудии», опубликованной в 13-м номере «Еженедельника», автор ставил вопрос о том, что «малым и великим, убогим и богатым равно должно показывать правосудие», ибо «от правосудия бывает согласие каждого государства». При этом он уточнял, что «различается власть от тиранства тем, что сия печется об общем благе, а оное о своем собственном... и праведен тот человек, который никому вреда не делает»⁴⁷. Иными словами, те, кто лишают других людей их «естественных» прав, т.е. владельцы крестьянских «душ», не праведные люди, а тираны. В журнале «Дело от безделья» автор «Писем дикого американца, привезенного в Старый свет...», касаясь того же вопроса, писал: дворяне «отнимают у нас вольность и права человечества и, уча других не разбойничать, сами грабят и теснят... сии люди... не что иное суть, как сущие варвары и тираны..., с собственными своими соотечественниками сурово и жестоко поступающие»⁴⁸. Ряд статей, напечатанных в «Зрителе», полон возмущения против крепостнических отношений между людьми: «О, если бы посмотрел он на состояние своих крестьян проникательными глазами: увидел бы, чего мнимая его великость стоит им. Не поту, который орошает беспрестанные труды их, но слез и самой крови»⁴⁹.

Эти настроения в среде разночинной интеллигенции помогли лучшим ее представителям сочувствовать идеям и делам революции во Франции на всем пути ее восходящей линии. Если в печати в условиях царской цензуры подлинные стремления прогрессивных людей были завуалированы и о них скорее можно догадываться, читая между строк, то в личных беседах обмен мнениями был, невидимому, более смелым. К сожалению, до нас дошло чрезвычайно ограниченное количество такого материала. Такие высказывания зафиксированы лишь в отдельных делах Тайной экспедиции — в признаниях лиц, подвергавшихся полицейским преследованиям властей, или в показаниях свидетелей, непосредственно вращавшихся в их среде. В архиве Тайной экспедиции хранится много дел за эти годы, касающихся «дерзких слов о государях» и «возмутительных высказываний» однодворцев, ремесленников, мещан, крестьян на отходе и т.д. Материалы эти свидетельствуют о наличии в России людей из передовых кругов разночинной интеллигенции, стремившихся просветить народные массы, довести до их сведения идеи и события революции во Франции. На это указывали и авторы враждебных разночинной интеллигенции политических брошюр. Они говорили о присущих некоторым разночинцам стремлениях «показать себя добровольными наставниками мещан и крестьян, возбуждать их словами и сочинениями к различным околичностям», и проповедовать «вольность наших времен явно и скрытно»⁵⁰. Подобные явления в повседневной жизни Петербурга и Москвы не были, по видимому, случайными. Современники рассказывают, что «нет ничего обыкновеннее, как осуждение правления на публичных местах», что подобные суждения «мало-помалу ослабляют доверенность подданных к государю, отъемлют у сердца готовность к повиновению»⁵¹. Подстрекателями этих разговоров они считали представителей разночинной интеллигенции, «кои людей знают только из книг», так как сами «никогда ни единого семейства под своею властью не имели». Именно эти лица «читают беспрестанно, что люди рождаются вольными, что они все равны... и проповедуют черни сумасбродные правила, похваляемые народом парижским, что возмущение есть священное право, верховный закон»⁵².

Эти настроения, несомненно перекликавшиеся с французской революцией, складывались у лучших русских людей под воздействием идей Радищева, в обстановке неухабавшей борьбы крестьянских масс против крепостнического гнета. В.И.Ленин говорит, что «там, где нег исстрадавшихся народных масс, не может быть и демократического движения. А демократическое движение отличается от простого «бунта» как раз тем, что оно идет под знаменем известных радикальных политических идей»⁵³. Эти идеи, хотя и не всегда достаточно четкие, зарождались и развивались в среде передовой разночинной интеллигенции, жившей интересами закрепощенных

и эксплуатируемых масс и отражавшей их чаяния. Как указывал Маркс, идейное движение свидетельствует о том, что «глубоко внизу происходит брожение», что «умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа»⁵⁴.

В России крестьянский вопрос был той основой, на которой рождалась демократическая идеология. Поэтому революция во Франции, рушившая те самые феодальные устои, против которых стихийно боролось русское крестьянство, не могла не привлекать к себе сочувственного внимания со стороны передовых кругов разночинной интеллигенции. События во Франции усиливали их интерес к политике и в известной мере способствовали более точному определению их собственных политических воззрений. К сожалению, как уже говорилось выше, ограниченность сохранившегося материала не всегда позволяет вскрыть с желаемой ясностью мировоззрение этих передовых разночинных кругов.

Так, например, в 1791—1793 гг. в Петербурге собирался кружок людей, встречавшихся в доме некоего торговца из разорившихся купцов С.Еркова, где проживал также мелкий служащий публицист Ф. Кречетов, о котором говорилось выше. О Кречетове сохранилось больше сведений, чем о других. Он является ярким образцом разночинца конца XVIII в. свою службу он начал писцом. Затем работал копиистом в различных правительственных учреждениях и в 1775 г. вышел в отставку в чине подпоручика. В 80-х годах он писал о себе: «Живучи в Санкт-Петербурге без службы и потому без жалованья, недвижимого у себя не имею»⁵⁵. Кречетов, как и многие другие представители разночинной интеллигенции, занимался составлением для разных лиц жалоб и прошений в судебные и иные инстанции, вел тяжёлые дела и т.д. Некоторое время он работал библиотекарем в богатых дворянских домах, составляя описи: в свободное время занимался литературным трудом. Кречетов был человеком начитанным, знавшим западноевропейские языки. Его мировоззрение в 80-х годах носило порою противоречивый характер. В начале 90-х годов, после огромных общественно-политических событий на международной арене, взгляды Кречетова, как и многих других его современников, стали более последовательными,— в этот период каждый год нес с собой такие события, которые не могли не влиять на умы современников. «И многие ли, — говорил об этом несколько позже Карамзин, — сохранили до конца сей войны (т.е. революции. — М.Ш.) то мнение о вещах и людях, которое имели они при ее начале Она не только государства, но и самые души приводила в смятение»⁵⁶. В одном из сохранившихся собственноручных набросков Кречетова, написанных им, невидимому, вскоре после падения Бастилии, он так проектирует задуманное им «новое уложение»:

«Дабы монархию соблюсти невредиму, полезно будет сделать закон всем общежитием человеческим... и, всеми подписав, положить его на троне под изображением креста и под короною, к коему всех вообще привести к присяге, так, как ныне к монархам присягают... монархов же переименовать стражами закона, или блюстителями о исполнении по нем; если же монарх сего наблюдать не будет, то да подвержен он будет сего своего сана лишению; сему же подобно и каждый судья и каждый помещик подвержен быть должен»⁵⁷. В этот период своей жизни Кречетов, несомненно, проявлял интерес к событиям во Франции, и его политические настроения не могли не эволюционировать, тем более, что в 80-х годах они были недостаточно последовательными.

Помимо Кречетова, постоянным посетителем дома Еркова был Матвей Овчинников, типографщик по профессии, занимавшийся книготорговлей и связанный с прогрессивными кругами петербургского общества. В 1788 г. им были проданы И.Г.Рахманинову печатный станок и шрифты, при помощи которых издавались такие журналы, как «Утренние часы», «Почта духов» и первая часть «Беседующего гражданина»⁵⁸. Овчинников был другом серпуховского мещанина П.Кузовлева, в свою очередь дружившего с ближайшим сподвижником Радищева — сыном священника таможенным надзирателем А.Царевским. Весной 1790 г. Овчинников получил от Царевского экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву», след которого не был обнаружен полицией⁵⁹. По-видимому, именно этот экземпляр и попал в дом Еркова, где он горячо обсуждался. Овчинников же, вероятно, сообщил кружку подробности издания книги, например, то, что Радищев «сверх цензуры многие листы внес в свою книгу»⁶⁰.

В доме у Еркова собирались также и некоторые другие лица, люди «нашего сорта», как они говорили, то есть одной общественной среды⁶¹. Здесь бывали, в частности, регистратор государственного архива В. Окулов, канцелярист М.Скворцов и дворовый человек О.Малевинский. На показаниях последних, — надо сказать, довольно противоречивых, — в основном и строилось обвинение против Кречетова, выдвинутое царскими властями. Свидетели сообщили, что Кречетов подолгу и многократно беседовал с ними о политике; при этом «он произносил непристойные и укорительные слова» по адресу императрицы и «весь сенат ругал, яко воры и разбойники»⁶², затрагивал вопросы «о нынешней во Франции перемене»⁶³. Как показывали Скворцов и Окулов, Кречетов подолгу и подробно говорил о необходимости создания народных школ нового типа, где обучались бы мужчины и женщины, чтобы «умы их направить к сделанию вольности, а как сие соделается, то уж и самодержавной власти ненадобно»⁶⁴. Судя по заявлениям этих лиц, Кречетов стремился «всю Россию сделать совершенно от насилий и всяких от несправедности притеснений спокойною. А потом, свергнув... власть самодержавия, соделать либо республику, либо инако как-

как-нибудь, чтоб всем быть равным»⁶⁵. Кречетову также ставилось в вину то, что такие речи он держал не только в доме Еркова, но и в других местах. В показаниях свидетелей говорится, что «оной же Кречетов в разные времена и много раз, когда хаживал со двора и, возвращаясь, сказывал, куда ходил и где был, как-то в торговой бане, на рынке или переезжал через реку, то всегда рассказывал, что он с попавшимися солдатами говорил и толковал, что присяга ничего не значит, а, зная, выдумана государями для их осторожности. А мужикам и холопам внушал, чтоб они старались о свободе и вольности»⁶⁶.

Приведенные выше выдержки, взятые из оговорных речей, которые держали свидетели против Кречетова в стенах Тайной экспедиции, довольно ярко рисуют облик передового разночинца 1792—1793 гг. Однако установить степень обоснованности всех этих показаний в настоящее время трудно. Во всяком случае, у исследователей, специально изучавших дело Кречетова, сложились по этому поводу различные мнения⁶⁷.

Увлечение политическими вопросами было распространено в те годы среди широкого круга людей, принадлежавших к тем же социальным слоям, что и кружок Еркова. Можно предположить, что в Москве подобные же настроения были присущи В.И.Окорокову и окружавшей его группе студентов Московского университета. Как уже говорилось, об Окорокове сохранилось мало сведений. Известно, что он происходил из семьи разорившихся венецких купцов, учился чертежному делу и получил звание землемера. В молодые годы служил в сенатской межевой экспедиции, а затем вышел в отставку в чине подпоручика. В 1788 г. Окороков через посредничество своего родственника А.Светушкина принял от Новикова руководство университетской типографией, а вскоре приобрел и сенатскую типографию. В 1789—1790 гг. он был связан с петербургским книготорговцем Зотовым — человеком, близким Радищеву, обеспечивавшим продажу «Путешествия из Петербурга в Москву». В 1791 г. Окороков издавал журнал «Чтение для вкуса, разума и чувствований», из редакции которого вышел после того, как журнал подпал под влияние идей Н. М. Карамзина. В 1792—1793 гг., как уже говорилось, он имел в Москве две типографии — сенатскую и университетскую. Как было установлено полицейскими властями, здесь перепечатывались «эстампы и книги, клонящиеся к развращению нравов», а также относящиеся «к правлению, а паче к французской революции». В то время переводчиками у него работали студенты из университета, которые, вероятно, и переводили эти книги, копировали эстампы и продавали их тайно «разным людям»⁶⁸. Среди студентов-переводчиков, связанных с Окороковым, известны Д.Теодоровский и И.Венсович, впоследствии ставший выдающимся физиологом и профессором Московского университета.

Эти данные о деятельности Кречетова и Окорокова говорят о том, что наиболее передовые представители разночинной интеллигенции стремились тогда доводить до более широких кругов населения сведения о ходе революции во Франции. А.Т.Болотов в нескольких словах дает зарисовку одного, оставшегося нам неизвестным, передового человека того времени. В середине 90-х гг. он заносил в свой дневник: «Скабовский — великий безбожник и без места, учит людей в Москве»⁶⁹. Нет сомнения, что здесь предполагаются разговоры на политические темы. По-видимому, речь идет об И.А.Скабовском, который впоследствии стал учителем математики в Академии художеств. Современники писали: «...Владычествующие теперь во Франции мысли легко сообщаются..., впечатлеваются и необходимо возрождаются в... головах (мещан. — М.Ш.) под разными видами, смотря по образу проницания и состояния, в коих каждый находится»⁷⁰.

III

Резкие изменения в международной политической обстановке, вызванные последними событиями во Франции: созывом Национального Конвента, провозглашением республики, победами революции в Савойе, в Бельгии, на левом берегу Рейна, вселяли страх и смятение в сердца дворян. Сообщение о казни короля Франции Людовика XVI усилило растерянность в правящих кругах монархической Европы и усугубило общую напряженность. 29 января 1793 г. в Петербург пришло известие о том, что на одной из парижских площадей в присутствии многочисленной толпы под крики «Да здравствует республика!» был казнен Людовик XVI. В России это событие довело до предела тревогу среди представителей правящего класса. Секретарь Екатерины II А.В.Храповицкий отмечал в своем дневнике, что «с получением известия о злодейском умерщвлении короля французского ее величество слегла в постель, и больна, и печальна»⁷¹. Вице-канцлер граф И.А.Остерман передает, что она «при нем плакала». В тот же день, 29 января, русский двор оделся в шестинедельный глубокий траур: черные чулки и батистовые манжеты. Царское правительство, порвавшее дипломатические отношения с Францией еще в 1792 г., теперь ответило на казнь короля указом от 8 февраля 1793 г. «о прекращении сообщения с Францией по случаю происшедшего в оной возмущения и умерщвления короля Людовика XVI и о высылке французов из России, исключая тех, которые под присягою отрекутся от революционных правил, во Франции распространившихся». Этот указ гласил, что «ныне, когда ко всеобщему ужасу в сей несчастной земле преисполнена мера буйства, когда нашлось более 700 извергов, которые несправедливо присвоенную ими силу до того во зло употребили, что подняли руки свои на умерщвление помазанника божия, законного их государя..

мы почитаем себе долгом пред богом и совестью нашею не терпеть между империею нашею и Францией никаких сношений, каковые между государствами благоустроенными существуют». Далее в указе говорилось о расторжении торгового договора с Францией, заключенного в 1786 г., и о запрещении пускать в русские порты французские корабли, а в пределы империи — французские товары и французских граждан. Исключение делалось для эмигрантов, снабженных письменными рекомендациями французских принцев, братьев короля⁷².

Русская печать стремилась не разглашать подробностей казни короля. «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» опубликовали полный текст указа от 8 февраля без каких-либо комментариев, о самой же казни короля обе газеты умолчали, хотя они помещали сообщения из различных столиц о «наложении траура по Людовику XVI» при европейских дворах. В последующих номерах обе русские газеты вовсе перестали печатать какие бы то ни было известия о внутреннем положении во Франции, рассчитывая, по-видимому, таким путем снизить интерес к ней. Один только «Политический журнал» поместил описание казни короля в пространной статье, озаглавленной: «Прагматическое повествование, как король французский Людовик XVI от своих подданных судебным образом оскорблен и злодейски предан смерти»⁷³. Журнал писал, что «никогда дело писателя истории не было плачевнее, никогда долг его не был тягостнее, как теперь, когда век наш дожил до таких постыдных злодейств, каких ни один из прошедших веков не зрел». Далее давалось на 30 страницах подробное описание суда над Людовиком XVI и его казни. Вся остальная часть журнала была посвящена откликам на это событие в различных европейских странах; говорилось, что «Европа облеклась в мрачную печали одежду и вне себя от ужаса»⁷⁴.

Двор и дворянство были глубоко потрясены казнью Людовика XVI. Весть о случившемся быстро разнеслась по всей России, усиливая тревогу среди крепостников, видевших в этом событии как бы грозное для себя предупреждение. Князь А.М.Голицын писал, что не было среди московского дворянства человека, «который не оплакивал несчастную и злую судьбину сего добродетельного монарха»⁷⁵. А.Т.Болотов рассказывает, что тульские помещики «не могли без содрогания читать обстоятельного описания о сем страшном происшествии»⁷⁶, — описания, которое они находили на страницах выписываемых ими иностранных газет. С тем же волнением говорят об этом событии и другие представители дворянства, проживавшие в самых различных углах России. Киевский помещик И.О.Острожский-Лохвицкий проклинал «извергов французов, которые, забыв бога и своему королю присягу, публично отрубили ему на эшафоте голову»⁷⁷. Казнь короля, «помазанника божьего», казалось, разверзла непроходимую пропасть между старым и новым миром. «Это событие, — писал граф А.К.Разумовский, — возмущает чувства человечности, справедливости и является самым ужасным преступлением, которое когда-нибудь омрачало летописи какой-либо нации»⁷⁸. Это событие, писал вслед за ним граф С.Р.Воронцов, «Заставляет трепетать от ужаса и омерзения к этой мерзкой французской нации»⁷⁹. Ненависть к Франции, к французам наполнила сердца всех сторонников старых устоев. «Я ненавижу французов!» — говорил граф Кочубей⁸⁰; Симолин вторил ему, считая французскую нацию «достойной истребления, чтобы не оставалось ее имени»⁸¹. Француз Массон, живший в то время в Петербурге, передает, что «самое слово француз стало оскорбительным» и вызывало к себе вражду и подозрение⁸². Ярким выражением этих антифранцузских настроений, охвативших в ту пору русское дворянство, явилось «объявление» мелкопоместного дворянина Ерлыкова, поданное им на имя императрицы, в котором он просил «выслать всех французов вон», чтобы избавиться от рассеиваемых ими «богомерзких замыслов ко злу». Автор петиции утверждал, что все французские книги и сам французский язык расшатывают нравы благочестия и несут в себе «величайший яд, праздное развлечение ума»⁸³.

Антифранцузские настроения, получившие поддержку в правящих кругах Петербурга, широко пропагандировались в печати, близкой к этим кругам. В течение 1793—1795 гг. в Петербурге и Москве из-под пера оголтелой реакции вышел ряд книг, брошюр, статей. Вся эта литература рисовала в ужасающих красках события во Франции, всячески пытаясь убедить читателя в том, что революционные действия неизбежно ведут только к хаосу и несчастьям. Авторы этих изданий стремились доказать «благополучие» людей крепостного состояния, живущих под самодержавной властью и пользующихся «духовной свободой» и равенством, а также защитой дворянства. Особо отмечалась в порядке предостережения «развращенность» города, разночинной интеллигенции, зараженной примером Франции. Февральский номер академического журнала «Новые ежемесячные сочинения» за 1793 г. вышел со статьей «Мнение некоего Россиянина о единоначалии», написанной в стихотворной форме Е.Р.Дашковой, президентом Российской академии. В ней автор не только нападал на революцию, но и стремился теоретически обосновать «объективную» необходимость самодержавия. «Все в мире требует порядка, умной власти, не разделяющей могущества на части,— говорилось в статье. — Властитель праведный, с сердцем и умом есть подданных отец: какая польза в том, чтоб власть его отнять и поручить народу?» Далее говорится, что «свобода в душе» не зависит от того, «в свободе ли будет жить или под строгою властью...» Автор спрашивает: «что ныне Франция?» и отвечает, что на развалинах прежнего величия «бунтующий народ всех зверству своему и казни предает... всяк хочет властвовать, по-

корным быть никто... погибнуть должно все, где сильной власти нет». В заключение проводилась мысль, что если бы французы, «Россам следуя, умели б покоряться, могли бы вольным все покоем наслаждаться»⁸⁴. В том же номере журнала была опубликована и другая статья — «Французские вольность и равенство».

Неизвестный автор, по-видимому, из окружения Дашковой, проводил ту же мысль, — что человек «на берегах Невы благословенной спокойно провождая век», знает «искусство жить как вольный человек» тем временем, как «в свободной Франции» ни свободы, ни мудрости нет. В заключение автор говорит: «тот, кто духом мудр... не может и в самой Сибири быть неволен»⁸⁵.

Мартовский номер «Новых ежемесячных сочинений» вышел со статьей, тоже в стихотворной форме, озаглавленной «Правило Россиянина», по-видимому, принадлежавшей перу Дашковой. Статья начиналась словами: «Пускай во буйстве... французы наглостью все потоптали нравы», «пускай Париж, вертеп разбойников свирепых», становится «потомству стыд». Автор, обращаясь к соотечественникам, говорит: «бежим, гнушаемся несчастливых сетей, которые ставятся для слабых лишь людей...». Далее спрашивается, что собою представляет эта революционная пропаганда, заманивавшая «слабых людей»: «пустые эти звоны, затейливы слова», которые несут за собой «убийства, наглости, насилие, пожары, свирепые удары на церковь, на престол, презрение всех прав», и все это совершается «под мнимым образом мечтательной свободы». Обращаясь к России, автор восклицает, что русский народ — народ послушный «с улыбкой зрит (на события во Франции. — М.Ш.), не ноет... тверд, [его] поколебать нельзя», так как «свободен» и не боится «ни судей, ни трона, когда не преступил перед святостью закона»⁸⁶. Это был один из излюбленных мотивов несколько растерявшейся реакционной пропаганды, стремившейся объявить ропот народа влиянием идей извне, забывая до поры до времени недавние уроки крестьянской войны.

Помимо журнальных статей, из-под пера реакционно настроенных авторов в 1793 г. стали выходить книги и брошюры, посвященные вопросам революции. Кроме книг русских авторов, издавались также переводы эмигрантских контрреволюционных сочинений или компиляции из них, составленные применительно к политической обстановке России. Часть этих изданий была посвящена непосредственно революционным событиям во Франции, другие затрагивали более широкие темы, касавшиеся идеологии буржуазии, ее политических и экономических стремлений. К первым относятся такие сочинения, как книга неизвестного автора «Достопамятные деяния и свойства души Людовика XVI, короля французского, с описанием его кончины». Автор на первой же странице отмечает международное значение революции, указывая, что «с давних времен Франция имеет великое влияние на происшествия Европы». Симпатии автора явно клонятся к принятию самых решительных мер против «духа независимости» в любых его формах. Он считает, что в первую очередь Неккер, стремившийся путем реформы предотвратить революцию, только «содействовал началу зол, ввергнувших Францию в продолжающиеся в ней поныне настроения...» В результате созыва Генеральных штатов «французская монархия была до основания поколеблена». Дальнейший ход событий неизбежно вел к новым «неслыханным зверообразным варварствам» и привел «к вечному посрамлению всея Франции, ко стыду всего человечества» — к казни короля. В книге рассказывается, как «один из палачей, взяв голову и показывая оную народу, кричал: да здравствует народ и республика. Многие из зрителей повторяли неистовые слова сии... иные обмакивали свои копыя, а другие платки в кровь, каплющую от невинного Людовика»⁸⁷.

Подобные книги выходили не только в столицах, но и в провинциальных городах — Тамбове, Калуге. Их названия говорят сами за себя: в 1793 г. в Москве вышла брошюра безымянного автора под названием «Ах, как вы глупы, господа французы». Там же в 1794 г. было опубликовано сочинение генерала А. Волкова «Дух гражданина и верного подданного, в стихотворстве никогда не упражнявшегося, на старости злодеяниями французских бунтовщиков воссмятенный»⁸⁷. В 1793 г. в Петербурге вышла книга П.Икосова «Дифирамб, изображение ужасных деяний французской необузданности, или Плачевная кончина царственного мученика Людовика XVI». Как и в других реакционных произведениях, автор, говоря о революционных событиях, пытается противопоставить народным волнениям во Франции феодально-крепостнический «порядок» России, поддерживаемый царско-полицейской властью. «Франция уже пылает... мятеж в семье, в селе, во граде... ту ж язву сеять тщитесь... Но если сей мечтой смутятся весь Запад, Полдень и Восток, народы в Севере найдутся, которых тронам счастливый рок... Владычество Екатерины в потомстве Россов возгремит... любя царя, — Росс страшен в бое, неутомим трудом, в покое, владыку делает отцем...»⁸⁸

Михаил Михайлович ШТРАНГЕ

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789-1794 гг.

Москва: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1956

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Показательны также некоторые реакционные сочинения, в которых поднят более широкий круг вопросов — о причинах и значении революции, идеологии и морали людей «третьего чина» — как во Франции, так и в России, о политических и общественных стремлениях этих людей. В 1793 г. в императорской типографии в Петербурге вышла книга «Мнение беспристрастного гражданина о буйных французских переменных». В посвящении автор говорит, что им изложено содержание привлекшей его внимание малоизвестной книги, «изъяснением всех причин бедственным замешательствам, совершенно разоряющим ныне французское государство». С первой же страницы автор особо подчеркивает международное значение революции, указывая, что «последовавшая во Франции перемена долженствует непременно сделать впечатление на соседственные ей земли и иметь следствия, смотря по обстоятельствам, кои предъявляются...». Автор уделяет особое внимание последствиям, когда «свобода печатания не ограничена и когда частная польза бесчисленного множества людей, умеющих с пером обходиться, так легко может описать модное любомудрие и хорошие изречения мнимоученых...». Автор утверждает, что прежде «газетчики были единственно повествователями истинных или ложных деяний; ныне же самые незнающие из сих господ почитают себя наилучшими философами, политиками и законодателями». Почвой, легко воспринимающей революционную пропаганду, автор считает города, которые «производят множество праздношатающихся, коих разум, не имея чем заниматься, принужден с жадностью бросаться на все произведения газетчиков и журналистов, философов, политиков, законодателей и проч...» Именно эта разночинная интеллигенция, по мнению автора, несет в себе угрозу грядущих социальных бурь в России. «Всего опаснее и употребительнее есть то, что в шинках и в вольных домах люди сии, презреннейше-кочующие бродяги, словом, сии развращеннейшие... тунеядцы, единственно сими листами занимаются...» Поэтому «владычествующие теперь во Франции мысли легко сообщаются». Автор считает, что эти мысли подхватывают «люди в третью степень (сословие. — *М.Ш.*) ворвавшись, [которые] вступаются с горячностью за новое сие божество их идола, стремятся за сею вольностью, за сею тенью будущего их благополучия...». Это «третье сословие» нарочито «смешивается с чернью, сообщает ей свое наименование, чтоб присвоить себе имя целого народа, и совокупно идут к божествам, коих они проповедуют». После ряда резких выпадов по адресу разночинной интеллигенции автор предупреждает своих читателей: «Нравственное поветрие в нынешнем столетии может иметь гораздо быстрее успехи в Европе, нежели моровая язва, разоряющая Константинополь, и карантинны необходимо нужны будут. Я осмеливаюсь предсказать, что... волнения умов во Франции... многие, а особливо для сей прекрасной земли (России. — *М.Ш.*) несчастные следствия иметь будут...»⁸⁹

В заключение автор вспоминает мысли «Наказа» Екатерины II и деятельность комиссии об Уложении 1767 г. и сожалеет, что в свое время эти начинания не были развиты и не получили своего претворения в жизнь, что, несомненно, смогло бы предупредить грядущие народные волнения.

Другая брошюра, напечатанная в 1793 г. в Петербурге и, невидимому, относящаяся к оригинальным русским произведениям, — «Послание к французам от некоего доброжелателя Франции», описывает бедствия, причиненные им революцией, «сугубейшие несчастья, ...если будут пребывать в своем заблуждении, и, наконец, выгоды, которые они приобретут, возвращаясь к рассудку и должности». Книга была рассчитана на «низового» читателя и имела целью предостеречь его от революционных идей, распространяемых представителями разночинной интеллигенции. В книге содержались резкие нападки на идеологию буржуазии и противопоставлялась ей дворянская идеология. «Дворянство существует не для дворян, но для народа, которому оно должно покровительствовать, и для короля, которого оно должно защищать... Когда... дворянство... ниспровергается, то нация принуждена избирать или иго черни, или иго Неронов». Автор разбирает политические и социально-экономические мероприятия революции и дает им отрицательную оценку. Касаясь наиболее волнующего вопроса — об отмене сословных привилегий, автор говорит, что уничтожение дворянства «лестно было некоторым тщеславным и завистливым мещанам, но доставило ли оно работу людям, хлеб бедным и помощь государству?». Повторяя излюбленные фразы реакционной пропаганды, направленные против разночинной интеллигенции, автор пишет: «Тунеядцы... городов выгнали первостепенное дворянство только для того, чтоб утвердиться в них самим и... заграбив все должности наживные или почетные... было равенство для них». Что же касается трудового населения, то «сей драгоценный класс людей, омывающий потом своим землю или изнуряющий себя полезными ремеслами», повинуется «высокомерному мещанству», которое, в свою очередь, трепещет «при виде волнующейся и потрясающей своим окровавленным оружием черни». Хотя и со своих дворянских позиций, автор резко критикует рождающийся буржуазный строй, в котором он усматривал сохранение многих несправедливостей; он обращал внимание на обманчивость буржуазных понятий о равенстве, вольности, «которые вы по гордости своей «мечтаете иметь». Он спрашивает читателя: «Не взирает ли гордый городской мещанин презрительно на покорного поселянина, обрабатывающего поля его, не почитает ли простой земледелец ниже себя

работника, несущего плуг его... равно ли вы смотрите на человека нечиновного и небогатого и на человека чиновного и богатого?» Депутаты Национального собрания, говорит автор, — «честолюбцы, подло ласкающие предварительные собрания во время выборов; не заставляют ли их забыть чрез свое высокомерие сие кратковременное равенство, когда выборы кончатся». В заключение автор приходит к выводу, что «обманчивое учение равенства несовместимо с гражданственным порядком»⁹⁰.

Многие другие издания, вышедшие в те дни в России из-под пера дворянских писателей, были посвящены тем же вопросам. Каждый из авторов по-своему, но с дворянских позиций выступал против революции, против буржуазной идеологии и против разночинной интеллигенции. К таким изданиям относится брошюра, изданная в Тамбове в 1793 г., — «Хаос есть следствие света», в которой говорится о страшной опасности, таящейся в свободолюбивых идеях, проникающих во все страны, включая и Россию. Те же вопросы ставятся в брошюре, вышедшей в Калуге в 1794 г. и озаглавленной «Разговор откупщика с господином о прямом счастье, или Путь к счастью, по коему всякого состояния люди шествуя, могут быть благополучны на земле». Как указывается в предисловии, книга эта написана в приношение «бедному народу всея земли, бедным хлебопашцам, художникам и работникам, мужчинам и женщинам... старым и юным...». Цель книги заключается в том, чтобы «уменьшить... от ложного воображения происходящие сетования...». Автор стремится доказать, что «сетования народа на свою бедность» — «пустая его зависть к богатым и знатым людям», между тем как «благоденствие ни в богатстве, ни в знатности не существует». Далее следует изложение излюбленной дворянской демагогии, пытавшейся заменить объективную действительности миражем, политику — исканиями в мире чувств «сладчайшей душевной тишины»⁹¹.

Те же вопросы затрагиваются в книге, вышедшей в 1793 г. в Москве, — «Любопытный разговор в царстве живых между ординарным стряпчим Взятколюбом, откупщиком Скорохватом, старостом Честном и трактирщиком Уклоновым в одном немецком трактире о французской революции». В предисловии автор в свою очередь нападает на представителей разночинной интеллигенции, «отпрысков... мещанского и крестьянского состояния», которые учат «мещан и крестьян... восставать с беспредельною вольностью против всех разумных понятий; поносить... подлейшим образом князей и дворянство»⁹². В книге развивается излюбленная дворянская мысль о возможности общего благополучия в пределах дозволенных требований каждого сословия, о родительской любви помещиков к крестьянам и о сыновней покорности крестьян, об обоюдных обязательствах тех и других перед отечеством.

Бывший масон И.В.Лопухин, стремясь после дела Новикова убедить правительство в своей лояльности, также выпустил в 1794 г. в Москве и в Калуге две книги: «Изображение мечты равенства и буйной свободы с пагубными их плодами» и «Излияние сердца, чтущего благоденствие единоначалия и ужасающегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенства и буйной свободы». В первой из этих работ, имевшей скорее философский характер, Лопухин пытается доказать, что «все вопиет нам о естественном неравенстве» и что истинная свобода «живоносным древом добродетели рождается и священной властью царей и законов даруется»⁹³. Вторая работа Лопухина в большей мере была посвящена политическим вопросам. Автор прославляет абсолютизм как наиболее совершенную форму правления, «где десница правды толь поспешно может предупреждать, отвращать, искоренять всякое зло, дерзающее на тишину и благоденствие общее внутри...». Обращаясь к носителям революционных идей, Лопухин предупреждает их, что в России «величайшие преступники, существа самые заразительные для мира нравственного, наказуются и удаляются от общества... лишаются возможности в гибельное производить действие злое расположение своих душевных сил...», и добавляет при этом, что «заточение на всю жизнь... больше, думаю, должно устрашать злодея, нежели самая смерть»⁹⁴.

Появление в России всей этой реакционной литературы было вызвано существованием определенных политических настроений передовых кругов русской разночинной интеллигенции, которые, по мнению дворянства, были созвучны с идеями революции. Реакционная литература преследовала цель дискредитировать людей, сочувствовавших революции, и путем создания враждебного им общественного мнения пыталась воспрепятствовать их деятельности в России. Авторы реакционных книг, брошюр и статей, отражая точку зрения правящих кругов России, не делали разницы между французскими революционерами и людьми, только сочувствовавшими революции. «Не одни системы, выдуманные авторами натурального закона..., — говорилось в одной из указанных выше книг,— но и люди, не имеющие никаких познаний и от одного только тщеславия, мня тем показать остроту своего разума... себя и других влекут в бездну злосключений...»⁹⁵

1 А.В.Храповицкий. Указ.соч., стр.237.

2 Сб. РИО, т.23, стр.555 (письмо от сентября 1792).

3 «Русский архив», 1876, кн.III, стр.275 (письмо Н.Н.Бантыш-Каменского от сентября 1792).

4 ЦГАДА, ф.188, д.1163, л.50 (письмо Д.М.Голицына от июня

- 5 «Архив князя Воронцова», т. XVIII, стр. 41 (письмо В.П. Кочубея от августа 1792).
- 6 Там же, стр. 48 (письмо от сентября 1792).
- 7 Гос. б-ка им. В.И. Ленина. Отдел рукописей, ф. 178, д. М.
- 8 Comte Stedling. Un ambassadeur de Suede a la cour de Catherine II Choix de depeches diplomatiques, rapports secrets, lettres particulieres de 1790 a 1796, t.I. Stockholm, 1919, p.328.
- 9 «Архив князя Воронцова», т. IX, стр. 262 (письмо С.Р. Воронцова от октября 1792).
- 10 ЦГАДА, ф. 188, д. 1163, л. 80 (письмо от ноября 1792).
- 11 Гос. Историч. Музей. Отдел рукописей, фонд Куракиных, Д. 996, л. 87 (письмо А.Б. Куракина от декабря 1792).
- 12 «Архив князя Воронцова», т. IX, стр. 320 (письмо С.Р. Воронцова от августа 1793).
- 13 Там же, стр. 269 (письмо от ноября 1792).
- 14 «Архив князя Воронцова», т. IX, стр. 268 (письмо от ноября 1792).
- 15 «Политический журнал», 1793, т. I, стр. 3—7.
- 16 ЦГАДА, ф. 188, д. 1163, л. 97 (письмо от октября 1792).
- 17 Там же, л. 115 (письмо от декабря 1792).
- 18 К.П. Пигарев Творчество Фонвизина. М., 1954, стр. 255.
- 19 «Московский вестник», 1809, ч. 1, стр. 89.
- 20 А. Карамышев. Глас истины или доказанное зло безверия я вольнодумства. ЦГАЛИ, ф. К1338, оп. 2, д. 128, л. 14.
- 21 И.П. Тургенев. Дневниковые записи (осень 1792). ЦГАЛИ, ф. 501, д. 2, л. 2.
- 22 «Аглая», кн. II. М., 1795, стр. 64.
- 23 ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. XVI, д. 582, ч. III, л. 135.
- 24 «Русский архив», 1876, кн. III, стр. 277, 284.
- 25 «Исторический вестник», 1883, кн. 1, стр. 225—226.
- 26 «Аглая»; кн. II, стр. 67.
- 27 «Московские ведомости», 1792, № 85, стр. 1382.
- 28 «С.-Петербургские ведомости», 1792, № 93, стр. 1810-1811.
- 29 Там же, № 94, стр. 1828, 1829.
- 30 Там же, № 96, стр. 1876.
- 31 Там же, стр. 1873.
- 32 «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских...». М., 1873, кн. 3, стр. 150—151.
- 33 «Разговор в царстве мертвых...», М., 1793, стр. 33.
- 34 «Разговор в царстве мертвых...», стр. I—II.
- 35 ГИАМО, ф. 16, оп. 3, д. 14, л. 1 (письмо генерал-прокурора А.Н. Самойлова от ноября 1793).
- 36 «Разговор в царстве мертвых...», стр. 32—33.
- 37 Там же, стр. 48, 83.
- 38 «Разговор в царстве мертвых». Стр. 80-81.
- 39 Там же, стр. 48, 66.
- 40 Там же, стр. 83.
- 41 Там же, стр. 132.
- 42 К.В. Сивков. Г.И. Попов — представитель передовой общественной мысли в России конца XVIII века. «Вопросы истории», 1947, № 12, стр. 84, 85; а также Л. Светлов. А.Н. Радищев и политические процессы конца XVIII века. Сб. «Из истории русской философии XVIII—XIX веков». М., 1952, стр. 48.
- 43 Н.Г. Скопин. Указ. соч., стр. 176—177.
- 44 См. Л.В. Крестова. Из истории журнальной деятельности Н.И. Новикова. «Исторические записки», № 44 М., 1953.
- 45 «Зритель», 1792, ч. 1, стр. 189.
- 46 «Дело от безделья, или Приятная забава», 1792, ч. 1, стр. 43.
- 47 «Еженедельник, или Собрание разных философических, исторических, физических и нравоучительных рассуждений...» М., 1792, № 13, стр. 195, 197.
- 48 «Дело от безделья, или Приятная забава», 1792, ч. 1, стр. 11, 13.
- 49 «Зритель», 1792, ч. 1, стр. 219.
- 50 «Любопытный разговор в царстве живых» М., 1793. стр. III.
- 51 «Благоразумие, соединенное с добродетелью, или Политика мудрого» М., 1795, стр. 100.
- 52 «Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах». СПб., 1793, стр. 12—13.
- 53 В.И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 110.
- 54 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 86.
- 55 ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. VII, л. 2812, ч. III-2, л. 260.
- 56 «Вестник Европы», 1802, № 1, стр. 6.
- 57 ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. VII, д. 28:3, л. 156.

58 И.М.Полонская. И.Г.Рахманинов. М., 1954 (рукопись), л.87 и др.

59 См Д.С.Бабкин. Указ.соч., стр.75.

60 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.VII, д.2813, л.179,

61 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.VII, д.2813, л.202,

62 Там же, л.5.

63 Там же, л.202.

64 Там же, л.199.

65 Там же, л.186.

66 Там же, л.37.

67 См. Н.Чулков. Ф.В.Кречетов — забытый радикальный публицист XVIII века. «Литературное наследство», т.9—10, 1933; Л.Светлов Указ.соч.; К.В.Сивков, С.В.Папаригопуло. О взглядах Федора Кречетова. «Вопросы истории», 1956, № 3.

68 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.VII, д.2797, лл.3, 11; а также ГИАМО, ф.16, оп.3, д.12, лл.6, 7, 10.

69 А.Т.Болотов. Памятник протекших времен..., М., 1875, стр.15.

70 «Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских Переменах», стр.5.

71 А.В.Храповицкий. Указ.соч., стр.246.

72 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т.23, СПб., 1830, стр.402—404 (Указ Я? 17101).

73 «Политический журнал», 1793, т.II, стр.8—38.

74 Там же, стр.9.

75 ЦГАДА, ф. 188, д. 3708, л.30 (письмо А.М.Голицына от февраля 1793 г.).

76 А.Т.Болотов. Записки, т.IV, стр. 1077.

77 И.О.Острожский-Лохвицкий Указ.соч., стр.334.

78 А.А.Васильчиков. Семейство Разумовских, т.III, СПб., 1882, стр.137 (письмо от февраля 1793 г.).

79 «Архив князя Воронцова», т.IX, стр.309 (письмо от июня 1793).

80 Там же, т.XVIII, стр.80 (письмо от июля 1794).

81 «Литературное наследство», т.29—30, стр.375.

82 С.Ф.Ph.Masson. Указ.соч., т.II, стр.189.

83 «Наблюдатель», 1887, № 11, стр.314.

84 «Новые ежемесячные сочинения», ч.LXXX, февраль 1793, стр.4—7.

85 Там же, стр.96—97.

86 «Новые ежемесячные сочинения», ч.LXXXI, март 1793, стр.25—26.

87 «Достопамятные деяния и свойства души Людовика XVI...», СПб., 1793, ч.I, стр.I, III, IV, ч.II, стр.55, 112, 115.

88 П. Икосов. Дифирамб... СПб., 1793, стр.4, 12, 13.

89 «Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах», стр.1, 2, 4, 5, 12—16 и т.д.

90 «Послание к французам от некоего доброжелателя Франции...» СПб., 1793, стр.18, 21, 22, 26, 27, 28,

91 «Разговор откупщика с господином...», Калуга, 1794, стр.3, 4, 5, 21.

92 «Любопытный разговор в царстве живых...», стр. II.

93 И.В.Лопухин. Изображение мечты равенства и буйной свободы с пагубными их плодами. М, 1794, стр.14, 22,

94 И.В.Лопухин. Излияния сердца, чтущего благость единоначалия... Калуга, 1794, стр.17, 15, 20, 21.

95 «Хаос есть следствие света». Тамбов, 1793, стр.25—26.

Глава 5. ОТНОШЕНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА к ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЕ

I

Весной 1793 г. вооруженные силы европейских монархов вновь вторглись на территорию Франции, в Вандее вспыхнул мятеж, Дюмурье изменил, контрреволюция зрела в рядах крупной буржуазии. Шла ожесточенная борьба между Горой и Жирондой, окончившаяся событиями 31 мая—2 июня 1793 г., когда под напором масс жирондисты покинули Конвент и была установлена якобинская диктатура, принявшая характер «диктатуры общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии»¹.

Накануне и в начале якобинской диктатуры царское правительство под угрозой дальнейшего распространения революции в Европе готовилось принять непосредственное участие в организуемой новой кампании против Франции; 25 марта 1793 г. между Петербургом и Лондоном была подписана «конвенция относительно общих действий России и Англии против Франции», согласно которой обе державы обязывались оказывать друг другу помощь в продолжение всей войны, не начинать мирных переговоров без согласия обеих сторон. В этой конвенции говорилось также об установлении объединенными морскими силами экономической блокады французских берегов. Одновременно шли дополнительные переговоры, усиленно обсуждались финансовые

вопросы, связанные с расходами на предстоявшие военные действия: предвиделось участие в операциях против Франции русского корпуса, который должен был действовать совместно с вооруженными силами Англии и отрядами французских эмигрантов. Верховное командование намечалось передать младшему брату Людовика XVI, графу д'Артуа, «с тем, чтобы приободрить здравомыслящих [в их желании] объединиться и стать под знамя французских принцев [и таким образом] призвать к раскаянию слабых и заблудивших и обескуражить злых, предлагая прощение и амнистию всем, кто по доброй воле сам вернется, и исключая лишь негодяев, которые несомненно участвовали в отвратительном убийстве покойного короля...»²

В связи с предстоявшими операциями весной 1793 г. в Петербург по приглашению императрицы приехал граф д'Артуа. Его приезд должен был способствовать укреплению дружбы и союза между западноевропейскими реакционными силами и русским дворянством. Появление в Петербурге брата казненного короля произвело большое впечатление среди придворной знати. По рассказам графа Ф.В.Ростопчина, особенно петербургские дамы «безумствовали..., стремясь удостоиться великой чести быть замеченными принцем Бурбонским»³. Екатерина II, делаясь впечатлениями о своем госте, писала: «Я нашла его таким, каким хотела, сговорчивым, с возвышенной душой, добрым и благородным сердцем». Неделю спустя она вновь писала: «Я верю в его мужество и отвагу; не было бы счастья, да несчастье помогло, и вправду сказать — Генрих IV знал не больше его»⁴. Переговоры между царским правительством и французским принцем проходили в дружеской обстановке. Всегда хорошо осведомленный о настроениях, царивших во дворце, граф П.В.Завадовский писал: «Желаем, чтобы сии принцы (он имел в виду графа д'Артуа и графа Прованского. — *М.Ш.*) главную роль имели и чтобы, нашему соучастию преимущественно одолжалось восстановление престола во Франции. Вот быт и цель настоящего стремления»⁵.

Неожиданная измена Дюмурье, казалось, расчищала путь к осуществлению задуманных планов и ускоряла отъезд графа д'Артуа в Англию. Накануне расставания Екатерина II в торжественной обстановке лично передала французскому принцу миллион рублей для начала военных действий, а также вручила ему шпагу с вправленным в рукоятку брильянтом и с выгравированной на лезвии надписью на русском языке: «С богом за короля». Предварительно эта шпага была «освящена» в Александро-Невской лавре митрополитом Гавриилом, призвавшим бога сокрушить рождавшийся новый век. «Я бы вам ее не дала,— сказала императрица, передавая гостю шпагу, — если не была бы уверена в том, что вы предпочтете погибнуть, нежели отказаться ею воспользоваться»⁶. Сопровождавший принца граф Вобан рассказывает, что присутствовавшие при этом поняли, что за этим словом скрывалась надежда на скорое и удачное завершение задуманного похода против революции. «Мой отъезд торжественен, — писал граф д'Артуа, — и мне остается только закончить то, что так хорошо началось»⁷.

Но дворянская интеллигенция в большинстве своем не разделяла надежд императрицы и французских эмигрантов на быстрое подавление революции, на возврат к старым порядкам. «Мы плачем, взоры наши на него («страшное позорище». — *М.Ш.*) обращая, плачем! — писал М.М.Херасков. — Но ни зла общего отвратить, ни зверства народного укрощать сил не имеем»⁸. Бессилие старого в борьбе с нарождавшимся новым все больше сознавалось дворянскими кругами и страшило их. Возобновившиеся военные действия против Франции и даже временные успехи генералов коалиции не вселяли больше уверенности в скорую победу. Для многих становилось все более очевидным, что даже при военных неудачах республиканских войск «мысли никогда или очень долго не переменятся»⁹. Граф Завадовский с горечью говорил: «Бог один ведает, чем и когда угаснет сей пламень ада!»¹⁰

Мечты о победе старого над новым все чаще сменялись мечтами о мире. Но какой мир и с кем? «Так же глупо надеяться укротить сильный многочисленный поднявшийся целиком народ, — восклицал граф А.И.Морков, — как и мечтать о мире с ним до тех пор, пока он не преобразуется...» Как бы отвечая на все громче раздававшиеся вопросы, Морков писал: «Как и с кем заключать мир? То ли покориться порядку, установленному в несчастной Франции? То ли вступить в переговоры с Робеспьером и ему подобными? Тогда гильотина очень быстро порешит с головами тех, которые подписали бы такой мир... и всякий, кто думает иначе, — дурак или сообщник якобинцев...»¹¹

Для крепостников-феодалов мир с якобинцами был невозможен, но в то же время обреченность старых порядков изо дня в день становилась для них все более очевидной. «Смутное положение дел в Европе, при адской развратности века сего являет к несчастью», — писал фаворит императрицы граф П.А.Зубов, указывая при этом, что рушится все то, «на чем до сих пор основано было спокойствие, уверенность и благоденствие сколь личное, столь и общественное народов в Европе обитающих...»¹² Казалось, почва уходила из-под ног привилегированного класса. «Мы уже устали от этой революции», — писал граф Ростопчин в июле 1793 г.¹³; «Мы устали слушать разговоры только о войне, только о революции», — вторил ему граф Кочубей¹⁴. Страх перед грядущим волновал дворянские сердца: «Век просвещения! — восклицает с горечью Н.М.Карамзин, — я не узнаю тебя — в крови и пламени не узнаю тебя — среди убийств и разрушения не узнаю тебя!»¹⁵ В своем письме к И.И.Дмитриеву в августе 1793 г.

Карамзин писал: «Ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою. Бегу в густую мрачность лесов, но мысль о разрушенных городах и погибели людей везде теснит мое сердце»¹⁶. Но уйти от действительности было невозможно, и «густая мрачность лесов», где искал покоя Карамзин, не могла укрыть русских помещиков от окружающей их международной политической обстановки. Им казалось, что в глазах своих крепостных они читали те же стремления, которые на западе Европы рушили устои феодального общества. «Нельзя сокрыть, — писал в марте 1794 года граф П.А.Зубов, — чтобы пагубный пример сих ненаказанных злодеев и цареубийц, самовластвующих в столь сильном государстве, каково есть французское, не имел предосудительного влияния над многими подобными им развращенными, кои повсюду водятся...»¹⁷

Если Н.М.Карамзин писал, что гамбургские газеты, извещавшие «об ужасном безумстве наших просвещенных современников», он предпочитал читать по утрам, чтобы спать «ночь покойным сном»¹⁸, то многие другие вовсе перестали их читать, стремясь не думать о грозных событиях, современниками которых они являлись. Но эти события последовали и сообщения печати заменялись волнующими рассказами прямых очевидцев революции — французских эмигрантов.

После победоносного вступления республиканских войск на территории европейских монархов сотни напуганных французских эмигрантов «как пчелы»¹⁹, толпами бежали из Кобленца, из Вормса в Россию, под защиту русского самодержавия. Они искали убежища в семьях русского дворянства, где их принимали с распростертыми объятиями, поручая им часто воспитание молодого поколения. Представитель французских принцев в Петербурге, граф Эстергази, писал своей жене, что «Россия является тем местом земного шара, где здравомыслящие французы пользуются наибольшим уважением и наибольшей безопасностью»²⁰. К 1793—1794 гг. французских эмигрантов появилось в России столько, что «скоро в самых отдаленных губерниях всякий небогатый даже помещик начал иметь своего маркиза»²¹.

Эмигранты приносили с собой в русские дворянские семьи беспредельную ненависть к революции, к народу. Как красочно выражается А.И.Герцен, «революцию в барские дома несли нам на подошвах своих заклятейшие враги ее — эмигранты...»²² Они рассказывали русским помещикам об «ужасах» народного гнева, о сожженных замках, о заложниках в парижских тюрьмах, о людях «третьего чина» как о зачинщиках этой революции и о той опасности, которая нависла над всей монархической Европой. «Происшествия эмигрантов, — писал Ростопчин в марте 1794 г., — превосходят волшебные сказки», и тут же добавлял, что «невероятно, до какой степени всюду развращены и взволнованы умы»²³.

Наслушавшись рассказней эмигрантов, русские дворяне все больше проникались убеждением, что причины революции заключаются в «размножении городов»: «зарождающиеся в городах тунеядцы и презрительнейшие негодяи, в оных скопляющиеся, читают беспрепятственно, что люди родятся вольными и что они все равны»²⁴. Именно в представителях разночинной интеллигенции они видели людей, зараженных «бунтарским духом»²⁵, подстрекающих народ «к различным околичностям»²⁶, и приходили к выводу, что «столичные города в великих государствах подобны гнилым корням, от которых дерево упадет», что из городов исходят пороки; из деревни приходит добродетель; деревни производят города, города разоряют деревни»²⁷.

Эти мысли не были новыми, их высказывали и прежде. Но теперь, в свете революционных событий в Европе, они приобрели острый политический смысл. Казалось, дворянские умы признавали необходимость задержать развитие в городах промышленности и торговли, так как это развитие неизбежно влекло за собой рост «третьего сословия» и стремление к насильственному свержению феодального строя. Весной 1794 г. этот вопрос особо обсуждался в Вольном экономическом обществе, где Ф.О.Туманский в пространной речи указывал русским помещикам на вред оброчной системы, заставлявшей крестьян идти искать себе пропитание в городах, от чего «родится [в них] любовь к праздности и роскоши, пренебрежение сельския жизни и, следственно, гибель общая». Он призывал помещиков применять в сельском хозяйстве новые методы производства для повышения производительности крепостного труда: «Хозяин не токмо владетель избытков своей деревни, но и отец своих поселян». В этом он видел «цель благоразумия: се польза и услуга отечеству»²⁸.

II

В дни якобинской диктатуры «Политический журнал» оставался единственным печатным органом в России, который изредка еще помещал краткие сообщения о ходе событий во Франции. Что же касается двух столичных газет — «С.-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей», то они вовсе перестали писать о положении во Франции. Над «С.-Петербургскими ведомостями» был установлен строгий контроль, осуществлять который было поручено лицам, близко стоявшим к императрице. Относительно второй столичной газеты куратор Московского университета официально уведомлял в ноябре 1793 г., что в «Московские ведомости» «вносятся артикулы из одних только гамбургских ведомостей, да и то такие, которые уже в петербургских

газетах напечатаны», и что «отнюдь никаких анекдотов, до революции французской касающихся, печатано не было»²⁹.

Известия о европейских политических событиях, помещавшиеся на страницах «Московских ведомостей», дословно перепечатывались из «С.-Петербургских ведомостей» с опозданием на две или три недели. Как уже говорилось выше, в этих известиях французские события уже больше не находили своего отражения. В 1793 г. современники жаловались: «Газеты наши издавна мало нам сообщают нового. Мы уже привыкли ничего не знать, что делается и знаем что-нибудь, так уж из известий, сообщаемых нам иностранными ведомостями»³⁰. Но и эти сведения становились все более редкими. Указ от 8 февраля 1793 г. запрещал также «ввозить в Россию ведомости, журналы и прочие периодические сочинения, во Франции издаваемые»³¹. Периодическая печать других стран также поступала редко из-за цензурных преград, за исключением разве лишь сугубо реакционных гамбургских газет.

В портовых и пограничных таможнях была установлена цензура для проверки литературы, поступающей из-за границы. Все издания, «имеющие какое-либо отношение к французской революции и способствующие только сохранению в памяти преступных злодеяний, которым предавались крамольники, терзающие Францию уже пятый год»³², отбирались и сжигались тут же, при таможнях. Одновременно в обеих столицах были произведены обыски в книжных лавках, торговавших русской и иностранной книгой, и по предписанию властей были отобраны все издания, «клонящиеся к развращению или относящиеся к правлению, а паче к французской революции или к кончине покойного короля французского»³³. Приблизительно в одно и то же время было сожжено в Петербурге и в Москве несколько сот книг, среди которых оказались и такие, которые вовсе не имели отношения к революции или, если и имели, то очень отдаленное. По этому поводу один из крупных чиновников екатерининской администрации говорил: «Пусть лучше сотня хороших книг будет сожжена, чем проникнет одна, в которой нашлась хотя бы фраза, имевшая мало-мальски революционный смысл»³⁴.

Одновременно власти изучали содержание многих русских сочинений, вызывавших подозрение в правящих кругах. Летом 1793 г. началось громкое дело по поводу издания трагедии Я.Б.Княжнина «Вадим Новгородский». Трагедия была написана в 1789 г., ее автор скончался в январе 1791 г. В 1793 г. рукопись была приобретена книготорговцем Глазуновым, который, получив соответствующее разрешение, напечатал ее отдельным изданием. Одновременно она была включена и в 39-ю часть «Российского феатра». Оба издания печатались в типографии Академии наук, находившейся в ведении княгини Е.Р.Дашковой. В «Вадиме Новгородском» Княжнин дал образ республиканца — воплощение крайнего дворянского свободомыслия 80-х годов. Содержание трагедии построено на противопоставлении «просвещенной» монархии республике. В лице Рюрика автор изобразил мудрого правителя, «отца народа», о котором столько говорилось и писалось в XVIII в. Республиканец Вадим говорит, что сколь ни «прелестна власть» просвещенного монарха, она в конечном итоге является властью насилия, ибо «самодержавие повсюду бед создатель... дает свободу быть тираном царям». Княжнин спрашивает: «Какой герой в венце с пути не совратился?.. Кто не был из царей в порфире развращен?», и делает далеко идущие выводы — о том, что самодержавие унижает достоинство истинного гражданина, несет несчастье и несовместимо со стремлениями «сына отечества». Для того даны патриоту «сердце, чтоб дерзать, и руки, чтоб разить», — борясь с самодержавием. Тем не менее народ в трагедии Княжнина изображен как пассивная сила, не предназначенная для решающих действий.

Если в 1789 г. Княжнин мог в какой-то мере рассчитывать на постановку своей трагедии, то в 1793 г. одно появление трагедии на страницах академической печати вызвало со стороны властей бурю негодования и много толков в обществе, а «княгиня Дашкова получила серьезную головомойку»³⁵. Правительство и дворянство усмотрели в сочинении Княжнина призыв к революции. Началось следствие, были допрошены книготорговец Глазунов, сыновья Княжнина и лица, ранее ознакомившиеся с содержанием пьесы. В книжных лавках были отобраны все оставшиеся экземпляры «Вадима Новгородского». Текст трагедии был изъят из 39-й части «Российского феатра», Согласно указанию императрицы, сенат вынес решение: «Оную книгу, яко наполненную дерзкими и зловердными против законной самодержавной власти выражениями, а потому в обществе Российской империи нетерпимую, сжечь»³⁶. Приговор был приведен в исполнение. Небольшое количество экземпляров, которое осталось на руках, быстро переписывалось и распространялось в рукописях, увеличивая количество русской нелегальной литературы. Один из дворянских графоманов, богач и самодур Н.Струйский, писал в связи с этим: «якобинца зло в России до такой степени возросло...», что появился «прегнусный Вадим...» — источник «вольномудства и безначалия»³⁷. Княжнин был причислен Струйским к «авторам развращенным», подобным тем, которые подготовили революцию во Франции.

Не успело еще утихнуть волнение, вызванное появлением в печати «Вадима Новгородского», как в январе 1794 г. было начато расследование по поводу поступивших в продажу первых четырех томов «Полного собрания всех до ныне переведенных на российский язык сочинений г. Вольтера». Издателем, редактором и в значительной мере переводчиком этих томов был И.Г.Рахманинов, друг И.А.Крылова, имевший ранее литературные связи с Радищевым. В 1791 г. под давлением полицейских властей Рахманинов должен был покинуть Петербург и поселиться в своем имении Казинке Тамбовской губернии, куда им была перевезена небольшая типография, приобретенная несколько раньше у друга Ф.Кречетова — книготорговца М.Овчинникова. Издание полного собрания сочинений Вольтера было рассчитано на 20 томов; печатание производилось под личным наблюдением Рахманинова, очевидно, при участии крепостных и с помощью местного землемера, бывшего студента Московского университета, писателя и переводчика Я.П.Благодарова. Первые три тома были напечатаны еще в 1791 г., а 4-й — в 1793 г. Кажется мало вероятным, чтобы назначение к продаже всех четырех томов одновременно, осенью 1793 г., имело случайный характер. Именно в этот период политическая обстановка в стране была наиболее напряженной. Правящие круги и дворянство с ужасом убеждались в несокрушимости нового, буржуазного строя и твердили на все лады, что «Омары, Нероны, Атиллы и все злодеи вкупе не могли произвести столько зла, сколько произвел один Вольтер»³⁸. Для них он был человеком, открывшим «бездну кипящей крови»³⁹.

Известие о появившемся на книжном рынке обеих столиц «Полном собрании всех до ныне переведенных на российский язык и в печать изд. сочинений г.Вольтера» было встречено с тревогой в правящих кругах Петербурга. Генерал-прокурор граф А.Н.Самойлов писал: «Как оные [книги] суть вредны и развращением наполненные, то ея императорское величество повелеть соизволила оные здесь и в Москве у книготорговцев конфисковать, коих несколько уже отобрано»⁴⁰. Типография Рахманинова была опечатана, имевшиеся у него книги в количестве 5205 экземпляров изъяты, типографщики арестованы, сам Рахманинов был допрошен о причинах, побудивших его заниматься деятельностью, которая «не служит к благу наставлению людей».

Хотя напряженность политической обстановки в стране усиливалась и полицейский произвол становился неограниченным, книги, брошюры, журналы, издававшиеся во Франции, продолжали тайно проникать в Россию. Их привозили в своих вещах приезжавшие из-за границы путешественники, их пересылали запрятанными среди различных товаров.

Так, например, известно, что рижский книготорговец И.Ф.Гарткнох, «обходя цензуру», получал из Германии «запрещенные книги, которым прокладывал путь в глубь страны»⁴¹. Учитывая объем поступавшей к нему из-за границы литературы, а также его дружеские отношения с таким крупным столичным продавцом иностранной книги, как Г.И.Клостерман, можно предположить, что по этому каналу поступало в Россию немало книг и журналов о революций, приносящих книготорговцам значительную выручку. Местные, рижские власти считали, что «еще до введения ныне установленной цензуры Гарткнох ввозил книги, печатавшиеся во Франции с самого начала революции», и что благодаря этому он имел связи «с некоторыми весьма опасными людьми, стремившимися изменить весь существующий государственный порядок и принадлежавшими к секте просветителей»⁴². Гарткнох навлек на себя прямые преследования со стороны полиции из-за того, что стало известно о получении им из Германии «мимо цензуры, по листам, по одиночке»⁴³. «Революционного альманаха», выходившего с 1793 г. в Геттингене и посвященного исключительно революционной тематике. Хотя это издание было реакционным, в нем помещались интересные подробности о революционных событиях с иллюстрациями, печатались биографии революционных деятелей с их портретами и т.д.

Чем реже появлялись французские книги, тем больше был на них спрос на книжном рынке обеих столиц. В Петербурге, по данным полиции, их можно было достать в книжных лавках «у братьев Ге, у Клостермана и у Вейтбреха»⁴⁴; в Москве у Бабера и у Куртене также имелись «книги о революции французской и сочиненные во время оной»⁴⁵. Эти издания покупались из-под полы у книготорговцев и передавались из рук в руки. Некоторые из них переводились на русский язык и в рукописях доходили до более широкого круга читателей. В.С.Кряжев, писатель и переводчик из крепостных, бывший воспитанник Московского коммерческого училища, передает, что, будучи проездом в Москве, в середине 90-х годов, он встретился с местным купцом Кирьяковым; разговор зашел о том, «что не позволено выписывать французские газеты», поэтому трудно получить их. При этих словах «он, Кирьяков, вынув... картинку под названием «Курье»... подал мне», желая, по-видимому, показать, что вопреки запрету на французские революционные издания они все же имеются в Москве, и получить их можно. Что собой представляло переданное Кряжеву издание, теперь установить трудно.

По-видимому, речь идет об иллюстрированном французском издании, которое полицейские власти сочли опасным и охарактеризовали как «...неблагопристойного содержания, могущее произвести различный толк»⁴⁶.

Кроме книг, в Россию провозились секретно также французские эстампы на революционные темы и злободневные карикатуры, вошедшие в моду у парижан. Они имелись в Петербурге, где ими торговали нелегально⁴⁷. В Москве, в лавке у итальянца Роспини, их было найдено 215 экземпляров. Некоторые из этих литографий, попадавших в Россию в ограниченном количестве, тайно перепечатывались в русских типографиях. В ноябре 1793 г. в Москве обнаружены эстампы «Прощания короля с фамилией» и «Смерть короля французского»⁴⁸. Как удалось установить полиции, эстамп, изображавший казнь Людовика XVI, перепечатывался в сенатской типографии «по повелению содержателя типографии»⁴⁹. В.И.Оорокова. Выяснилось, что для этой цели Оороковым был привезен в Москву из Петербурга гравер Н.И.Соколов, «где он был помощником у Скородумова», умершего в 1792 г. В Москве Оороков «удобно его поместил в сенатской типографии»⁵⁰, где Соколов вырезывал для него доску с революционного эстампа, оттиски которого затем продавались тайно «по разным людям»⁵¹.

Французские революционные эстампы и карикатуры, повидимому, получили довольно широкое распространение в России, поскольку современники отмечали их появление в самых различных местах страны. Так, например, в Твери у проживавшего там итальянского торговца Голлени осенью 1793 г. имелось до 20 эстампов «Казни королевской»⁵². В Саратове, как передавал протоиерей Н.Г.Скопин, ему в руки попала известная французская карикатура, изображающая Екатерину II, австрийского императора и прусского короля, раздирающих между собой карту Польши (1792). Скопин пишет, что «много подобных им штук слышно в России. Но о них следует умолчать, так как очень многие такового рода изображения измышлены и пущены в ход не для возбуждения смеха, но для причинения оскорбления, что обыкновенно служит доказательством не благоразумия, а дерзости»⁵³. О том же свидетельствует и А.Т.Болотов, указывая, что «никогда не было в народе и в Москве столько едких сатир и пасквилей, как ныне» (речь идет о 1793—1795 гг.)⁵⁴. Некоторые из этих карикатур проникли в русский лубок, принимая характерные для него образительные формы, и таким образом становились доступными широким слоям населения⁵⁵.

Говоря о распространении в эти годы революционных карикатур и литературы, И.Г.Скопин писал, что «идут подобные нелепости к нелепым»⁵⁶, указывая тем самым на наличие в России таких людей, политические настроения которых перекликались с идеями революции во Франции на самом высшем этапе ее подъема. Об этом свидетельствуют и многие другие современники, говоря о «дерзновенном духе своевольтства»⁵⁷, проникнувшем в непривилегированные слои населения. По рассказам реакционно настроенных очевидцев, эти слои проявляют особый интерес к революции и «с жадностью бросаются на все произведения газетчиков и журналистов, философов, политиков, законодателей...»⁵⁸. Именно в этой среде «люди не имеющие никаких познаний и от одного только тщеславия мнят тем показать остроту своего разума..., закон в шутку превращающие, себя и других влекут в бездну злключения»⁵⁹.

О том, кто были эти люди, каково было их общественное положение, говорят многие современники. В первую очередь они указывают на значительное число «копиистов», переводчиков, мелких служащих, малоизвестных писателей или просто грамотных людей, т.е. всех тех, кто, получив известное образование, не нашли ему соответствующего применения в самодержавно-крепостнической России. Они перебивались на различных незаметных канцелярских должностях и, как передает М.И.Антоновский, «в поте лица своего» переводили, переписывали и сочиняли «для книгопродавцев или плательщиков книги из самой бедной платы для избежания голодной смерти»⁶⁰.

Эта деятельность требовала известного риска, особенно когда переводились, издавались или распространялись в рукописях заведомо запрещенные властями книги. Сам Антоновский в начале 1796 г. претерпел серьезные неприятности со стороны полиции в связи с переведенной и изданной им и его друзьями книгой «Новейшее повествование землеописания всех четырех частей света». В книге содержались смелые оценки экономических и социальных причин французской революции. В частности говорилось, что французские философы «при свете разума открыли права государя и гражданина и доставили всему народу новый оборот в умах», а американская революция «показала... на самом деле те новые правила, кои проповедывали им те философы, и возбудила в них величайшее желание вольности и основанного на правоте постановления (т.е. конституции. — М.Ш.)»⁶¹.

К людям того же направления мыслей современники относили лиц, связанных с издательской и книготорговой деятельностью, а также учителей и учащихся народных училищ, где, по выражению петербургского митрополита Гавриила, «мы видим плачевный и ужасный пример Франции»⁶². Те же настроения отмечались в это время у некоторого числа офицеров, преимущественно выходцев из солдат или обедневшего дворянства, а также среди студентов Московского университета, петербургской Академии художеств и среди семинаристов старших классов. Именно в связи с наличием таких настроений в духовных учебных заведениях в августе 1794 г. петербургский митрополит Гавриил писал митрополиту московскому Платону: «В Московской академии, в триоцкой и перервинской семинариях ученики обучаются французскому языку, но, как опыт доказал, что неблагонамеренные из них знанием сего языка злоупотребля-

бляют»⁶³. Митрополит рекомендовал закрыть класс французского языка, что и было приведено в исполнение. Того же числа аналогичное письмо было направлено и киевскому митрополиту в отношении Киевской духовной академии, где также преподавание французского языка было запрещено⁶⁴.

Известный дворянский писатель М.М.Херасков, указывая на эти настроения, имевшие место среди передовых кругов русской интеллигенции и придававшие остроту классовой борьбе в стране, писал в 1794 г., что «наше отечество во всех своих составах раздвигалось; а безначалием народ дышущий имеет сокровенных своих наустителей, которые в пагубу общую, но ко своим собственным выгодам пружинами сей нестройной махины движут». Далее он говорил, что «кощунство их нравится наглой юности и празднотлюбцам», что они «простерли буйство свое на все состояния, на всякое установление, на связи общежития» и что «появились тысячи последователей наглому лжетолкователю учению», возбуждавшему «дух неуважения на вышний сан царский»⁶⁵. Конечно, у страха глаза велики, и М.М.Херасков, возможно, несколько преувеличивал число передовых русских людей, ставших на путь распространения революционных идей, но нет сомнения, что они далеко уже не были больше одиночками. В 1794 г. граф П.С.Потемкин с тревогой писал, что «последователи их (французов. — *М.Ш.*) учения, обаяющие слепые умы народные мнимою вольностью, умножаются...»⁶⁶

К сожалению, большая часть имен этих людей, высказывавших радикальные взгляды, осталась неизвестной. Случайные сведения, дошедшие до нас, дают скорее представление о среде, в которой эти люди вращались, чем о них самих. Так, например, в кругу лиц, с которыми общались переводчики Коллегии иностранных дел, — бывший студент Московского университета сын канцеляриста И.К.Стрелевский и его друг, также сын мелкого служащего, И.Н.Буйда, — велись разговоры «о нынешних Франции обстоятельствах», о том, что «русские находятся под тяжким игом самовластного тиранства» и что «было бы очень хорошо, если бы Национальный конвент подумал о способе избавления Франции от такого врага (т.е. Екатерины II. — *М.Ш.*), а людей русских от тиранства»⁶⁷. Можно догадываться, что на те же темы беседовали между собой в 1794 г. в Кременчуге некоторые офицеры и канцеляристы, «имевшие между собой дружбу»: майор В.В.Пассек, автор неизданной оды «Вольность», близкой по своему содержанию к творчеству Радищева, в которой он призывал стать на защиту «народа россов», брат «с французов... в сем пример» и истребить царский «род кичливый»⁶⁸; канцелярист П.П.Симонович, переписывавший с рукописного списка «Путешествие из Петербурга в Москву»; офицеры Браун, Миллер, канцелярист Перхов и несколько других лиц. Выяснилось, что среди них «вольные о французских делах разговоры производимы были»⁶⁹. По-видимому, тот же круг вопросов затрагивал и отставной прапорщик из солдат И.Т.Рожнов, когда в Петербурге в семье канцеляриста Смирнова рассуждал о том, что «люди по природе все равны», а «государи все тираны, злодеи и мучители, и что ни один совершенно добродетельный человек не согласится быть государем»⁷⁰. Несколько позже выяснилось, что в Уманском уезде Киевской губернии некто С.Познанский — из обедневших дворян, служивший «в разный домовых должностях у помещиков», высказывал мнения, «которые явно наполнены духом бунтовничьим, вперяя слушателям мысль столь негодную и дерзновенную, удерживающую совершенно сторону якобинцев... и прочих французских мятежников». Он говорил людям своего круга: «На что нам коронованные головы... на что те господа магнаты», и «лучше будет, когда те магнаты пропадут, примерно, как во Франции с ними сделалось, а мы в то время будем равны и вольны...» При этом Познанский утверждал, что не только на Украине «есть уже такие, которые только ожидают времени и зачинщиков», но и «среди самой Москвы и в войске и даже в самой столице Петербурге довольно есть таких, что знают, яко лучше быть вольным, нежели под абсолютным монархичным владением»...⁷¹

В среде передовых людей в столицах и в провинции в дни якобинской диктатуры, да и в следующий период, создавалась и распространялась в рукописях подпольная литература — политические памфлеты, или, как их тогда называли, «подметные письма». Эти сочинения выдвигали наиболее острые вопросы, стоявшие в те дни перед передовыми людьми России. В одном из таких сочинений, обнаруженных в Петербурге в 1794 г., автор говорил о тяжелой доле образованных людей в крепостнической России — тех, которые учились, кончали университеты, приобретали «все возможные знания», а затем «определены к местам копиистами»; автор писал, что «большая часть ученых претерпевает равную... участь»⁷².

В другом рукописном сочинении, «Благовесть Израилю Российскому», нелегально ходившем по рукам в западных областях России, были затронуты самые болезненные вопросы того времени: о правах на имущество, о земельной собственности, об исторических причинах, породивших дворянство и крепостное право, о правах человека и необходимости создания в стране нового государственного и общественного строя, при котором можно будет «народ весь российский и славянский из крепости освободить» и благодаря которому «все звания дворянские, господские, графские, княжеские вовсе уничтожаются»⁷³.

Вместе с «подметными письмами» в эти годы стали ходить по рукам рисунки, представлявшие собою шаржи на двор и дворянство. А.Т.Болотов отмечал в 1796 г., что «вошел и у нас манер осмеивать и ругать знатных картинами»⁷⁴. В Петербурге были обнаружены непристойные изображения императрицы. В Москве, как передает Болотов, «более сорока фамилий сим образом разруганы»⁷⁵. В одной из таких карикатур высмеивался командующий Московским гарнизоном князь Ю.В.Долгоруков, владелец крупных винокуренных заводов, возбудивший недовольство населения столицы своим приказом ночью «в домах сделать обыск» для выявления беспаспортных, что вызвало «большой шум» и «встревожило Москву»⁷⁶. Князь Долгоруков был представлен сидящим верхом на бочке с вином, окруженный простым народом, которому он кричал: «Сюда, сюда ребята! вино дешевое, хорошее. Авось не узнают, что я генерал». А князь С.С.Гагарин выгребал лопатой у него из-под ног деньги. Другой московский вельможа — богач граф А.Г.Орлов, содержатель знаменитых конюшен, был изображен погоняющим лошадей с надписью: «Гоняю лошадей, могу гонять и людей»⁷⁷.

По-видимому, власти не ожидали столь резкого проявления «бунтарского духа» среди городского населения России и старались пресечь его суровыми полицейскими мерами. Но полиции было трудно уследить за ходившими по рукам запрещенными книгами, рукописями и карикатурами, а тем более — напасть на след их авторов.

В середине 90-х годов некто Н.Н.Каинов писал крепостному В.А.Маевскому, работавшему в вотчинной конторе князя Салтыкова: как бы «от философских твоих книг не случилось тебе какого несчастья, потому что они в нынешнее время не в моде, и советую тебе подальше их прятать»⁷⁸. Подобные предостережения шли на пользу: московский генерал-губернатор князь А.А.Прозоровский доносил в ноябре 1793 г., что «в таких обстоятельствах... от меня и от полиции крайне остерегаются»⁷⁹. Поэтому властям редко удавалось задержать провинившихся с поличным. Запрещенная рукописная литература была обнаружена в Петербурге у крестьянина на отходе Иевлева, «жившего на бирже»⁸⁰, и у «аудитора гренадерского полка В.Елфимова»⁸¹. В Москве у таганского купца Смыслова были найдены книги о французской революции, которые он держал в ящике, зарытом в земле, опасаясь, «чтоб и у него в доме не сделалось обыску»⁸². Не находя авторов, полиция преследовала лиц, читавших эту литературу, и сами сочинения, как это было, например, в г.Тихвине, где в 1794 г. был публично сожжен на городской площади «перед лицом собрания всех тамошних жителей» найденный политический памфлет, «яко наполненный вредными выражениями»⁸³.

Тайных авторов, переводчиков и распространителей этих запрещенных сочинений власти и дворянство видели в людях, которые «из мещанского и крестьянского состояния происходят..., по счастью или по некоторым отличным душевным дарованиям и познаниям, на несколько ступеней восходят...»⁸⁴ Это они «в шинках и в вольных домах... сими листами занимаются» и, свои «писания распространяя... обольщают или ослепляют простолюдина»⁸⁵. Это они, «которые почитают себя умницами и... особливо в трактирах... громко говорят, как будто избранные от бога проповедывать все его тайны»⁸⁶. Это их имели в виду многие реакционно настроенные современники, считавшие, что «вихрь антихристианского и якобинского клуба вскружил некоторым головы и [влил] яд в тучные жилы нашего тела»⁸⁷. Граф С.Р.Воронцов писал императрице в июне 1793 г.: «Это общее и эпидемическое брожение, которое подтачивает с невероятною яростью все страны»⁸⁸, и новые мысли о преобразовании и общем равенстве... вскружили голову всем людям, относящимся к «третьему сословию». Недоверие у правящих кругов к трудовым слоям городского населения росло и нашло отчасти свое отражение в указе от 1 февраля 1794 г., гласившем, что «отныне и впредь ни в какие по Двору нижние должности, как-то в официанты, камер-лакеи, истопники и работники из вольных и другого разного звания и состояния людей не принимать... а намещать все таковые должности из детей придворных служителей»⁸⁹.

Полиция особенно зорко слетала за жизнью в гостиных дворах Петербурга и Москвы. Очевидцы передают, что гостиные дворы, а также трактиры кишели царскими сыщиками. По ночам производились обыски и аресты лиц, вызывавших подозрение у властей. Один из московских старожилов, В.А.Юни, служивший с 1792 г. в полевом мушкетерском батальоне, рассказывает, что в эти годы ему не раз приходилось стоять на карауле в доме, где помещалась Тайная экспедиция. Он был свидетелем того, как по ночам привозились арестованные, после чего начинался допрос, «о котором свидетельствовали жалобные вопли и крики допрашиваемых»⁹⁰. Среди жертв царской полиции нам известны Г.И.Попов — автор анонимных писем к Екатерине II и А.А.Безбородко, и учитель философии тобольской духовной семинарии П.А.Словцов, выражавшие радикальные взгляды. Они были заточены — один в суздальский Спасо-Ефимьевский, другой — в Валаамов монастырь. Ф.В.Кречетов был признан чрезвычайно опасным государственным преступником и заключен бессрочно в Шлиссельбургскую крепость «так, чтоб он никаких разговоров и сообщения ни с кем не имел и содержан был накрепчайше»⁹¹. Его друг и единомышленник С.Ерков вместе со своими родителями был сослан в Сибирь, а все его имущество конфисковано. Такое же суровое наказание понесли прапорщик Рожнов и ряд других представителей передовых кругов интеллигенции. Многие лица, находившиеся на подозрении у властей, но против которых не

имелось прямых улик, были высланы за пределы столичных городов. В 1794 г. был отстранен от чтения лекций и выслан из России профессор философии Московского университета Мельман, пользовавшийся любовью студентов, слушавших его «с удовольствием»⁹²; он был обвинен властями в оскорблении христианской религии. Из Петербурга были высланы издатели журналов «Зритель» и «С.-Петербургский Меркурий» И.А.Крылов и А.И.Клушин. Та же участь постигла и поэта из крепостных И.А.Майкова, выступавшего в печати под фамилией Розова. Он был отослан к своему помещику Брянчанинову, в Орловскую губернию. В Коломну был переселен преподаватель духовной семинарии переводчик Руссо В.М.Протопопов, который, как он сам пишет, «оставив дом и все», ехал «в жилище бледной бедности»⁹³. Несколько позже был выслан на жительство в Полтаву петербургский книгоиздатель П.И.Богданович «яко беспокойный и упорного нрава человек, не повинующийся властям»⁹⁴.

Как передает Юни, «многие взятые... были ссылаемы»⁹⁵. К сожалению, большинство их нам осталось неизвестно, но, судя по рассказам современников, такие действия полиции применялись в 1793—1796 гг. широко. Реакционные дворянские круги полагали, что таким путем им удастся удалить беспокойных людей от столичных городов, где «жители, будучи беспрестанно побеждены нуждою движения, предаются безрассудным колебаниям», которые «часто опасны, а иногда и вредны»⁹⁶. И.В.Лопухин, выражая настроения правящих кругов, писал в 1794 г., что «адский дух мятежничества, вращаясь в груди единого, более заражает атмосферу тишины и благоденствия общего, нежели тысячи злоупотреблений, неистребимых при сродном заблуждении людей»⁹⁷. Этот «адский дух» подозревали чуть ли не в каждом, кто был грамотен, интересовался международными событиями и не принадлежал к привилегированному классу.

III

27 июля 1794 г. в Париже произошли события, знаменовавшие конец восходящей линии революции. В результате контрреволюционного переворота 9 термидора якобинская диктатура была низвергнута. Пришедшие на смену Горе термидорианцы открыли дорогу к власти крупной буржуазии, которая позднее привела к установлению военной диктатуры, к бонапартизму, ликвидировавшему все те достижения революции, которые были невыгодны крупной буржуазии.

В России, как и в других европейских странах, не сразу поняли смысл переворота 9 термидора; он лишь постепенно начинал воскрешать надежды реакции. Еще в июльском номере «Политический журнал» намекал на существование в Париже заговора против якобинцев и на возможность падения их власти. В журнале говорилось, что, хотя «отчасу возвышается трон... на котором сидит Робеспьер, и... он теперь сильнее, страшнее, зверообразное всех тиранов...», все же «вражда Бурдона и Тальена купно с их сообщниками против Робеспьера и его министров... тлелась как огонь под пеплом»⁹⁸. Следующий, августовский номер журнала восторженно оповещал: «Наконец, пал Робеспьер, человек, который в летописях рода человеческого заставляет забывать всех Катилин, Калигул и Неронов»; здесь же давалось довольно подробное описание парижских событий, причем отмечалось, что «Робеспьер весьма великую часть народа из нижних классов имел к себе приверженными». В заключение журнал приходил к выводу, что «для иностранных [держав] и в рассуждении войны ничего еще не выиграно от нового парижского переворота... Но новые дальнейшие последствия непременно должны наконец доставить истинное добро»⁹⁹. Русские дворянские круги напряженно следили за дальнейшим развитием событий во Франции. «Ожидаем с нетерпением, что еще будет после сего», писал Н.Н.Бантыш-Каменский, тут же добавляя, что «когда якобинский клуб уничтожен и бумаги их все взяты и запечатаны, то есть надежда, что дела должны принять лучший оборот»¹⁰⁰.

Известия о термидорианском перевороте тем более привлекали внимание русских дворян, что молодые республиканские генералы вновь одерживали одну победу за другой и на всех фронтах били видных стратегов монархической Европы. 26 июня 1794 г. при Флорюсе были разбиты главные силы реакции и путь в центральную Европу был открыт. В последующие недели французская армия заняла Бельгию и вышла к границам Голландии. Правящие круги и дворянство все с большей ясностью понимали, что победить революцию силой оружия невозможно.

В свете последних событий, связанных с термидорианской реакцией и победами республиканских войск на фронтах войны, императрица писала, что в отношении контрреволюции лучше положить на самих французов. «Они вернее сделают эту работу, чем все союзники вместе взятые; они уже идут к этому большими шагами»¹⁰¹. Бездарность генералов коалиции и разложение эмиграции были очевидны. Граф д'Артуа, на которого возлагалось столько больших надежд, весной 1793 г. вместо того чтобы возглавить контрреволюционный поход против «непокорной» Франции, не поехал дальше маленького городка Гамма в Пруссии. Русские рубли быстро таяли, скоро пришел черед и для шаги «С богом за короля», освященной раньше в Александро-Невской лавре; она была вынута из ножен и отнесена к местному ростовщику для оплаты очередной партии туалетов графини Поластрон. Все это стало известно в Петербурге и вызвало нескрываемое возмущение в правящих кругах. «Эти люди хотели, чтобы зажаренные жаворонки сами летели бы им в рот, — писала разгневанная Екатерина. — Они имели огромные суммы, и что они с ними сделали? Они жили широко, все съели и ничего не сотворили. Одна я в

в первый год им передала более полутора миллиона рублей»¹⁰². Шведский посол в Петербурге Стединг писал в эти дни: «Общее мнение русских, больших и малых, неблагоприятно французским принцам и эмигрантам»¹⁰³.

Осенью 1794 г. республиканская армия возобновила свое победоносное наступление, заняла Голландию, очистила весь левый берег Рейна; войска коалиции были биты и отступали. Рушились надежды правящих кругов монархической Европы силой штыков подавить революцию, началось новое стремление — окончить безнадежную войну путем переговоров. Базельский мир, подписанный с Французской республикой прусским королем в апреле 1795 г., начавшиеся мирные переговоры между участниками коалиции и Францией создавали в Европе, в частности в России, новую политическую обстановку. «Я сознаю, — писал в январе 1795 г. граф Кочубей, — что принадлежу к числу тех, кто мечтает о мире»¹⁰⁴. Это число росло с каждой новой победой, одерживаемой республиканскими войсками. Становилась очевидной неодолимость нового общественного строя. «Как бы то ни было и чем бы ни кончилась нынешняя война, — писал Н.М.Карамзин в 1796 г., — можно сказать смело, что важные, великие перемены готовятся в политической системе Европы»¹⁰⁵. В своих исканиях новых форм феодально-крепостнических отношений некоторые русские помещики начинали изучать английских экономистов, другие вновь вернулись к физиократам, учение которых «выступает скорее как буржуазное воспроизведение феодальной системы, господства земельной собственности»¹⁰⁶. Князь Д.А.Голицын, верный последователь доктора Кенэ, нашел своевременным в 1795 г. выступить с книгой, озаглавленной: «О духе экономистов, или Экономисты, оправданные от обвинения в том, что их принципы легли в основу французской революции». Само название сочинения говорило о целях автора. Голицын писал, что философы и экономисты «стали предметом омерзения только потому, что почетное имя философа присвоили себе палачи, которые в сущности были ничем другим, как якобинцами, революционерами, пропагандистами, демократами». По мнению автора, «если бы революция 1789 г. ограничилась низвержением самого прекрасного королевства Европы, то зло было бы, конечно, очень большим, но все же имело бы местный характер. Но эта роковая революция имела самые пагубные следствия во всех частях земного шара; она перевернула все понятия, развратила все нации; она опрокинула все преграды, захватила огромные пространства; ее неистовая сила дала себя почувствовать на неизмеримых пространствах, внося в умы смятение и расстройство, следствие и конец которым трудно предвидеть». Обращаясь к монархам и дворянству, Голицын предупреждает, что они «стоят на краю пропасти», и указывает при этом, что только «возрожденный физиократизм» способен обеспечить «личное и общественное благополучие, мир и счастье для всех» и защитить «алтарь, трон, собственность»¹⁰⁷.

Осенью 1795 г. Французской республикой была принята новая, третья конституция, направленная против тех, чьими усилиями и кровью была завоевана революция. Народ вновь был лишен политических прав; вводился высокий избирательный ценз Конвент был распущен, законодательная власть передавалась двум палатам, исполнительная — Директории в составе пяти человек. В результате термидорианского переворота плоды революции достались разбогатевшей буржуазии, установившей в стране свое политическое и экономическое господство, призванное закреплять и защищать буржуазное государство. Уже в своем ноябрьском номере «Политический журнал» приветствовал термидорианский переворот. «Прошедший месяц, — говорилось в нем, — ознаменовался во Франции новою эпохою как в делах внутренних, так и чужестранных. Желательно, чтоб переменявшийся образ правительства возродил в сочинителях журнала то живое участие, которое они принимали прежде в благоденствии прекраснейшего королевства. Форма правительства их не остановит, и они столь же готовы замечать все доброе во Французской республике, сколько неспособны были молчать об ужасах революции, или брать сторону бывших доселе властителей. Но тиранство их уповательно кончилось во Франции». Далее в журнале давались подробности о конституции и о новой государственной структуре Франции и говорилось: «Многие ожидают от нового правительства спасения Франции, ожидают, что нынешние властители приведут в забвение Совет (Конвент — *М.Ш.*), который составлял несчастье Франции и Европы. Мы с радостью будем говорить о том в журнале, когда Франция сделается опять благополучна»¹⁰⁸. Полный текст третьей французской конституции был известен в России и, повидимому, распространялся в рукописях. Один из таких списков, переведенных на русский язык, сохранился в рукописном отделе Государственной библиотеки им.В.И.Ленина в Москве; он озаглавлен: «Конституция Французской республики так, как ее Народный конвент представил французскому народу 3-го года, месяца фруктидора»¹⁰⁹.

«Политический журнал», очевидно, правильно отражал настроения дворянской интеллигенции. Один из юных друзей великого князя Александра Павловича, Чарторижский, передавая чувства, охватившие в те дни сердца столичной знати, рассказывает: «Оправившись от террора, французская республика, казалось, победоносно шла к удивительной будущности, полной благоденствия и славы»¹¹⁰. События во Франции в период подъема буржуазной контрреволюции начинали вновь увлекать русское дворянство, но это уже не было похоже на увлечение революцией в 1789 г., когда происшествия во Франции «рисовали мир в столь же прекрасных, сколь и обманчивых красках»¹¹¹. За истекшие годы многое изменилось в сознании людей, обострилась классовая борьба, дворянство сплотилось вокруг трона, и не было больше места для политических иллюзий. Как писал П.С.Потемкин, «Дантон, Робеспьер, орудие и жертва зверских намерений, от своих казнены, но зло и яд зла существуют»¹¹². Этим «ядом зла» было выросшее под воздействием событий во Франции сознание трудовых слоев населения.

Дворянству было над чем задуматься. Именно в период термидорианской реакции и Директории русский народ с новой силой поставил коренной вопрос о крепостном праве. В 1796—1798 гг. над страной снова встала тень крестьянской войны: деревни, села подымались на борьбу против своих угнетателей, за волю, за землю, вновь запылали дворянские усадьбы. Стихийное возмущение крестьян охватило 32 губернии, где было зарегистрировано 278 восстаний. В Орловской губернии в вотчинах князя Голицына и графа Апраксина шла настоящая война между 16 тысячами вооруженных крестьян, возглавленных Емельяном Черныдыровым, и посланными туда войсками. Во Владимирской, Костромской, Тверской губерниях многие тысячи крестьян поднялись против помещичьего ига. Крестьянские восстания распространились на Поволжье и Урал¹¹³. Напуганное дворянство видело в этом широком народном движении проявление не только исконного «бунтарского духа» крестьян, но и духа французской революции; оно искало опоры в самодержавии. Помещик О.А.Поздеев писал из Вологодской губернии, что в деревне готовится бунт, «весьма похожий на пугачевский, ибо все крестьяне имеют оставшегося от времени Пугачева духа — дабы не было дворян», добавляя при этом, что это есть дух «безначальства и независимости, распространившийся... по всей Европе...»¹¹⁴

Эти два движения — крестьянское в России и буржуазная революция во Франции — объединялись в представлении дворянства в силу того, что в основе их лежали антифеодальные стремления. Крестьянский вопрос был главным содержанием классовой борьбы в России. Поэтому в то время как на Западе в результате термидорианского переворота наметился определенный спад революционного движения, политическая обстановка в России становилась все более напряженной. Усиливалась правительственная реакция. Следовавшие один за другим указы запрещали существование вольных типографий, ввоз из-за границы книг «на каком бы языке они ни были», употребление в разговорной речи слов, напоминавших о революции: «гражданин», «отечество», «патриот», «вольность», «конституция» и т.д. Усилившийся полицейский террор неизбежно ослаблял внешние проявления демократических настроений городского населения. Эти настроения становились трудно уловимыми в мрачные дни царствования Павла. Да и сам ход событий во Франции все меньше давал повода передовым кругам выражать свое сочувствие революции. Тем не менее представители этих кругов в конце 90-х годов обвинялись в том, что достаточно было кому-нибудь из них начать сетовать на социальные и политические несправедливости в России, как «тут тотчас начинают клонить разговор к французской нации и выдумывают множество вздорных толкований»¹¹⁵, т.е. говорят об идеалах революции. В глазах современников республиканский строй во Франции даже после Термидора, в период Директории, продолжал еще оставаться беспощадным обличителем феодально-крепостнического строя России. Современники не сразу смогли понять, что пришедшая к власти в Париже крупная буржуазия, отмежевываясь от народных масс, совершивших революцию, ступила на путь контрреволюции. Только после государственного переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), совершенного Наполеоном Бонапартом, установившим во Франции военную диктатуру, в период Консулата в России открылись глаза у широкого круга людей. Давая с дворянских позиций оценку обстановке в Европе, «Вестник Европы», издававшийся Н.М.Карамзиным, сообщал: «Опасные и безрассудные якобинские правила, которые вооружили против Республики всю Европу... исчезли в самом своем отечестве, и Франция, несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления, есть теперь в самом деле ничто иное как истинная монархия»¹¹⁶.

Такой исход революции горячо приветствовали в России представители привилегированного класса, смертельно напуганные движением народных масс. Эти чувства нашли отражение на страницах «Вестника Европы»: «...Французская революция, грозившая ниспровергнуть все правительства, утвердила их. Если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут назваться благодетельными, то сим благодетельствием мы, конечно, обязаны революции. Теперь гражданские начальства крепки не только воинской силой, но и внутренним убеждением разума»¹¹⁷. Несколько ранее в журнале сообщалось: «Революция кончилась не только во Франции, но и в умах, которые теперь от одних мудрых законных властей ожидают лучшей доли для человечества в гражданском порядке»¹¹⁸.

Другие чувства испытывали наиболее передовые круги русской разночинной интеллигенции, отражавшие в своих стремлениях интересы трудовых и угнетенных масс населения. К сожалению, отсутствие прямых высказываний ограничивает возможность определить с желаемой ясностью настроения этих кругов. Радищев в своей оде, написанной в самом начале 1800-х годов и посвященной «Осьмнадцатому столетию», невидимому, выражал эти чувства, когда со скорбью порицал век просвещения за то, что он сокрушил «корабль, надежды несущий», близкий уже к цели, но поглощенный в водовороте, где погибли «счастье, добродетель и вольность». И если восемнадцатому веку не хватило сил к «изгнанию всех духов ада» и человек продолжает быть «претворен в люта тигра еще», все же это столетие «не будет забвенно, столетие безумно и мудро»; ибо оно вселило в умы понятия «об истине и вольности..., сокрушило... призраки..., идолов свергло», открыло человечеству путь к «истинам новым», в которых Радищев видел залог грядущего «блаженства народов»¹¹⁹.

Михаил Михайлович ШТРАНГЕ

1 В.И.Ленин. Соч., т.11, стр.38.

2 См. П.К.Алефиренко. Указ.соч., стр.227—228.

3 «Архив князя Воронцова», т. VIII, стр. 67 (письма от апреля 1793).

4 Сб. РИО, т.23, стр.581, 583 (письма от апреля 1793).

5 «Архив князя Воронцова», т.XII, стр.84: (письмо от апреля 1793).

6 Comte J.-A.-J. de Vauban. Memoires pour servir a l'histoire de la guerre de Vendee. Paris, 1806, p.24.

7 L.Pingaud. Correspondance du comte de Vaudreuil... t.I. Paris, 1889 (письмо от апреля 1793).

8 М.М.Херасков. Полидор, сын Кадма и Гамонии. М., 1794, ч.1, стр.2-8.

9 ЦГАДА, ф.188, д.3710, л.2 (письмо И.Г.Чернышева от июня 1793).

10 «Архив князя Воронцова», т.XII, стр.117 (письмо от июля

11 А.Васильчиков. Указ.соч., т.III, стр.200 (письмо от августа 1794).

12 Гос. б-ка им. В.И.Ленина. Отдел рукописей, ф.255, д.М4797, Ра 39, л.60 (письмо от марта 1794).

13 «Архив князя Воронцова», т.VIII, стр.71 (письмо от июля 1793).

14 Там же, т.XVIII, стр.97 (письмо от августа 1795).

15 «Аглая», кн.II, стр.68.

16 «Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву». СПб., 1866, стр.42.

17 Гос. б-ка им. В.И.Ленина. Отдел рукописей, ф.255, д.М4797, Ра 39, л.61 (письмо от марта 1794).

18 «Аглая», кн.II, стр.60.

19 «Неизданные страницы записок А.М.Тургенева». «Былое», 1924, № 27—2Р, стр.10.

20 Comte V.Esterhazy. Nouvelles lettres du comte Valentin Esterhazy a sa femme 1792 -1795. Paris, 1909, p.2 (письмо от апреля 1792).

21 Воспоминания Ф. Ф. Вигеля, т.I. М., 1864, стр.138.

22 А.И.Герцен. Полн.собр.соч. и писем, т.XX, Пг., 1923, стр.398.

23 «Русский архив», 1878, кн.1, стр.294.

24 «Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах», стр.13.

25 «Послание к французам от некоего доброжелателя Франции...», стр.26.

26 «Любопытный разговор в царстве живых...», стр.III.

27 См. «Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах», стр.97.

28 «Труды Вольного экономического общества». СПб., 1794, т.49, стр.312, 314, 315.

29 ГИАМО, ф.16, оп.3, д.11, л.3.

30 А.Т.Болотов. Богородский вестник, или Обозрительная история происшествий во всем свете в 1793 году, ч.1. Гос.биб-ка им.В.И.Ленина. Отдел рукописей, ф.178, д.М5962, л.241—242.

31 ПСЗ, т.23, стр.404 и след. (Указ № 17101).

32 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр. XVI, д.582, ч.IV, л.130.

33 Там же, разр.VII, д.2797, л.3.

34 Geschichte der Gefangenschaft des Buchhändlers Hartknoch unter der Regierung Kayser Pauls des I», 1803, S.7.

35 А.А.Васильчиков. Указ.соч, т.V, стр.35 (письмо Н.К.Загряжской от ноября 1793).

36 Л.И.Кулакова. Яков Борисович Княжнин. М.—Л., 1951, стр.82—83.

37 Н.Е.Струйский. Письмо о российском театре нынешнего состояния. Рузаевка, 1794, стр.6, 11.

38 А.Карамышев. Указ.соч, л.62.

39 Московский вестник», 1809, ч.1, стр.92 (письмо П.С.Потемкина от сентября 1794).

40 «Древняя и новая Россия», 1878, кн. I, сто.279.

41 I.Hartknoch. Указ.соч., стр.31.

42 I.Hartknoch. Указ.соч., стр.11, 16.

- 43 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.VII, д.3067, л.4.
- 44 Там же, д.2797, л.37
- 45 Там же, разр.XVI, д.582, ч.IV, л.129,
- 46 ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр.VII, д.3251, лл.174, 198.
- 47 Там же, д. 2797, л.13—14.
- 48 ГИАМО, ф.16, ап.3, д.12, л.10.
- 49 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.VII, д.2797, л.11.
- 50 ГИАМО, ф.16, оп.3, д.12, л.7.
- 51 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.VII, д.2797, л.11.
- 52 «Русская старина», 1913, т.154, стр.627.
- 53 Н.Г.Скопин. Указ.соч., стр.167—168.
- 54 А.Т.Болотов. Памятник протекших времен., стр. 91.
- 55 Д.А.Ровинский. Русские народные картинки, т.I. СПб., 1900, стр.53.
- 56 Н.Г.Скопин. Указ.соч, стр.168.
- 57 М.М.Херасков. Указ.соч., ч.I, стр.260.
- 58 «Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах», стр.4—5.
- 59 «Хаос есть следствие света», стр.25—26.
- 60 [М.И.Антоновский] Записки ученого человека старых времен. «русский архив», 1885, т.I, стр.161.
- 61 «Русский архив», 1912, кн.III, стр.253.
- 62 «Православный собеседник», Казань, 1875, вып.VIII, стр.345.
- 63 С.Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр.311.
- 64 Макарий (М.Булгаков). История Киевской академии. СПб., 1843, стр.156.
- 65 М.М.Херасков. Указ.соч., ч.I, стр.258, 260, 261.
- 66 «Московский вестник», 1809, ч. I, стр.92 (письмо от сентября 1794 г.).
- 67 К.В.Сивков. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII века. «Исторические записки», № 11, 1946, стр.95.
- 68 Л.Светлов. Указ.соч., стр.40—41.
- 69 К.В.Сивков. Читатели и распространители «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н.Радищева в конце XVIII века. «Исторические записки», № 40, 1952, стр.282.
- 70 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.VII, д.2916, л.1.
- 71 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.VII, д.3341, л.2, 3, 5.
- 72 К.В.Сивков. Подпольная политическая литература в России..., стр.83.
- 73 А.Велик и Ю.Кононов. Новый документ по истории русской общественной мысли конца XVIII века, «Вопросы истории». 1948, № 4, стр.108,
- 74 А.Т.Болотов. Памятник протекших времен..., стр.91.
- 75 Там же, стр.92
- 76 ЦГАДА, ф.196, д.1605, л.64, а также ф.Гос.архива, разр.XVI, д.572, 28.
- 77 А.Т.Болотов. Указ.соч., стр.92.
- 78 Д.С.Бабкин. Указ.соч., стр.145.
- 79 ГИАМО, ф.16, оп.3, д.12, л.9.
- 80 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.VII, д.2793, л.1.
- 81 Там же, д.2865, л.1.
- 82 Там же, ф.250, вязка 399, д.5, л.5.
- 83 М.Гернет. Из истории карательной политики царизма второй половины XVIII века. «Советская юстиция», 1939, № 17—18, стр.25.
- 84 «Любопытный разговор в царстве живых...», стр.II—III.
- 85 «Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах», стр.5, 59.
- 86 «Хаос есть следствие света», стр.26—27.
- 87 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.VII, д.2826, л.8.
- 88 ЦГАДА, ф.179, д.371, л.7.
- 89 ПСЗ, т.23, стр.488.
- 90 «Русский вестник», т.25, 1860, стр.644.
- 91 Л.Светлов. Указ.соч., стр.63.
- 92 [Ф.П.Лубяновский]. Воспоминания. 1777—1834. М., 1872, стр.34.
- 93 «Библиографические записки», 1858, № 24, стр.755 (письмо от августа 1795 г.).
- 94 Л.Светлов. Указ.соч, стр.65.
- 95 «Русский вестник», т.25, 1860, стр.644.
- 96 «Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах», стр.94—95.
- 97 И.В.Лопухин. Излияние сердца..., стр.49,

- 98 «Политический журнал», 1794, т.VII стр.37, 49.
99 Там же, т.VIII, стр.30, 65.
100 «Русский архив», 1876, кн.III, стр.395 (письмо от сентября 1794 г.).
101 Сб. РИО, т.23, стр.631 (письмо от апреля 1795).
102 Там же, т.23, стр.694 (письмо от сентября 1796).
103 С.Stedingk. Указ.соч., т.II, стр.152 (донесение от июля 1795 г.).
104 «Архив князя Воронцова», т.XVIII, стр.105 (письмо от января 1795 г.).
105 «русский архив», 1872, стр.1324 (письмо от октября 1796 г.).
106 К.Маркс. Теории прибавочной стоимости, т.1 М., 1954, Стр.16.
107 Д.А.Голицын. 1796, р.1, 3, 4, 20, 21, 23. «De l'Esprit des economistes Brunsvick»,
108 «Политический журнал», 1795, т.XI, стр.74—78.
109 «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им.В.И.Ленина», вып.7. М., 1941, стр.93.
110 «Мемуары князя Адама Чарторижского», т.I, М., 1912, стр.88.
111 R.Ed1ing. Указ.соч., стр.4.
112 «Московский вестник», 1809, ч.1, стр.92 (письмо от сентября 1794 г.).
113 См.Е.Корнеева. Крестьянское движение в России в 1796—1798 гг. (рукопись).
114 «Русский архив», 1869, стр.536—537 (письмо от января 1797 г.).
115 ЦГАДА, ф.Гос.архива, разр.VII, д.3283, л.174
116 «Вестник Европы», 1802, № 1, стр.72.
117 «Вестник Европы», 1802, № 12, стр.315.
118 «Вестник Европы», 1802, № 8, стр.376.
119 А.Н.Радищев. Полн.собр.соч., т.I, стр.127-128.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России, как и в других европейских странах, французская буржуазная революция привела к большому сдвигам в умах людей. Отношение русских современников к революционным событиям во Франции на различных этапах их развития раскрывало основные идеологические течения того времени, различные классовые позиции. В стране обострялась классовая борьба, росло политическое сознание людей.

Многие русские современники из различных слоев населения уже в начале 90-х годов XVIII в. смогли увидеть в буржуазной революции во Франции начало новой исторической эпохи — эпохи ликвидации феодального строя. Революционные события во Франции на первых этапах своего развития вызывали сочувствие как у передовых кругов русской разночинной интеллигенции, так и у прогрессивно настроенной части дворянства.

Известие о принятой Национальным собранием конституции 1791 года, положившей конец абсолютизму во Франции, встретило в России одобрение со стороны значительной части русского общества. Прогрессивно настроенные круги дворянства вместе с наиболее обеспеченной частью разночинной интеллигенции, связанной с нарождавшейся русской буржуазией, расценивали это событие как победоносное завершение революции, достигшей той именно цели, к которой и сами они в той или иной мере стремились. Представители другой, наиболее передовой части разночинной интеллигенции, отражавшие в своих стремлениях интересы трудовых слоев населения, видели в принятой конституции не завершение революции, а лишь очередную победу на ее пути к становлению буржуазно-демократического строя.

Сообщения о свержении монархии во Франции в августе 1792 г., разгроме сил интервенции, провозглашении республики, ширившемся революционном движении в других европейских странах, о суде над Людовиком XVI и, наконец, о его казни изменили отношение к революции в среде дворянской интеллигенции и той части интеллигенции разночинной, которая была связана с формировавшейся буржуазией. Напуганные ширившимся движением народных масс, они отшатнулись от революции, ища опоры и защиты в самодержавии. В то же время наиболее передовые круги демократически настроенной разночинной интеллигенции продолжали с сочувствием относиться к дальнейшему развитию революции во Франции.

Период якобинской диктатуры во Франции особенно остро дал почувствовать прогрессивно настроенным кругам русской разночинной интеллигенции гнет и произвол самодержавно-полицейского режима. Вопреки репрессиям многие из них продолжали идейно примыкать к революции. Революционные события во Франции, достигнув наивысшего подъема, для русских людей как бы подтверждали на практике жизненность идей Радищева и способствовали развитию в России революционной идеологии, порожденной русской действительностью.

Передовое демократическое движение в России уже у самых своих истоков встретило большие трудности. Оно не нашло союзника в лице складывавшейся русской буржуазии, которая была экономически слаба, законопослушна и не мыслила своего дальнейшего развития без поддержки царизма. Кроме того, оно возникло в тот период, когда феодально-крепостнический строй сохранял еще достаточно сил и возможностей для расширения помещичьих прав, закрепощения новых крестьянских масс и укрепления сословно-дворянского аппарата управления страной

Тяжелое положение подневольных слоев населения, испытывавших усиливавшийся феодальный гнет, усугублялось новыми формами эксплуатации, начинавшими возникать в деревне и городе в результате роста капиталистического уклада в недрах феодально-крепостнического строя. Все эти обстоятельства, ложившиеся невыносимо тяжелым ярмом на плечи народных масс, множили их стихийный протест, достигший особой силы в крестьянской войне под руководством Пугачева и в последующих непрекращавшихся восстаниях крестьян. Глубинные течения в народных массах, их гнев и чаяния непосредственно отражались в политических требованиях представителей передового демократического движения в России — Радищева и его последователей — и придавали этим требованиям революционный характер.

Острейшие классовые противоречия русской действительности явились той двигательной силой, которая позволила наиболее передовой русской общественной мысли стать созвучной с идеями и событиями французской революции на всем протяжении ее восходящей линии.

Михаил Михайлович ШТРАНГЕ

**РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789-1794 гг.**

Москва: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1956

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009